

Новосибирское региональное
Пушкинское общество

Пушкинский альманах
выпуск 13

Новосибирск
Издательский дом «Манускрипт»
2012

ББК 94.3

П-914 Пушкинский альманах. Выпуск 13 /Под общей редакцией В.Е. Крыжановского. – Новосибирское региональное Пушкинское общество. – Новосибирск: Издательский дом «Манускрипт», 2012. – 206 стр.

ISBN

Настоящий выпуск «Пушкинского альманаха» посвящен 200-летию со дня рождения Н.Н. Пушкиной и другим памятным датам российской истории

© Составление: правление Пушкинского общества, 2012

© Издательство «Манускрипт», 2012

Пушкин и мы

Александр Пушкин

Мадонна

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

1830

Вадим Старк

Н.Н. Пушкина*

«Наталья Николаевна» – это сочетание имени и отчества по ассоциации вызывает только одну фамилию – Пушкина. В ту эпоху, которую мы называем пушкинской, говорили, что первый романтический поэт женился на первой романтической красавице. На самом деле Пушкин в 1831 году уже не был поэтом-романтиком, хотя массовый читатель все еще воспринимал его как автора «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана». Пушкин-романтик и помыслить не мог ограничить свою свободу браком, как не представлял себя «отцом семейства» его герой Онегин из «деревенских» глав романа. Другой Пушкин – «умнейший человек России», автор «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и «Арапа Петра Великого» – мог искать счастья «на проторенных дорогах», оставаясь, как следовало гению, поклонником «юности и красоты». «Я женат и счастлив, – скажет «огончарованный» поэт, – лучшего не дождусь». И Пушкин никогда не сожалел о сделанном выборе.

Короткая совместная жизнь поэта с Натальей Гончаровой отозвалась в главном – в сочинениях поэта: его стихах, прозе и письмах. Одного короткого письма Натальи Гончаровой из Москвы в Болдино, которое дает Пушкину надежду на соединение с нею, оказывается достаточно, чтобы вопреки логике жизни все «Повести Белкина» обрели счастливый конец. И роман «Евгений Онегин» был закончен вскоре после свадьбы вставным письмом Онегина Татьяне, полным тех чувств, которые тогда владели автором. Пушкин и Наталья Николаевна соединились в московском храме Большого

* В.П. Старк. Наталья Гончарова. – М.: Молодая гвардия, 2009. – С.5–10.

Вознесения и расстались в петербургской церкви Спаса Нерукотворного Образа. Им суждено было прожить вместе всего пять лет, 11 месяцев и восемь дней. Ей было 24 года, а ему 37 лет, когда прозвучал роковой выстрел на Черной речке, отнявший у Натальи Николаевны мужа, а у России национального поэта. Незадолго до смерти Пушкин сказал о жене: «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском». И он оказался прав не столько в отношении современников, сколько потомков. «Потерпела» она от суждений многих пушкинистов и даже от его собратьев по перу. Ее роль в истории дуэли, виновность или невиновность – вот что занимало и занимает всех до сих пор.

Первый биограф Пушкина П. В. Анненков не только тактично обошел молчанием всю историю отношений жены поэта с Дантесом, но и вообще ограничился констатацией фактов. Особое внимание отношениям Натальи Николаевны и Дантеса было уделено впервые в книге Павла Елисеевича Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», вышедшей в 1916 году: «Ее соблазняли, и она была жертвой двух Геккеренов». Щеголев детально проследил дуэльную историю от 4 ноября 1836 года, когда Пушкин получил анонимный пасквиль, причислявший его к ордену российских рогоносцев, до смерти поэта 29 января 1837-го. Как пишет Щеголев, «после всего происходившего в ноябре Пушкин не считал искренним и сколько-нибудь серьезным увлечение Дантеса Натальей Николаевной».

В 1929 году свое видение Натальи Николаевны выразила Марина Цветаева в очерке «Наталья Гончарова». В нем представлены две Натальи Гончаровы – жена поэта и художница, красавица и труженица, двоюродная бабушка и внучатная племянница. В таком сопоставлении, как пишет Цветаева, «...с Натальи Гончаровой с самого начала снята вина». И продолжает: «Нет в Наталье Гончаровой ничего дурного, ничего порочного, ничего, чего не было в тысячах таких, как она, – которые не насчитываются тысячами. Было в ней одно: красавица. Только – красавица, просто – красавица, без

коррективы ума, души и сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И – сразила». Но не вяжется этот портрет с женою Пушкина, в которой душу он любил более лица ее. В пристрастных суждениях-осуждениях Цветаевой (ибо Пушкина любит она страстно, а в его любви к жене видит одно – чары) есть бьющее в самую точку сравнение: «Как Елена Троянская *повод*, а не причина Троянской войны (которая сама не что иное, как повод к смерти Ахиллеса), так и Гончарова не причина, а повод смерти Пушкина, с колыбели предначертанной». При всей разнице в стиле и жанре они оказываются близки друг другу – Цветаева и Щеголев.

Говоря о семейной жизни Пушкина, Щеголев приводит цитату из письма Пушкина-жениха П.А. Плетневу от 29 сентября 1830 года: «Все, что ты говоришь о свете, справедливо; тем справедливее опасения мои, чтоб тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой жене моей пустяками. Она меня любит, – но посмотри, Алеко Плетнев, как *гуляет вольная луна* etc».

Другая позиция, близкая к той, которой придерживались друзья Пушкина, и к тому, что хотелось самому поэту, нашла выражение в 1935 году в первой книге, посвященной Наталье Николаевне, – «Невеста и жена Пушкина». Ее автор – известный пушкинист Модест Людвигович Гофман, выехавший в 1922 году в заграничную командировку и оставшийся в Париже, где он по праву стал признанным главой пушкиноведения в русском зарубежье.

Книга открывается цитатой из пушкинской поэмы «Цыганы»:

К чему? вольнее птицы младость. Кто в силах удержать любовь? Чредою всем дается радость; Что было, то не будет вновь.

По поводу этих строк Гофман пишет: «Всем своим “донжуанским” опытом Пушкин знал радость и муки (чаще муки!), которые дает крылатый бог любви, и знал прежде всего, что любовь крылата: найдет, налетит, властно покорит не умеющее ей сопротивляться бедное человеческое сердце».

Гофман замечает: «Пушкин не мог теперь, в этот период, не увидеть, что Наталья Николаевна его любит, а не со спокойным безразличием дает свою руку», но тут же напоминает, как «гуляет вольная луна».

Через два года после Гофмана В. В. Вересаев к столетию гибели поэта выпустил свою популярную книгу «Спутники Пушкина». Очерком, посвященным Наталье Николаевне, он обобщил все то, что в воспоминаниях, рассказах и письмах современников было высказано о ней. Он выразился более чем определенно в отношении написанного о Наталье Николаевне ее старшей дочерью от второго брака, А. П. Араповой, назвав ее сообщения «лживыми» и «тенденциозными», «в которых нельзя верить ни одному слову». Однако один из лживых рассказов Араповой о связи Пушкина со свояченицей Вересаев непоследовательно принимает и закрепляет одной фразой без всяких оговорок: «За время одной из беременностей жены он интимно сошелся с девушкой-сестрой ее Александриной Гончаровой».

То же самое можно заметить и в связи с тем, что пишет Вересаев по поводу ревности, испытываемой Натальей Николаевной к объектам пушкинского интереса. При этом привлекается суждение Софьи Николаевны Карамзиной, писавшей в 1834 году: «Жена Пушкина часто и преискренно страдает мучениями ревности, потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить поэтическую голову ее мужа». Карамзина пишет о поэтических увлечениях, Вересаев же переводит это высказывание на более прозаическую почву: «Ревность и подозрения Натальи Николаевны были очень не лишены оснований. У Пушкина за время его женатой жизни был целый ряд увлечений: графиня Н. Соллогуб, А.О. Россет-Смирнова, графиня Д.Ф. Фикельмон». Далее речь идет о якобы имевшей место связи Пушкина с Александриной Гончаровой, а в целом создается ложное впечатление, что у Пушкина была связь со всеми названными дамами.

По поводу ревности Пушкина Вересаев также пишет, привлекая для поддержки своих суждений вовсе не равнодушного свидетеля из прошлого – Анну Николаевну Вульф, с которой Пушкин имел роман в период Михайловской ссылки: «Я здесь меньше о Пушкине слышу, чем в Тригорском даже; об жене его гораздо больше говорят, чем о нем; от времени до времени я постоянно слышу, как кто-нибудь кричит об ее красоте». К чести Вересаева, следует заметить, что, приведя свидетельства современников Пушкина о нравах, царивших при дворе, о романах Николая I, он по поводу жены Пушкина написал вполне определенно: «Наталья Николаевна держала императора в должных границах, так что ему ничего больше не оставалось, как изображать добродетельно-попечительного отца и давать Наталье Николаевне благожелательные советы держаться в свете поосторожнее, беречь свою репутацию и не давать повода к сплетням».

Однако если в этом вопросе Вересаев был сдержан в отношении Натальи Николаевны, жены поэта, то в отношении вдовы Пушкина, а тем более генеральши Ланской он пересказывает ту же Арапову, в сообщениях которой, по его собственному выражению, «нельзя верить ни одному слову», и заключает: «Все эти данные с большой вероятностью говорят за то, что у Николая завязались с Натальей Николаевной очень нежные отношения, результаты которых пришлось покрыть браком с покладистым Ланским». То, что Вересаев определил как «большую вероятность», под пером некоторых наших современников приобрело несомненность факта, хотя для того не было никаких оснований.

Важным этапом в освещении преддвульной истории, отношений Натальи Николаевны и Дантеса стала публикация в 1946 году французским писателем российского происхождения Анри Труайя двух писем Дантеса Геккерену начала 1836 года. С тех пор ни одно исследование о последнем годе жизни Пушкина и Натальи Николаевны не обходилось без обращения к этим письмам. Как позднее оказалось, Труайя ввел в обиход лишь фрагменты двух писем, но и их оказа-

лось достаточно для самых разных умозаключений. Содержащиеся в них, хотя и со слов Дантеса, признание Натальи Николаевны в любви к нему и выражение собственных его чувств к ней вызвали различную реакцию. Кто-то высказал мысль, что поскольку имя Натальи Николаевны в письмах прямо не названо, то и речь в них может идти о какой-то другой замужней даме, в которую был влюблен Дантес. Особенно далеко по этому пути пошел С.Б. Ласкин, который даже назвал имя – Идалия Григорьевна Полетика. Кто-то, как И. М. Ободовская и М.А. Дементьев, подверг сомнению время написания писем, полагая, что они были сочинены Дантесом спустя годы «для оправдания потомством». Авторами книг «Вокруг Пушкина» и «После смерти Пушкина» явно руководило желание оправдать Наталью Николаевну, в чем она не нуждалась.

Зато Анна Андреевна Ахматова, чьи работы о Пушкине стали, несомненно, значительным вкладом в изучение всего, что связано с последним этапом жизни Пушкина, отдала дань этим письмам, нисколько не сомневаясь в их подлинности. На основании всего двух посланий Дантеса к Геккерену Ахматова опровергла мнение П.Е. Щеголева, полагавшего, что историю увлечения Дантеса Натальей Николаевной следует вести с осени 1834 года. Проведенный поэтесой, если так можно выразиться, «сердечный анализ» писем Дантеса оказался наиболее проникательным в сравнении со всем, что написано о них. А своим очерком «Александрина» Ахматова расставила «все точки над і» в хитро сплетенной истории связи, якобы существовавшей между сестрой Натальи Николаевны и Пушкиным, написав: «От всего этого за версту пахнет клеветой».

Полная публикация писем Дантеса к Геккерену, осуществленная уже в конце 1990-х годов Сереной Витале, убедила всех, что письма эти подлинные и речь в них идет именно о Наталье Николаевне. К сожалению, самые значительные работы последних десяти – пятнадцати лет не могли охватить корпус этих писем.

В 60-е годы XX века так называемая «тагильская находка» писем семейства Карамзиных 1836–1837 годов привнесла в историю дуэли Пушкина до того неизвестные подробности. Изданные Н.В. Измайловым, эти письма, как никакие другие свидетельства эпохи, позволили по-новому взглянуть на трагедию Пушкина и на место в ней Натальи Николаевны. Но, как оказалось, и эти послания, исходящие из круга самого близкого к Пушкину, и эпистолы его противника, как и все другие свидетельства современников, можно интерпретировать в зависимости от изначальной установки их исследователя.

В поисках истины следует помнить прежде всего слова самого Пушкина, обращенные к Наталье Николаевне перед смертью: «Ты ни в чем не виновата». Жена Пушкина не нуждается в оправдании, ее честь защищена им самим. Она — его «ангел», «Мадонна», «Муза», «царица», «женка», «душка», «бой-баба», мать его детей. Этим все сказано. Но в очередной раз приходится обращаться к тому, что, казалось бы, и без того известно, чтобы представить жизнь Натальи Николаевны. Начинать надо издалека, пройдя путь от альфы до омеги. И следует вспомнить слова А. А. Ахматовой, предварившие ее статью «Гибель Пушкина», явно не случайно помеченные днем именин Натальи Николаевны:

«Как ни странно, я принадлежу к тем пушкинистам, которые считают, что тема семейной трагедии Пушкина не должна обсуждаться. Сделав ее запретной, мы, несомненно, исполнили бы волю поэта.

И если после всего сказанного я все-таки обратилась к этой теме, то только потому, что по этому поводу написано столько грубой и злой неправды, читатели так охотно верят чему попало и с благодарностью приемлют и змеиное шипение Полетики, и маразматический бред Трубецкого, и сюсюканье Араповой. И раз теперь, благодаря длинному ряду вновь появившихся документов, можно уничтожить эту неправду, мы должны это сделать».

Владимир Евдасин

Я вам поведаю приватно*

2

Как русские русской нацией стали

*НАРОД – население, жители государства
НАЦИЯ – исторически сложившаяся
устойчивая общность людей, образующаяся в
процессе формирования общности
территории, экономических связей,
литературного языка, особенностей культуры,
духовного облика.*

С.Ожегов «Словарь русского языка»

Пока не заглянул в толковые словари, считал, как, думаю, считают многие, что нация определяется кровным, генетическим родством, из поколения в поколение передающимся по наследству и дающим право националистам делить людей на своих и чужих по единству кровных уз. Оказалось, кровные узы тут не причём. Пушкин, Лермонтов, Даль, Левитан, Айвазовский, Нахимов и многие миллионы других людей представляют единую нацию, не отличаясь чистотой крови. Людей в нацию соединяют общий духовный облик, общий литературный язык и, главное, общие особенности культуры.

Захотелось на примере нации русских, к которой относится абсолютное большинство населения России, понять, как возникают нации. Это и стало предметом моих рассуждений, результатом которых хочу поделиться.

Великий зачин великого князя

Дату основания нашего государства определяют 862 годом н.э., годом вокняжения в Новгороде варяга-флотоводца

*Начало в Альманахе №12. – С.79–98.

Рюрика. Тогда же среди аборигенного населения появились первые русские. Ими были сам Рюрик и все пришедшие с ним на кораблях его флота варяги, по названию флота – русь – прозванные русскими. Рюрика стали звать князем русским. Со временем прилагательное русский стало применяться ко всему, чем владел русский князь, в том числе и ко всем его подданным, то есть всё население «империи Рюриковичей» получило прозвище – русские. Случилось это, видимо, уже в 10–11 веках н.э. А вот когда это население, этот народ, эти русские по прозвищу, русской нацией стали, никто с точностью до года, десятилетия и даже века сказать не может. Самое точное определение расплывчато: первая половина второго тысячелетия от Рождества Христова, а то и пару веков спустя. Относительно точно можно определить лишь отдельные события, способствовавшие формированию из населения нашего древнего отечества русской нации.

Начав в 862 году н.э. с захвата власти над местными племенами, представители скандинавской династии Рюриковичей, наследуя власть от отца к старшему сыну, главной своей задачей считали продолжение расширения захватами и удержание завоёванных территорий и жившего на них населения под властью единого князя. Сформировалась общегосударственная территория для всех разноплеменных подданных русского князя. На этой общей территории появились зачатки общих экономических связей между населением разных племён, в основном связей торговых. Князья организовывали общую для всех племён внешнеторговую деятельность, собирали и отправляли в другие страны общие торговые караваны под общей для купцов из разных племён охраной. В походы отправлялись объединённые войска. И добыча делилась на всех, и защита от набегов была для всех. Общность государственной территории и общность пусть ещё и слабо развитых экономических связей, эти неперемённые признаки нации, у всех, кто носил общее прозвище – русские, спустя век после вокняжения Рюриковичей были уже в наличии в Древней Руси.

Однако по-прежнему подвластные Рюриковичам племена молились каждое своим языческим богам, говорили на своём наречии и даже родственные славянские или финские племена имели каждое свои обычаи, свой уклад жизни. Никакой единой культуры, единой духовности у народов, населяющих древние русские земли и объединённых только военно-административной властью над собой князей русских, не было. Это приводило к тому, что то одно, то другое племя норовило «отложиться», уйти из-под власти князя. Удержать племена вместе, в одном государстве даже силой оружия становилось всё труднее. Опыт других стран подсказывал, что нужен безотказный объединяющий фактор для скрепления племён и многонационального народа, населяющего территорию Руси.

Основополагающий шаг для формирования из разнородного населения Руси единой нации был сделан в 988 году н.э. правнуком Рюрика киевским князем Владимиром Святославичем. Придя к единодержавной власти в результате уничтожения в междоусобной борьбе собственных братьев, Владимир потратил много сил на усмирение варягов, братьям служивших. Пришлось усмирять и «отложившиеся» было от Киевского княжества племена вятичей и радомичей. Это, должно быть, понудило князя принять меры к укреплению единства на подвластной ему территории. Поэтому, а вовсе не из желания жениться на греческой царевне, как уверяет летописец Нестор, Владимир принял решение обратить всё разнородное языческое население Киевской Руси в единую веру.

Из единобожьи религий, а их было известно четыре в ту пору – иудаизм, ислам, христианство католическое и христианство православное – самым подходящим было православие, которое уже прижилось в других странах со славянским населением. Православные службы там велись на славянском языке, понятном не только славянам, но и уже начавшим ославяниваться скандинавским завоевателям от княжеской династии до рядового воина-варяга, то есть большинству населения Руси.

Владимир Святославич был не первым из династии Рюриковичей, кто остановил свой выбор на православии. Первой была его бабка княгиня Ольга, двенадцать лет правившая Русью от имени своего малолетнего сына Святослава Игоревича. Ольга сама приняла крещение, но ни личным примером, ни уговорами даже сына не смогла отвратить от язычества и склонить к православной вере, не говоря уже о подданных по всей Руси. «Нет, – видимо, решил Владимир, – пойду-ка я другим путём».

И вот, спустя 126 лет после вокняжения династии Рюриковичей, правнук Рюрика великий князь киевский Владимир Святославич, недавний ярый язычник, вначале принял православие сам. Затем повелел принять крещение всем варягам, у него в Киеве и в других городах Руси служившим в качестве ближних бояр, наместников и других «чиновников» княжеского двора, воевод и воинов княжеской дружины. А потом решительно с помощью военно-административного аппарата за несколько лет добровольно, чаще добровольно-принудительно, а то и просто силой привёл к православию через крещение большинство разноплемённого населения русских земель. Бывшие язычники вынужденно стали молиться единому богу. К единой светской власти князя добавилась единая духовная власть митрополита. Ещё не литературным, но уже единым стал церковнославянский язык богослужений. Укоренялись в населении Руси единые православные обычаи.

Внедрив православие, князь Владимир Святославич в 988 году н.э. дал старт формированию духовной общности, общности языка и общности культуры у всего населения Киевской Руси. Без этого в дальнейшем не смогла бы сформироваться русская нация из людей, до того имевших лишь общее прозвище – русские – да общую над собой власть русских князей на общей для всех земле русской.

Но старт – обряд крещения, явление разовое и формальное, ещё не делал из бывших язычников правоверных христиан. Для закрепления православия нужна была ежедневная

и повсеместная «идеологическая» работа проповедников, нужны были храмы, где бы эта работа проводилась. Князь Владимир приступил к строительству церквей во многих городах Руси Киевской. Руководили строительством и оформлением храмов нанятые князем греческие архитекторы и иконописцы, а им помогали и у них учились местные подмастерья. Болгарские проповедники сами вели службы в новых храмах и приступили к подготовке церковнослужителей из местных людей грамотных, коих первое время находили среди повидавших мир варягов. А вскоре грамотой стали овладевать дети коренных жителей в школах, открытых по велению князя при храмах. В этих школах греческие и болгарские учителя обучали славянской письменности по азбуке, разработанной греческим проповедником св. Кириллом специально для перевода греческих церковных книг на язык, понятный славянам. При княжеском дворе и при храмах великий князь завёл мастерские, где иностранные знатоки переписывали и размножали привезённые на Русь церковные книги, а у них книгоделанию учились местные подмастерья.

Многое успел сделать князь Владимир Святославич для скрепления русских по прозвищу, но разноплемённых и разноречивых людей в единую русскую нацию через единую православную веру. Но лишь четверть века после крещения своего прожил князь и многое так и не успел. Даже его сыновья, а их было двенадцать, наделённые отцом каждый своим удельным княжеством, ещё при жизни князя Владимира пытались выйти из-под его власти, «отложиться» от Киевской Руси и княжить самовластно. А князь Владимир мечтал о единении.

Но бурный старт и активное прохождение короткого, в четверть века, первого этапа формирования, зачатия русской нации на основе общности культуры, языка и духовности были обеспечены волей и организаторскими способностями князя Владимира Святославича. Другие этапы многовекового пути, на финише которого население Руси из русских по

прозвищу должно было превратиться в нацию русских, предстояло пройти, вместе с населением Руси, его последователям из династии Рюриковичей. О том, как это происходило, попробую рассказать, призвав на помощь филателистическую коллекцию, мою домашнюю иллюстрированную энциклопедию на почтовых марках, вокруг которых и буду строить дальнейшее повествование.

Через единую веру к единой культуре русской

КУЛЬТУРА – совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей, общества.

С. Ожегов «Словарь русского языка»

Всякий раз, когда проветриваю, то есть открываю альбомы и классеры, чтобы дать почтовым маркам «подышать», уберегая их от высыхания, любуюсь серией из пяти марок под названием «Культура русского средневековья» (1991 г.). Художник Г. Комлев оформил марки ярко и красочно, да так, что горизонтальная их сцепка составляет цельную панораму, вызывающую ассоциацию с видом пяти окон с резными наличниками на фасаде старинного русского терема. Кажется, заглянув в эти окна, можно легко представить, как и чем жили наши предки. На каждой марке художник разместил, обозначил названиями и датами по два сюжета. Это дало ему возможность представить нам не только 5 известных памятников русской культуры, но и 7 портретов исторических лиц, да ещё и силуэты архитектурных сооружений древней и средневековой Руси. Этим и воспользуюсь. Комментируя каждый сюжет, попробую рассказать о возникновении и развитии единой культуры русской и её роли в формировании русской нации. А начну с двух первых марок, посвящённых периоду досредневековья, то есть Древней Руси, где и начиналась нация русских.

Кирилл и Мефодий

Кто же они такие, эти благообразные старцы, и что сделали для русской культуры, что художник именно с сюжета о

них начинает серию почтовых марок «Культура русского средневековья»?

Это родные братья, православные проповедники. Младший из них, Кирилл, разработал славянскую азбуку, ту самую, которая, претерпев за столетия многие усовершенствования, позволяет мне написать, типографам напечатать, а вам прочитать и понять то, что вы сейчас читаете. Эту азбуку до сих пор применяют во всех странах со славянским населением и называют её кириллицей по имени её создателя. Хотя, строго говоря, когда Кирилл рисовал изображения букв первой славянской азбуки, придумывал им названия и определял порядок их расстановки в азбуке, он вовсе не был Кириллом, его звали Константином, и было бы логичнее называть новую азбуку константиницей. Но под именем Кирилл Константин принял монашество перед смертью, православная церковь считает его святым Кириллом и в честь его святости славяне азбуку свою именуют кириллицей.

Мефодий, старший брат Константина, переводил с греческого на славянский язык церковные книги и активно проповедовал православие среди славянских народов. Он тоже причислен к святым.

Родились братья в греческом городе Фессалоника, который теперь зовётся Салоники. По одним данным, отец братьев, императорский вельможа и военачальник византийского войска, был болгарин, а мать гречанкой. По другим – как раз наоборот. В любом случае с детства братьям были знакомы и греческий, и разговорный славянский языки. Получив блистательное образование, оба брата долго и верно служили императору Византии, но в конце концов посвятили себя служению православной церкви.

К тому времени христианское учение разделилось на две ветви: католическую с центром в Риме и православную с центром в византийской столице Константинополе. Обе ветви христианства отчаянно соперничали между собой за каждого верующего, ибо от количества прихожан зависели влияние и доходы и той, и другой.

Правитель соседнего с Византией славянского Великоморавского княжества князь Ростислав не терпел зависимости и хотел, чтобы в его княжестве богослужения велись не на латыни и не на греческом языках, а на родном славянском языке. Папа римский требовал службы вести только на латыни. А вот греческая православная церковь и император Византии пошли Ростиславу навстречу. Братьям Константину и Мефодию поручили перевести с греческого на славянский язык богослужебные книги и организовать на славянском языке службы в церквях Моравии и других славянских стран.

Легко сказать, да мудрено сделать. Но братья справились. Не прошло и года, явились они к славянам с несколькими переведёнными на их язык богослужебными книгами, а главное, с первой славянской азбукой, которая и стала основой славянской письменности.

В силу физиологически более развитого голосового аппарата славяне в устной речи умели произносить больше звуков, чем это могли делать греки. 24 буквы греческого алфавита не могли передать всего богатства звуков славянской речи.

Константину пришлось проделать огромный объём научной работы. Произнося десятки и сотни славянских слов, он делил их произношение на отдельные звуки. Те звуки, какие встречались и в греческом языке, он записывал буквами греческого алфавита. А когда слышался звук новый, греческими буквами не передаваемый, Константин придумывал рисунок и название новой буквы. Так он изобрёл дополнительно 19 чисто славянских букв для записи шипящих, свистящих, йотированных звуков. Расставив в определённом, им самим придуманном, порядке эти 19 и 24 буквы греческого алфавита, Константин получил первую славянскую азбуку из 43 букв. При этом греческие по рисунку буквы получили новые, удобные для славян названия: не «альфа», а «аз»; не «бета», а «веди»; не «гамма», а «глаголь» ... Перевод тех нескольких религиозных книг, с которыми они пришли к славянам, тоже потребовал от братьев немало труда. Не могу поверить, что всё это – и изобретение азбуки, и пере-

вод, и переписку книг – братья совершили в том же году, когда получили задание своего императора и патриарха. Даже набившие руку опытные писцы на переписку книги в двести рукописных страниц тратили до года. Перевод тоже требовал уйму времени. Поди-ка из тысяч славянских слов выбери такие, чтобы точно передавали смысл греческого текста и чтобы религиозный текст был понятен всем славянским народам. А источники утверждают – в том же году справились братья. Есть, правда, и другая, более правдоподобная версия: вовсе не месяцы, а годы ушли у братьев на эту работу.

В «Сказании о письменах», написанном на рубеже 9 и 10 веков н.э., то есть почти сразу за появлением кириллицы, болгарский автор Храбр Черноризец сообщал, что славянская азбука появилась в 6363 году от сотворения мира. И тут возможно расхождение при пересчёте этой даты на летоисчисление от Рождества Христова. Если Храбр указал дату по александрийскому варианту летосчисления, то указанная им дата как раз соответствует 863 году н.э. А если Храбр пользовался летосчислением, принятым в Византии? Тогда указанная им дата соответствует 855 году н. э. и совпадает с поездкой Константина в Болгарию. Вполне возможно предположить, что уже тогда, в 855 году н.э., столкнулся Константин с непониманием славянами греческих текстов богослужебных книг и с невозможностью переложения этих текстов для славян не в устной проповеди на их языке (это-то у Константина получалось, ибо знал он разговорную речь славянскую), а в записи. Видимо, тогда, в 855 году н.э., и начал он создавать первые буквы для первой славянской азбуки. Сколько времени ушло у него на разработку новой азбуки, мы не знаем, но только через восемь лет Константин объявил славянам о том, что есть у них теперь своя азбука и есть книги на славянском языке. О работе Константина и его брата над переводом книг на славянский язык знали, конечно, духовные и светские правители Византии и совсем не случайно именно им было поручено организовать православные богослужения на славянском языке. Братья к этому были готовы.

Как бы там ни было, а 24 мая 863 года н.э. Константин объявил о создании славянской азбуки и показал первые книги славянскими буквами «писаны». В этот день, 24 мая, ежегодно во всех славянских странах и всюду, где присутствует православие, празднуется «День славянской письменности» с почитанием заслуг святых Кирилла и Мефодия.

Славянская азбука была изобретена св. Кириллом, когда нашему первому государству Новгородскому княжеству исполнился только год. И проповедовать православие в русских землях им с братом не пришлось. Но без созданной ими славянской письменности Русь могла бы и не стать православной. И совсем иначе развивался бы русский язык. И позже, и иначе сформировались бы русская культура и на её основе русская нация. Так что прав художник, начавший разговор о «Культуре русского средневековья» с сюжета, посвящённого этим нерусским старцам.

«Остромирово евангелие». 1056–1057 гг.

Этот яркий цветной сюжет посвящён древнейшей и точно, до дня, датированной русской религиозной рукописной книге.

Воспроизведя в цвете одну из миниатюр, украшающих эту книгу, художник даёт нам понять и оценить, как, по слову специалиста, «разнообразие красочной палитры, сочетание растительных и геометрических орнаментов, широкие рамы, окружающие композиции – всё это придаёт изображениям не просто нарядность, но какую-то безудержную радость, почти ликование» при взгляде на страницы «Остромирова евангелия». Миниатюра самобытна, как и все другие миниатюры этой книги. Изображения евангелистов ничуть не похожи на те, что украшают католические книги. Не похожи они и на изображения, встречающиеся в православных книгах, изготовленных византийскими мастерами.

Текст «Остромирова евангелия» вписан на страницы аккуратными строчками, модным тогда, каллиграфическим уставом – почерком славяно-русского рукописного письма. Самобытными, славяно-русскими, выглядят буквы – на-

чальные заглавные буквы, обозначающие абзац. Они образуются затейливым сплетением растительных элементов – стеблей, листьев, цветов и часто с весёлым юмором украшены головами фантастических птиц и животных или девичьими ликами. Жаль, что ограничения жанра почтовой миниатюры не позволили художнику представить нам и образец страницы текста «Остромирова евангелия», но поверим специалистам – это русская книга, над ней работали не византийские, а новгородские мастера книжного дела. Имя одного из них известно. Это дьякон Григорий, писец, догадавшийся поставить свою подпись и даты начала (21 октября 1056 г.) и окончания (12 мая 1057 г.) своей работы. Известно и имя заказчика «Остромирова евангелия». Им был Остромир, новгородский посадник киевского великого князя Изяслава Ярославича. Думаю, подобные книги, подлинные произведения искусства, в Древней Руси заказывал не только Остромир.

Внедрившись в русские земли, православие принесло с собой книги на славянском языке, научило славянской письменности. Появилось и превратилось в одну из бурно развивающихся отраслей производство книг. Освоили люди русские целый ряд новых специальностей, связанных с этим ремеслом. Над «Остромировым евангелием» и другими подобными книгами в книгодельнях при храмах и монастырях в поте лица трудились мастера: писец чернописный, чернилами писавший основной текст; писец статейный, выводивший киноварью вязь орнаментов и заглавий; писец заставочный, рисовавший заставки и буквицы; писец иконный рисовавший миниатюры; златописец покрывавший разведённым золотом и серебром заставки и детали миниатюр. Много дней страница переходила от одного писца к другому, а когда была готова, её переворачивали и писцы приступали к работе на оборотной стороне листа над следующей страницей. Когда готовы были все страницы, к работе приступал переплётчик, сшивавший листы в тетради, а тетради в единый книжный блок. Потом над оформлением оклада (переплёта) книги тру-

дились сканный мастер, злато- и серебрукузнец. Эти обтягивали сафьяном, бархатом или кожей и скрепляли деревянные дощечки переплёта, облагораживали переплёт серебряными или золотыми узорными пластинами и угольниками, а то и драгоценными камнями, изготавливали застёжки, иногда и замки. А ещё в бригаде книгоделов работали подмастерья, готовившие мастерам чернила и краски, перья и кисти, нарезавшие по заданному размеру и сгибавшие пополам пергаментные листы, стругавшие дощечки для оклада. Всё это требовало сноровки и умения, знаний технологии.

Вот какой способ изготовления чернил описан в одной из летописей: мелко истолочь чернильные орешки и просеять их через сито; затем залить их сначала кислым, а потом пресным мёдом и смешать с клейким вишнёвым соком; после чего в полученный раствор поместить 12 пластин железа и всё это поставить в тёплое место на три дня, но каждый день трижды перемешивать, процеживать да пробовать языком на сладость. Сложно, долго, трудоёмко. Зато и через тысячу лет написанный такими чернилами текст «Остромирова евангелия» не только легко читается, но и выглядит нарядно.

Главным инструментом писца были птичьи перья. На Руси, как правило, гусиные. У гуся перьев много, но бралось не всякое, а только из левого крыла (левой в писцы не брали). Технологию подготовки пера для письма отражает народная загадка о нём: «Уронила меня мать, подняли люди, срезали голову, вынули сердце, дали попить и заставили говорить». Это о том, что специальным «перочинным» ножом наискось обрезали и заостряли кончик пера, прочищали его сердцевину. Потом кончик пера вываривали в кипятке и закаливали в горячем песке, а после закалки аккуратно расщепляли, чтобы, когда перу «дали пить», обмакнув в чернила, последние при лёгком нажатии на перо легко стекали с пера на лист, заполняя его буквами.

Птичьи перья для письма использовались много веков. И хотя ещё в конце 18 века появились перья для письма металлические, многие, А.С. Пушкин например, и в 19 веке пред-

почитали перья гусиные. Чернильница, пузырёк вроде солонки с мелким песком для подсушки чернил на бумажной странице и связка гусиных перьев всегда были на столе, конторке или в дорожном бауле нашего гения. Доводилось ему писать и лебяжьими перьями в альбомах дам высшего света, которым эти перья были по карману.

Развитие книгоделательного ремесла повлияло и на такую сторону производственных отношений и экономики в Древней Руси, как ассортимент товаров, завозимых в земли русские. Увы, не было тогда на Руси своих драгоценных металлов, растворителей золота и серебра, некоторых красок и компонентов для чернил. А главное, не было пергамента, очень дорогого, но единственного в те времена прочного и удобного для письма, а уж тем более для изготовления книг, материала. Эра растительного папируса уже миновала, а эра бумаги ещё не настала.

Изготовление пергамента ещё во 2 веке до н.э. изобрели в Пергаме, маленьком малоазиатском государстве, наладили его массовое производство и сделали торговлю пергаментом важной статьёй дохода государства. Естественно, технологию изготовления пергамента пергамцы держали в секрете. Вот почему в Древней Руси, как, впрочем, и в других странах, пергамент долго был привозным. И всё же развитие книгоделательного ремесла привело к тому, что и русские умельцы со временем научились пергамент изготавливать. Это новое ремесло было делом сложным, кропотливым, трудоёмким, а потому дорогим.

Шкуры мелких копытных животных (козлят, ягнят, телят) много дней вымачивали в растворе извести. Когда волос на шкурах ослабевал, его тупым ножом соскабливали, с внутренней стороны шкуры удаляли остатки жира, плёнок, сухожилий. Полученную таким образом кожу растягивали, разглаживали морщины и выстругивали до нужного утончения. Потом кожи растирали деревянными или костяными брусками, шлифовали пемзой и снова просушивали, и снова разглаживали... И только потом получался пергамент, из которого вырезали листы, пригодные для письма с двух сторон.

Несколько веков пергамент был основным материалом в книгоделании, на нём писались государственные указы, велась переписка. Потом его сменила бумага, но и в 19 веке н.э. он ещё применялся. Известно, например, что А.С. Пушкин заказывал писцам-каллиграфам изготовление в пергаментном варианте своих творений для подарков особо близким друзьям.

Итак, разместив на одной филателистической миниатюре сюжет о святых Кирилле и Мефодии и сюжет об «Остромировом евангелии», художник обратил наше внимание на роль православия в зарождении первых ростков единой для всех народов Древней Руси культуры. Созданная святыми Кириллом и Мефодием славянская письменность повлияла на выбор князем Владимиром Святославичем самой доступной для большинства населения русских земель единобожие религии в виде православного христианства. Православные книги на славянском языке принесли населению Руси не только духовность и единый церковнославянский язык молитв и проповедей, но и дали толчок развитию ремесленного производства (книгоделание и связанные с ним отрасли и занятия), развитию внешнеторговых связей, появились зачатки образования. Строительство православных храмов повлекло за собой освоение архитектурного и строительного опыта других стран, дало толчок развитию иконописи как виду изобразительного искусства. С внедрением православной веры и развитием православной в основе культуры пошёл процесс формирования из населения Древней Руси, из тех, кто пока лишь по прозванию были людьми русскими, полноценной русской нации. Однако от старта до финиша этого процесса предстоял многовековой путь.

Ярослав Мудрый

Почему именно этого Рюриковича, четвёртого из 12 сыновей великого князя киевского Владимира Святославича, крестителя Руси, выбрал художник для продолжения филателистического рассказа об истоках русской культуры, поймём, если вкратце рассмотрим его деяния.

Ещё при жизни своей великий князь Владимир Святославич решил, не обижая никого из сыновей, выделить каждому в управление и прокормление удел, часть земли русской. Стали сыновья удельными князьями и вольны были повелевать в своих уделах, но обязаны были подчиняться отцу как великому князю, собирать с подданных дань и сами платить дань великому князю. Ростовским, а потом новгородским удельным князем стал юный Ярослав.

Так случилось, что умер Владимир Святославич, не успев или не захотев назначить никого из сыновей своим преемником на великом княжении. По обычаю, справедливо было стать великим князем Киевской Руси старшему из родных сыновей умершего. Но был у князя Владимира ещё и приёмный сын (племянник) Святополк. Он – то, нарушив все заповеди, силой захватил престол великого князя в Киеве и, более того, вероломством и подлостью стал избавляться от соперников из родных детей князя Владимира, своих двоюродных братьев. Первыми убил удельных князей Бориса и Глеба, а вскоре и Святослава, удельного князя древлянского.

Собрал тогда Ярослав свою новгородскую дружину и двинулся во главе её на Киев. И разбил Ярослав войско Святополка, уже тогда прозванного Окаянным. Бежал Святополк Окаянный за пределы земли русской. А Ярослав, не встретив возражений остальных, в том числе старших, Рюриковичей, принял трон великого князя и 35 лет правил по примеру своего отца единовластно, подчинив себе все удельные земли русские. И умно правил.

Первым из Рюриковичей не стал Ярослав Владимирович увлекаться завоевательными войнами. Но на земли русские никому не давал посягнуть. Когда кочевники печенег явились с набегом на Киев, Ярослав разбил их, да так, что не стало вовсе этого племени.

Родственными союзами укреплял Ярослав связи с сильными правителями других стран. Дочери князя стали королевами: Анна во Франции, Елизавета в Норвегии, Анастасия в Венгрии. В правление Ярослава с Киевской Русью счи-

тались, она превратилась в одно из самых сильных и влиятельных государств Европы.

Но главной своей заботой во внутренних делах Руси считал Ярослав продолжение дела отца своего по укреплению веры православной, как основы скрепления воедино всех людей русских, какого бы роду-племени они ни были.

По примеру отца, построившего в Киеве первую в русских землях каменную, а не деревянную Десятинную церковь, стал Ярослав в Киеве, Новгороде и других городах строить величественные, возвышающиеся над городскими строениями соборы каменные. И первые монастыри при нём строились. На фоне этих сооружений видим мы портрет Ярослава в верхнем сюжете почтовой марки.

Строились соборы и монастыри под руководством византийских архитекторов людьми русскими, украшались фресками, мозаиками, росписью, иконами художниками иностранными, но с помощью умелых людей русских. Такая учёба не могла пропасть даром. Появились в Древней Руси свои мастера строители, мозаичники, ювелиры, были основаны новые для людей русских отрасли ремёсел и искусств.

Красотою храмовых сооружений и икон, проповедями на понятном всем славянском языке, мелодичными церковными песнопениями, перенятыми от выписанных Ярославом греческих и болгарских певчих, торжественностью обрядов, порядностью облачений священнослужителей привлекала к себе православная церковь недавних идолопоклонников. Всенародной, общерусской становилась всё глубже проникавшая во все слои разноплеменного пока населения православная в основе культура. Всё более просвещёнными становились люди русские, выходцы из разных племён и народов.

Летописцы сообщают, что Ярослав завёл в Новгороде по примеру киевской школы отца своего училище, где дети священников и людей родовитых получали знания, нужные для будущего служения церкви и светской власти. И начиналась учёба с освоения славянской грамоты.

При раскопках в Новгороде археологи находят ярославовых времён деревянные дощечки, на одной стороне которых

выдолблено и залито воском углубление, а на другой стороне вырезаны в азбучном порядке буквы кириллицы. Эти дощечки и составленные из них «тетради» служили для обучения грамоте в школе и дома. Находят археологи и инструменты для письма – металлические палочки, один конец которых заострѐн как гвоздь, а противоположный конец расплюсчен в виде лопатки. Остриём по воску писали, а лопаткой воск разглаживали и удаляли написанное, при исправлении ошибок, например.

Находки археологов наводят на мысль, что князь Ярослав был озабочен и «всеобщей» грамотностью своих подданных и, возможно, открывал не только школы для детей из семей избранных, но и общедоступные. Об этом говорят найденные археологами учебные пособия на берестяных грамотах. На одной из них вырезаны почти все буквы кириллицы. На других мальчик Онфим вырезал не только все буквы азбуки славянской, но и ученические упражнения со слогами. Бересту (специально обработанные куски коры берёзы) русские люди всех сословий научились использовать и широко применяли в бытовой переписке, заменяя ею привозной и потому дорогой и дефицитный пергамент. Заострѐнные металлические и костяные стержни, которыми не писали, а процарапывали буквы на бересте, иногда и сами берестяные грамоты находят не только в Новгороде, но и в других местах. Это говорит о широком распространении славянской письменности и грамотности в Древней Руси со времён правления князя Ярослава Владимировича, ещё при жизни прозванного Мудрым.

Из всей династии Рюриковичей Ярослав Мудрый выделялся и своей набожностью, и радением просвещению, и любовью к книгам. Его стараниями православная культура, пришедшая на Русь из Византии, органично вписалась в жизнь народов Древней Руси и активно влияла на зарождение и становление единой для всего народа русской культуры. А единая культура должна была стать основой формирования русской нации из разноплеменных людей, пока лишь по прозви-

щу русских. Вот почему художник сделал Ярослава Мудрого героем одного из сюжетов второй в серии «Культура русского средневековья» почтовой марки. Найдётся доброе слово о нём и в комментарии ко второму сюжету этой марки.

«Русская правда» 11–13 вв.

В этом сюжете предстаёт перед нами ещё один – и опять книжный – памятник древнерусской культуры. Художник воспроизвёл фрагмент страницы новгородской летописи, на которую в 13 веке н.э. писец переписал начало текста «Русской правды», впервые «изданной» ещё в 11 веке н.э. Ярославом Мудрым.

Если в первые годы после крещения Руси великий князь Владимир был озабочен закреплением православия и при нём завозились на Русь, переводились и переписывались исключительно книги религиозного содержания, то его сына великого князя Ярослава заинтересовали уже и другие книги. В стенах построенного им храма Софии Киевской Ярослав в 1037 году н. э. основал первую на Руси библиотеку, для которой в первую очередь переводчики и бригады писцов изготавливали там же, в храме Софии Киевской, переводные книги с историческими, военными, философскими, природоведческими, литературными текстами. Первоисточниками были уже не только книги, привезённые из Византии, Болгарии и других славянских стран, но и сочинения на арабском, латинском и других языках. И первым читателем этой библиотеки был сам великий князь Ярослав, который понимал великое значение книги в деле просвещения. И не он один понимал. Автор «Повести временных лет», сообщая об основании Ярославом библиотеки, высказался так: «Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас ... ибо мудрость обретаем в словах книжных».

Между прочим, Нестор, монах Киево-Печерского монастыря с 70-х годов 11 века н.э., чьи тексты на славянском языке в «Повести временных лет», в Житиях о Борисе и Глебе, о Феодосии Печерском дошли до нас и донесли многие ценные исторические сведения, был одним из первых, но не

единственным писателем Древней Руси. Уже при Ярославе Мудром в тихих монашеских кельях усердно со слов и по памяти записывались и литературно обрабатывались летописи и жития, повести и хождения, сказки и былины, песни, пословицы, поговорки – всё богатство дописьменной словесности всех разноплемённых народов, живших в «империи Рюриковичей». Так зарождалась наша древняя литература. И уже не только на Русь, но и из Руси в другие страны повезли книги, написанные русскими писателями и изготовленные русскими книгоделами. В славянских странах, например, распространилось сочинение русского митрополита Иллариона, современника и соратника Ярослава Мудрого, названное автором «Слово о законе и благодати». Илларион, глава церковной власти на Руси, пишет не на религиозные только темы, его заботит укрепление единства государственных устоев. Тем же озабочен и глава светской власти великий князь Ярослав. Его авторству, считают, принадлежит тот самый текст, фрагмент которого воспроизвёл на почтовой марке художник.

С первого взгляда видно, что представленная страница не столь изысканна, не столь нарядна, как страницы уже знакомого нам «Остромирова евангелия». Оно и понятно. Только князья да их особо приближённые и потому богатые книголюбы Древней Руси могли заказать для личного пользования и украшения хором своих книгу как произведение искусства. А перед нами служебный текст из первого на Руси свода законов, текст тогдашнего уголовного кодекса на славянском языке, содержавшего общие для всех русских земель порядок и нормы наказания за нарушения правил общежития, права на жизнь и здоровье или права на собственность. Такие, для практического и повсеместного использования, книги «массовых тиражей» изготавливались попроще и подешевле: пергамент брали похуже, чернила пожиже, да и книгоделы не очень старались. Не очень заботился о красоте своей книги и тот писец, что в 13 веке переписал в новгородскую летопись этот текст из книги 11 века.

Вооружившись лупой, попробуем рассмотреть письма наших предков, представить язык, на котором писали и говорили они.

Писец, не очень аккуратно укладываясь в им же самим или подмастерьем прочерченные границы вертикальных колонок текста, строку за строкой заполнял страницу, ориентируясь по прочерченной горизонтальными линиями сетке строк в колонках. Начинается текст с заглавия, уместившегося в трёх строках левой колонки. Первая строка прорисована киноварью и крупными, особого рисунка, буквами кириллицы. А уже с полуслова перейдя на следующую строку, писец использует чернила и пишет буквами обычными, какими написан основной текст. Это название сборника, которое, включив воображение, можем прочитать и перевести даже мы с вами: «Суды Ярослава Владимировича». Осилит и следующую строку. Судя по тому, что начинается она с нарисованной киноварью на полях большой буквицы (малую видим внизу у правой колонки), эта строка начало не простого абзаца, а начало главы, раздела сборника. Читая по писанному: Правдaроусьскаiа, переводим: Правда русская. В те времена, да и теперь словом «правда» обозначали понятия не лжи, честности, справедливости. Значит, название «Правда русская» означает «Справедливость по-русски».

А вот дальше читать и догадки не помогают. За тысячу лет язык так сильно изменился, что значение и написание слов, употреблявшихся в Древней Руси, нам, современным владельцам русского языка, не знакомы. Разделить сплошную череду букв кириллицы на слова и предложения не получается. Ведь пробелы и знаки препинания тогда ещё не были изобретены и не использовались ни в одной из древних письменностей мира. С чтением древних текстов справляются только специалисты. В литературном переводе такого специалиста, русского писателя и историка Н. Карамзина, следом за названием главы «Правда русская» текст читается так:

«Ежели кто убьёт человека, тому родственники мстят за смерть смертью. А если не будет мстителей, то с убийцы взыскать в казну:

– за голову боярина княжеского, тиуна огнищан, граждан именитых, тиуна конюшего 80 гривн;

– за голову княжеского отрока, повара, конюха, купца, тиуна и мечника боярского, за всякого людина, кроме раба, 40 гривн;

– за убийство жены 20 гривн».

Вот такой уголовный кодекс был разработан и введён Ярославом Мудрым и с дополнениями от других князей действовал, видимо, и в 13 веке н.э.

Но где же в представленном на почтовой марке тексте цифры? Неужели их писали прописью? Оказывается, нет. В старославянской кириллице и в древние и в средние века использовалась «цифирь буквенная». Когда в четвёртой строке строке левой колонки текста на почтовой марке мы видим сочетание букв ГРВНЪ (читаем гривн), а перед ним букву п (покой) с титлом, то есть с фигурным значком над буквой, то эта буква с титлом и есть цифирь в числовом значении 80. Находчив был создатель кириллицы, его славянская азбука не только слова, но и числа позволяла писать. Основная таблица из 27 букв буквенной цифири выглядела так:

Ѧ	Ѣ	Ѣ	Ѧ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѧ
аз	веди	глаголь	добро	есть	зело	земля	иже	фита
1	2	3	4	5	6	7	8	9

Ѧ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ
и	како	люди	мыслете	наш	кси	он	покой	червь
10	20	30	40	50	60	70	80	90

Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ
рцы	слово	твёрдо	ук	ферт	ха	пси	от	цы
100	200	300	400	500	600	700	800	900

Те же буквы буквенной цифири в том же порядке использовались для обозначения тысяч, только кроме титла над буквой в этом случае внизу слева от буквы буквенной цифири

ри ставили ещё один значок – наклонную линию, перечёркнутую коротким штрихом. Это давало возможность древнерусским людям оперировать числами и способствовало развитию экономических отношений как между всеми людьми русскими, так и между русскими и другими народами. Знание цифири необходимо было каждому на Руси.

Если подвести итоги рассмотрения сюжетов двух марок из серии «Культура русского средневековья», посвящённых периоду зарождения этой культуры в недрах Древней Руси, то нужно отметить следующее. Старт формированию общерусских духовности и культуры из древних культур славянских, финских, тюркских и других племён и народов, включая культуру норманнских завоевателей, дан был в 988 году н.э. повелением великого князя Владимира о крещении всего населения в единую православную веру. С этого началось и формирование на территории Древней Руси единой русской нации. Развитию этих процессов вслед за великим князем Владимиром немало способствовал великий князь Ярослав, к концу правления которого население Руси приобрело не только общность духовную, но и значительно продвинулось к общности культуры, к общности языка церковнославянского и зачатков литературного древнерусского языка, к общности производственных отношений. Это вместе с общностью территории вело к формированию той самой устойчивой общности людей, которая должна была стать основой русской нации. К сожалению, после смерти Ярослава Мудрого эти процессы затянулись. В эпоху русского средневековья население Руси вошло не единой нацией, а всё ещё разобщёнными по удельным княжествам людьми, лишь по статусу прозывавшимися одинаковым прозвищем – русские.

И всё же 66 лет активной целенаправленной деятельности великих князей киевских Владимира и Ярослава, отца и сына, по внедрению православия привели к тому, что святой дух прочно обосновался среди народов, живших в «империи Рюриковичей». А из семян, ими посеянных в пределах Древней Руси Киевской, со временем родилась не одна, а три са-

мостоятельных православных нации. Но случилось это уже не в Киевской Руси.

Немного истории с географией

Художник рассматриваемой нами серии почтовых марок, скачком переносит нас от рассказа о Древней Руси 11 века сразу в век 15, то есть делает паузу в своём художественном повествовании. Отвлечёмся и мы от почтовых марок для разговора о том, что происходило с нашим Отечеством и с нашими предками в эти пропущенные художником столетия.

Как ни мудр был Ярослав Мудрый, но и он совершил роковую для Руси ошибку. Вслед за дедом своим, князем Святославом, и отцом, князем Владимиром, Ярослав наделил каждого из детей своих уделом, частью общерусских земель. Это была попытка перейти от тоталитарной системы управления государством к началам федеративной системы. Если раньше города и веси только управлялись назначаемыми великим князем наместниками, то есть чиновниками, а верховная власть оставалась в единоличном владении великого князя, то уделы сыновьям давались «владеть и править». Удельные княжества становились относительно самостоятельными государствами в составе Киевской Руси и лишь в таких вопросах общегосударственного значения, как оборона от внешнего врага, например, подчинялись власти великого князя. Что ж, и мудрым, бывает, ума не хватает. Не учёл Ярослав, что такое управление единым государством возможно только при сильной центральной власти. Если верить Н. Карамзину, перед смертью созвал Ярослав детей своих и сказал им так: «Скоро не будет меня на свете. Вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга. Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие государства, основанного счастливыми трудами наших отцов и дедов. Мир и согласие ваше утвердят его могущество. Изяслав, старший брат, заступит моё место и сядет на престоле киевском; повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались». Надеялся Ярослав, назначая себе официального преемника, что

это избавит Русь от той смуты, того раздора между потомками, какие случились после смерти его деда и его отца, премников на великое княжение не назначивших. Тогда только силой удалось восстановить единовластие в земле русской. Увы, старший сын не всегда сильнейший. Изяславу не удалось сохранить единоначалие. Умер Ярослав Мудрый в 1054 г., и почти сразу начались раздоры в роду Рюриковичей. В борьбе за власть, за владение землями, городами и весями дети Ярослава и его братья, а потом их дети, внуки, правнуки и более дальние потомки не просто соперничали, но воевали друг с другом, убивали друг друга, уводили в полон, в рабство подданных друг друга. Единый ранее род Рюриковичей разделился на семейные кланы, ведущие непримиримые споры о старшинстве в роду, о праве на великое княжение. И не нашлось среди Рюриковичей князей, способных, как Владимир Святославич или Ярослав Владимирович, силой восстановить порядок и единовластие в Киевской Руси. Четыре века длилась эта самая продолжительная смута в истории наших предков. Не «один за всех и все за одного», а «око за око, зуб за зуб» стало правилом отношений среди кровных родственников из рода Рюриковичей. Распад Киевской Руси на полтора десятка княжеств, враждующих между собой, привёл к ослаблению Руси в политическом и военном отношении, к незащитности русских земель от внешних врагов. В южных степях половцы в течение двух столетий 40 раз опустошали русские земли значительными набегами, а мелких набегов и не перечесать. Из поколения в поколение мельчали и слабели удельные княжества, дети удельных князей вступали в борьбу друг с другом за право «владеть и править» как можно большей долей наследуемого отцовского удела и за власть в семейном клане. С. Платонов пишет: «Эти обстоятельства – усобицы князей, отсутствие внешней безопасности, падение торговли и бегство населения – были главными причинами упадка южнорусской общественной жизни. Появление же татар нанесло ей лишь окончательный удар».

«У сильного всегда бессильный виноват», велик соблазн воспользоваться слабостью соседа. Первыми в пределы Киевской ещё Руси вломились с востока татаро-монголы. Не замедлили и западные соседи урвать от Киевской Руси. Русские земли на юге и юго-западе попали под господство Великого княжества Литовского, были включены в состав этого государства и на века потеряли связь с другими русскими землями. Позже эти земли вошли в состав Речи Посполитой. Там, на этих землях, под влиянием литовской, польской и других западных культур из жителей бывших русских княжеств, из бывших людей русских по статусному прозванию постепенно сформировались белорусская и украинская православные нации, белорусский и украинский языки. Однако не об этих нациях наш разговор. Наш разговор о русской нации.

Когда в середине 13 века татаро-монголы подчинили себе, не сумевшие объединиться для отпора внешнему врагу, северо-восточные и северо-западные русские княжества (Владимиро-Суздальское, Рязанское, Муромское и другие, а также Новгородское и Псковское, где князей из рода Рюриковичей выбирали по хотению горожан), они не стали включать их в состав своего государства, именуемого Золотой Ордой. Потому, наверное, что земли северные были лесистыми и болотистыми, большое количество конницы там ни разместить, ни прокормить было невозможно. Завоеватели предпочли собирать дань с этих северных земель, оставив им относительную самостоятельность. В первое время они назначали своих, ханских чиновников для сбора дани, а потом стали поручать собирать дань и доставлять её в Орду то одному, то другому из русских князей, которому давали ярлык на великое княжение. Так, пользуясь соперничеством потомков Рюрика за власть на всей оставшейся после распада Киевской Руси русской земле, золотоордынские ханы и управляли по принципу «разделяй и властвуй». На земли русские они приходили набегами, наводили свои порядки, наказывали за непослушание, грабили и уходили восвояси.

Внедрять свою культуру, свою религию завоеватели и не пытались. Здесь, на севере, сохранялись условия для продолжения дела Владимира Святославича и Ярослава Владимировича, великих князей Киевской Руси, по укреплению православия, по духовному и культурному объединению всех русских людей. Процесс формирования нации продолжался, его не остановило даже татаро-монгольское иго, как не остановила и многовековая смута в стане династии Рюриковичей. В конце концов, русская нация родилась тогда, когда из сохранившихся осколков Руси Киевской князьям московским удалось собрать все северные русские земли и всех русских людей в едином государстве, названном историками Русью Московской и единовластно управляемом великим князем, а потом и царём всея Руси. Пожалуй, первым проявлением единства русского народа не как населения, а как нации, явилось сопротивление его польским захватчикам, попытавшимся сменить не только власть, но и религию. Было это в самом начале 17 века, практически сразу после завершения правления династии Рюриковичей. Династия Романовых правила уже народом, осознавшим себя единой русской нацией.

Однако пора вернуться к сюжетам почтовых марок из серии «Культура русского средневековья». Они ещё о многом помогут рассказать.

(Продолжение следует)

Иван Зайцев

Пушкинская аллея

Здравствуй, племя младое

А.С. Пушкин

Потомки, чтимые страной,
Нас, предков, верим – не забудут.
Мы сеем вам своей рукой
На счастье желуди от дуба.

Вы в землю бросьте их плоды –
Не рвись цепочка этих всходов!
Аллеи, парки и сады –
Живая связь времен, народов.

В Сузунской школе № 2, Новосибирская область, 18 октября 2011 года заложена Пушкинская аллея в честь 200-летия Царскосельского лицея. Посажено 20 лип, посеяно 20 желудей дуба. Желуди взяты от дуба, выращенного Борисом Павловичем Шолоховым, выпускником 1958 года школы № 2.

*Очерк и
публицистика*

Анатолий Чернышёв

Современник вечности

«Не сотвори себе кумира» – сказано в Библии. А мы только тем и занимаемся, что возносим до небес то праведников, то грешников. В основном грешников, забывая о сути творения божия – о Человеке! К ним, к кумирам, приплели и Стеньку Разина и Емельку Пугачёва – разудалых разбойничков: как же, борцы с самодержавием, народные мстители! А что совершили они? Какую память оставили? Тот же Пугачёв, ряженный под императора Петра III?

Вот тут и выступает гений Александра Пушкина в роли светоча и знатока истории. Выступает объективно, бесстрастно, без идеологического флёра. Я имею в виду «Историю Пугачёвского бунта», именно бунта, а не Пугачёва. Тут надо отдать должное мудрости Николая I, заметившего, что у Пугачёва не может быть истории.

Действительно, какая история может быть у Герострата? Ну, сжёг храм Артемиды, гениальный памятник древнего зодчества. Экая заслуга! А Пугачёв оставил после себя такие пожарища, что Герострату и не снились.

Сколько лицемерия и цинизма наворочено в его тёмной душе. Сколько позёрства и тщеславия. Он что, не помнит самого себя и своих родителей? Какой он Пётр III? Какой самодержец? Но как хочется – ох, как хочется! – покочевряжиться. Порисоваться. Ну как же – царская особа! Великий государь! И Катька – Екатерина-то Великая! – законная жена его. Законная! В божьем храме венчанная! А вокруг него – «енералы» и свита царская. Ну скоморох, ну ряженный!

Но обоз-то не только «енералы» и свита царская. В обозе – собственная жена, действительно законная, родившая де-

тей ему – шуту гороховому. И он возит её за собой, случайно обнаружив в захваченной Казани. Возит вместе с ребятишками. Но держит на расстоянии.

Очнись!

Опомнись!

Нет, заигрался. Ещё и женится на молоденькой казачке, девочке по сути своей. Губит юную жизнь. Она потом будет чахнуть вместе с семьёй Емельки в глухой заштатной Кареле, в каменном мешке без окон и с земляным полом, согреваясь у костра, как первобытные предки наши. Две жены в одном логове.

Объективен Пушкин. Бесстрастен. Не ведает о страшной доле Емелькиных жён и детей его. Но как цинична и черна душа его «героя». Враньё на враньё, бесстыдство на бесстыдстве. И как чиста на этом фоне Маша Миронова, дочь коменданта крепости, вздёрнутого на перекладине. Вздёрнутого, но не сломленного. Он как Иисус на кресте.

А ведь она, юная, чистая, – копия той бедной казачки Устиньи Кузнецовой, отданной на закланье, на утеху беспутному гуляке, закоренелому цинику и смутьяну. И она могла оказаться на месте Устиньи и чахнуть в каменном мешке с земляным полом. А ведь говорили ему родители несчастной жертвы: «Помилуй, государь! Дочь наша не княжна, не королева; как ей быть за тобою? Да и как тебе жениться, когда матушка-государыня ещё здравствует?» Мудрые слова.

Куда там! Государь всея Руси! Пётр III! Заигрался. Никакие доводы не доходят. Ни до ума, ни до сердца. Кстати, на такой же балаган похоже и кумовство нашего первого реформатора Петра Великого со своей «портомойкой», тут же наставившей ему рога с Виллимом Монсом, братом Алисы Монс, бывшей любовницы самого Петра – всё смешалось в доме Облонских.

Но это божий промысел: сам насадил блуд и бесовщину, сам и расхлёбывай со своей придворной челядью. Очень охочей до шутовства и потехи. В том числе и в царских покоях. Жаль, что Пушкин не успел живописать и этого героя. А ведь

столько архивов перерыл. Правда, строительные чудачества засветил в «Медном всаднике», где живые и мёртвые вместе с постройками и гробами плыли по «Северной Венеции» во время разгулявшейся стихии. За триста лет Петербург триста тридцать раз подвергался опустошительным наводнениям. Вот вам гений и злодейство, которые несовместны. Не мог найти сухого местечка? Нет, надо всё шиворот-навыворот, вопреки природе России.

Велика ли «История Пугачёвского бунта»? Сотня страниц с небольшим. Но какой простор для мыслей и домыслов. Тут хочешь не хочешь, а невольно вспомнишь и Гришку Отрепьева, и петровские кавалькады на свиньях, запряженных цугом, и пушкинскую «Гавриилиаду».

Пётр Вяземский назвал её прекрасной шалостью. Но за этой шалостью стоят блуд и шутовство реальности, прикрытые библейским флёром. Пушкин и не скрывал этого. Один из списков он снабдил напутствием к другу:

*Вот муза, резвая болтунья,
Которую ты так любил,
Раскалясь, моя шалунья:
Придворный тон её пленил.*

В черновом варианте было ещё определённой: «Пример двора её пленил». Петровская «портомойка», как называла себя Екатерина, прошла путь от шведского драгуна до самого Петра. Через многие руки. Прямой сюжет для «Гавриилиады» Так что возмущение духовных лиц ещё можно понять. А вот светской челяди «неча на зеркало пенять...»

Велик Пушкин. Воистину велик. Без котурнов и ряжености. И беспощаден в поисках истины. Какой свет надо излучать, чтобы вот так, походя, выхватывать из полумрака истинные лица кумиров нашей истории! Кумиров не только прошлых, но и будущих: Троцких, Лениных, Сталиных, проживших под чужими кличками. Ряженные! Далеко ли ушли они от Гришки Отрепьева, от Тушинского вора, от «мужицкого царя» Емельки Пугачёва? Узнавали ли чад своих предки их из небесного далека? Имена-то чужие, не родительские.

А взять бесовщину нынешних трибунных кумиров. Диву даёшься от невежества этих самонадеянных горе-реформаторов. Ведь ещё Онегин знал,

*Как государство богатеет,
И чем живёт, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.*

Сегодня мир утонул в воплях о кризисе. Какой кризис? Продовольственный? Энергетический? Товарный? Да нет – финансовый! Денег не хватает! Банки лопаются, как мыльные пузыри. На то они и пузыри, чтоб лопаться. Пример Мавроди о многом говорит.

Но миллиардные-то счета создаются именно в них: на кредитах, акциях, процентах – на спекуляциях бумагой, фантиками, которые возвели в ранг международной валюты, в ранг золотого тельца. А ведь, чтобы купить «простой продукт» к обеду, миллиардные счета не требуются. Купить правительство или прихватить чьи-то нефтепромыслы – тут да, нужны запредельные цифры: на уровне статистики, абстрактных чисел.

Интересно, могут ли нынешние рыночники подсчитать состояние Александра Пушкина: сам-то он уже не составит декларацию о доходах. Известно, что на одном из международных аукционов выставлялся листок с собственноручным текстом Пушкина. Несколько строчек. Случайно обнаруженных специалистами. Его продали за сто тысяч долларов. Тех долларов, дореформенных. Мы не смогли его выкупить: у государства не нашлось денег.

Но это один листок. А попробуйте подсчитать доходы от многочисленных изданий и переизданий. По всему миру. За двести лет. Хотя это ещё можно как-то сделать, посчитав все издания и тиражи, а как посчитать поступления в театральные кассы, в кассы филармоний и Домов культуры? Куда там олигархи, вместе взятые! Одних опер и балетов по его произведениям добрый десяток поставлен. По всему миру! В них пели и Шаляпин, и Собинов, и Козловский, и Елена Образ-

цова, и Галина Вишневская. А драматические спектакли? А концертные программы и кинофильмы? И этот конвейер не останавливается. Куёт и куёт миллиарды. Вечный двигатель! Действительно

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа...*

А умер этот гений весь в долгах, погашенных Николаем I. Они, императоры-то, не совсем глупые люди, как нам внушали. Умели по достоинству оценить человека, работающего на Россию. И на вечность.

Нет, мы ещё не познали всего Пушкина, устремлённого и в прошлое и в будущее. Мы «прошли» его по школьной программе. Именно прошли. Но до сути, до глубин его духовности, до историзма, до «рыночной рентабельности» не докопались. Придётся делать это вместе с движением истории. И рынка, который высвечивает рентабельность и Пушкина, и Чубайса. Высвечивает в рамках вечности.

Боярский сын Сергей ушёл в леса и создал там истинную коммуну, добровольную, куда потянулись насельники отовсюду. Он никого не зазывал, не завоёвывал, ничего не отнимал, не выманивал, не делил чужой собственности. Он строил свой посад, Сергиев Посад, на собственном подвижничестве и радушии матери-природы. Строил с нуля. Без инноваций. И стал светочем добра и подвижничества: Сергием Радонежским.

Благоверный князь Александр Невский не позировал за рулём самолёта и не влезал в башню танка, как нынешние высокопоставленные вундеркинды, но стал Невским. А великий князь московский Дмитрий стал Донским.

Дальше идёт целая плеяда тружеников и подвижников – соратников Екатерины II: светлейший князь Потёмкин – Таврический, фельдмаршал Румянцев – Задунайский, Суворов – Рымникский, граф Алексей Орлов – Чесменский. Екатерина же стала Великой, матушкой русского народа. Она взошла на пьедестал истории в блистательном окружении, затмив одинокую фигуру Петра.

У неё не было отдела кадров. Но как умно она подбирала и поднимала до уровня величия своих сподвижников: ни одного Мазепы! Её век назвали золотым веком России – истинная матушка детей своих. Русская до мозга костей. В отличие от Петра, заражённого чужебесием.

Дела великих остаются на века. Суворов велел выбить на своей надгробной плите только три слова – здесь лежит Суворов. Остальное доскажет история.

Пушкин тоже не нуждается в пышных некрологах. Он велик по своей человеческой и профессиональной сути, которая далеко не полностью раскрылась. Он только-только прикоснулся к издательскому делу и сразу проявил незаурядный талант: «Литературная газета» по сей день живёт и здравствует, пережив все обвалы и потрясения. И хранит профиль Пушкина на логотипе.

В нём жил и незаурядный историк, запросто беседовавший с вещим Олегом и ханом Гиреем, с Петром Первым и Борисом Годуновым, с самозванцем Емелькой и Гришкой Отрепьевым.

Велик разброс времени и событий у Пушкина – поэт, прозаик, драматург, очеркист. Видимо, в императорском Царскосельском лицее давали основательные знания. Пушкин не был лучшим учеником. Лучшим был Владимир Вольховский – он закончил лицей с большой золотой медалью и ушёл служить в гвардию. Стал генералом.

Малую золотую получил князь Александр Горчаков – в будущем лучший дипломат в Европе, которого считал своим учителем «железный» Бисмарк. Именно он, дипломат Горчаков, вернул России права на Черном море, потерянные после Крымской войны.

Не удостоился Пушкин и серебряной медали, хотя их было четыре. И тем не менее, как видим, разброс его знаний весьма велик.

Лицей готовил не поэтов и писателей. Он готовил государственных деятелей, учил мыслить, а уж потом выражать эти мысли в словах. Тот же Пушкин вышел из стен лицея

чиновником десятого класса, т.е. коллежским секретарём. Был и титулярным советником, камер-юнкером – а это уже девятый класс, служил в министерстве иностранных дел и получал жалованье – шесть тысяч рублей в год. Деньги немалые по тем временам.

Но... Пушкин – титулярный советник? Или камер-юнкер императорского двора? Слух как-то режет. Однако это не помешало ему взойти на вершину литературного Олимпа. Как не помешало и лицезреть распусить пышную крону по всей России, по её городам. Своё двухсотлетие он отметил светскими балами. С живыми Лариными и Онегиными. В цилиндрах. В бальных платьях. Это была демонстрация вечности. И Пушкина, и лица.

Кстати, не будь лица, могло не быть и Пушкина. Тут надо отдать должное императору Александру I: «он взял Париж, он основал лицей». Вот вам и «правитель слабый и лукавый»: какой уникальный родник познания подарил он России! Образец для нынешних просветителей. Тут муза Александра Сергеевича явно сфальшивила – бывает.

Интересно, есть у Фурсенко устав и программа императорского лицея? Для образца. Всё-таки – министр в сфере образования. Надо быть и самому образованным человеком: знать своих предшественников. И доверять их методам и оценкам своих учеников. Доверие и нравственность – понятия родственные.

В лицее даже был такой предмет: нравственность и политика. Вёл его профессор Куницын, любимый лицеистами. Сегодня можно ли сочетать нравственность с политикой, за которой прочно утвердилась репутация грязного дела? Нет, нельзя. Но любое дело становится грязным, когда за него берутся грязные люди.

В императорском лицее это знали и учили своих воспитанников честности и порядочности с младых ногтей. К ним обращались только на вы с добавлением слова – господин. Идёт подросток, а профессор к нему обращается:

– Господин Пушкин, у вас пуговица расстегнулась. «Господину» 12 лет. Но это Гражданин великой страны, будущий

государственный деятель. В нём воспитывают благородство и достоинство, не позволяющие унижаться или брать взятки, как берёт чаевые половой. Не позволяющие юлить перед сильными мира сего. Не случайно же на вопрос царя – где бы он был 14 декабря, поэт честно ответил – на Сенатской площади, с друзьями.

Честность – от слова честь. Её берегли смолоду. Лицейская закваска сказывалась. Хорошая закваска.

Но и с людьми низкого звания бранить и ругаться не дозволялось – устав лицея не позволял. Хороший устав. И хорошие воспитатели: они знали всё о своих воспитанниках и способности их определяли точно и объективно. Без помощи ЕГЭ. Тем более, что эта аббревиатура не оценивает нравственности.

Сегодня в моду вошло словечко – секс.

– Секс! Секс! – верещит каждый недоросль, каждая сопля в юбке. Про любовь забыли. На скотном дворе она не обязательна. Там ценится рентабельность, которая зависит от плодovitости, от секса. От случки, проще говоря. А Пушкин из своей вечности напоминает о любви, о святости брака, о законах нравственности, посильных только для аристократов духа.

Вспомните Татьяну Ларину. Любовь толкает её, сельскую смиренницу, на отчаянный шаг: она признаётся Онегину в любви. Причём письменно, не задумываясь, что этот листок может её скомпрометировать. И как холодна она, как недоступна и обаятельна эта смиренница на светском рауте, в столице. С неё как будто спала сельская пелена, и она явилась в золотом окладе – само совершенство, идеал.

Онегин поражён – нет, раздавлен – этим аристократизмом, этим светским совершенством, этим божественным чудом перерождения. Жизнь без неё теряет смысл – ведь «счастье было так возможно»! И он мчится к ней, к ней! В покой! Мчится в беспамятстве, без приглашения, без намёка на благосклонность. И застав её в покоях одну, льющую слёзы над каким-то письмом – онегинским? Или над тем своим посла-

нием? – молча падает на колени и припадает губами к безвольно опущенной руке. И долго-долго молчит. Пока она не роняет:

– Довольно; встаньте. Я должна Вам объясниться откровенно.

Не благодарное это дело – пересказывать гениальное творение. Его надо читать и перечитывать, впитывая всеми порами души и аромат эпохи, и красоту, естественность персонажей – нет, живых людей, потому что вечность не имеет временных границ. Голос Татьяны звучит вполне явственно и сегодня:

*Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.*

Вот вам и – секс! секс! «Я буду век ему верна». В этом и святость брака, и благородство, аристократизм души, свойственный сильным натурам.

А Маша Троекурова? Ведь она ждала – ждала! – своего Дубровского. Ждала, уже стоя под венцом. И тянула, тянула до последней минуты, надеясь на избавление от принудительного венца. Возлюбленный не появился. А когда он захватывает свадебную карету на обратном пути, и объявляет ей – вы свободны, она отвечает:

– Поздно – я обвенчана, я жена князя Верейского.

Святость венца и верность мужу – незыблемы. Таковы «вериги» нравственности. А как любили они, эти ангелы чистоты и смирения! Бескорыстно. Жертвенно. Готовые с любимым хоть на край света, хоть в жалкую лачугу.

Как тут не вспомнить Машу Миронову, пленницу Пугачёва. Спасая своего Петрушу Гринёва, она дошла аж до императрицы, до Екатерины Великой. И вручила ей своё послание с мольбой о защите невинного. И спасла его от казни за связь с бунтовщиком, которому он подарил когда-то заячий тулупчик. И неожиданно заслужил его «царскую» милость.

Но где же лирика? Где изящная словесность? Да вот она:

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты...

Или –

Я вас любил: любовь ещё, быть может,

В душе моей угасла не совсем...

Или –

Роняет лес багряный свой убор...

Не сбрасывает, нет. Роняет. Нехотя. Неосознанно. Не замечая потерь. Сколько музыки и глубины в этом слове, вроде бы случайно оброненном. Сколько безмолвия и покоя, сколько задумчивости ранней осени. Вот сорвался одинокий лист и медленно, плавно опустился на траву, уже слегка расцветившую багряными листьями. Вот ещё один. Ещё. И эта музыка безмолвия и задумчивости исходит от самой природы. Из её души. И из нашей. Она всеохватна. Мы не замечаем музыки нот, их мерного такта: Роняет-багРяный-убоР. Они как бы случайны. Да нет же, нет! Не случайны! Они звучали в душе Пушкина и естественно, легко вылились наружу. И коснулись наших струн.

Подлинный поэт чувствует музыку слова.

Но помнит и глас божий: «глаголом жги сердца людей». И он, Александр Сергеевич, то драму выкинет о Борисе Годунове, то сказку о царе Салтане расскажет или о рыбаке и золотой рыбке. И ведь всё это нацелено в будущее. В будущее! В вечность! Как не прост он, этот поэт, легко меняющий высокий «штиль» на просторечье или даже на архаику.

То у него – «чудное мгновенье», «мимолётное виденье», «ангел чистой красоты». Столько красот, столько изыска в одной строфе. И это всё о женщине, которая «явилась», как будто она – Иисус Христос, явившийся народу. Откуда что берётся.

И вдруг – обыденное просторечье. Как в «Сказке о попе и о работнике его Балде»? Уже сам Балда чего стоит. Да и поп толоконный лоб явно из райка, из народного говора. Какой уж тут высокий «штиль»!

Так же легко Пушкин переходит к архаике. В «Песне о вещем Олеге» у него и «сбирается», и «отмстить», и «обрёк». Всё понятно, всё на русском языке, а колорит старины присутствует. Как присутствует в «Пророке» аромат библейской архаики.

Что касается лирики, то она рассыпана по всему творчеству Пушкина. И вся пронизана внутренней музыкой, мелодичностью, дыханьем души.

Внимай.

Насыщайся.

И чувствуй дыхание души и вечности.

Ямбы

* * *

Чтоб вознестись над суетой и тленом
И стать творцом,
Воистину творцом,
Мы подражаем Гению Вселенной,
Пытаемся сравниться с образцом.

Но божий храм расписан так искусно,
Такой густой бездонной синевой!
И звёзды, будто пригоршнями, густо
Рассыпаны над нашей головой.

Они горят, чтоб каждого подвигнуть
К таинственной манящей высоте.
А крылья где?
В каком отлиты тигле?
Где обрести их, крылья эти? Где?

И мы взываем:
– Боже, помоги нам
До красоты небесной вознестись,

Чтобы слагать божественные гимны
И воспевать божественную высь.

Амбиции?

Тщеславие?

Наверно.

Смиреньем этот зуд не назовёшь.

Но как гудят натянутые нервы.

Коснись неосторожно и порвёшь

* * *

Я с Пушкиным отнюдь не соревнуюсь.

И Лермонтова бескорыстно чту.

Но почему-то искренно волнуюсь,

Припав к хрестоматийному листу.

Тут всё от Бога.

Всё у них живое.

Пульсирует. По жилам гонит кровь.

Я наслаждаюсь каждой строфою

Смакую совершенство вновь и вновь.

И принимая исповедь чужую,

Минуя расстоянья и века,

В дворянские гостиные вхожу я

Из своего земного далека.

Вхожу робея, преклоняя выю,

Чтоб ненароком не спугнуть покой.

А вдруг священнодействуют?

Живые!

И не было дуэли никакой.

Но чуда нет.

И утешенья нету.

Здесь честь высокой меряют ценой.

И смело смотрят в дуло пистолета,

Хоть нет в запасе жизни запасной.

Здесь говорят:
– У совести и чести
Свои законы и свои права.
Ведь мы живём не год, не два, а двести,
И с нами честь дворянская жива.

* * *

Кумир вчерашний, идол стадионов,
Толпы ревущей гений записной,
Как он купался в эпатаже оном
Эпохи суматошной и смешной.

В нём что-то было всё ж от скомороха,
Одетого пестро – под балаган.
Ему казалось, он – сама эпоха,
Её оракул, так он полагал.

Но лжепророки – всё же не пророки.
А скоморох – он всё же скоморох.
Проходит мода. Облетают строки.
Одно похмелье от былых пиров.

Но он ещё павлинистей, пестрее,
Намного скоморошистее стал.
Всё тужится, стремительно старея,
На пушкинский взобраться пьедестал.

Ах, как смешон он в шутовском наряде
У пьедестала мудрости земной.
Не понимает, благородства ради
Наряд иной бы нужен здесь.
Иной.

* * *

Да здравствует богема,
Обвальная попса.
Долой филологемы,
Глаголы-словеса.

Гони пургу, халява.
Греми эстрада, пой.
И слава, как щалава,
Пусть ходит за тобой.

Не жизнь, сплошное шоу.
Балдей с эпохой в лад.
К театру бы, Большому,
Приделать банкомат.

Любители халтуры
Пускай трясут мошной.
Купюры,
Ах, купюры,
Эстрадный перегой!

А тут ещё букеты,
Овации, как шквал.
Попсовые поэты
Хитовый правят бал.

* * *

Богатыми поэты не бывают.
Не у меня, у Пушкина спроси.
Не зная ни такси и ни трамвая,
Мотался он в коляске по Руси.

Осваивал загулы Пугачёва
На месте смуты, где дымилась кровь.
На постоялых спал. И удручённо
Подсчитывал расходы вновь и вновь.

...Сосед выводит «Мерседес» из стойла.
Садится гордо – экий фон барон!
Чего ему зверюга эта стоила?
Корпел он над бумагою с пером?

Переживал «Мазепу» и «Полтаву»
А с Кочубеем шёл на эшафот?

А Пушкину досталась только слава.
И та отдельно, без него живёт.

Нет «Мерседесы», «Хонды» и «Тойоты»
Поэтам и не снятся, как мираж.
Их создают для хваткого кого-то,
Кто входит в жизнь, как в собственный гараж.

Владимир Ястробов

Женщины по имени Елизавета в жизни и творчестве А.С. Пушкина

Писать на эту тему и легко, и сложно. Легко, если следовать традиционным, установившимся взглядам, вернее, легендам, касающимся взаимоотношений Пушкина со «спутницами», носящими имя Елизавета.

Это особенно касается таких «спутниц», как Елизавета Ксаверьевна Воронцова и Елизавета Алексеевна (жена императора Александра I). Опубликовано очень много литературы, создано много внешне стройных легенд, привлекающих порой своей романтичностью, особенно когда затрагиваются отношения Пушкин – Е.К. Воронцова.

Сложно, если отойти от консерватизма взглядов, основывающихся на не вполне достоверных сведениях, если учесть деликатность темы и отсутствие прямых доказательств. Известно, что «свидетельства» современников не отличаются точностью и достоверностью, а непосредственные данные, которые могли исходить от самого Пушкина, строго зашифрованы или обойдены молчанием. А это обстоятельство дает повод для целой волны версий и догадок. Особенно это касается попыток расшифровки строк стихотворений Пушкина и поиска «адресатов» этих строк. Поэтому в своей работе я не буду описывать широко известные версии, легенды.

Первая и ранняя Елизавета – «спутница» Пушкина – Елизавета Алексеевна (1779–1825 гг.) – принцесса Луиза (Элиза) – Мария – Августа Баден-Дурлахская, с 1793 г. – жена императора Александра Павловича. Она была на 20 лет старше Пушкина, но явилась предметом тайной и загадочной

любви А.С. Пушкина, которую он тщательно скрывал и пронес через всю жизнь. Эта тема хорошо освещена в большой книге Ларисы Васильевой «Жена и муза». М., 1999, – на 495 страницах с многочисленными иллюстрациями. Эту книгу Л. Васильева посвятила памяти С.С. Гейченко. Именно он приоткрыл Васильевой завесу, помог разгадать имя той Женщины Несбыточной Мечты, с небесными чертами лица, нежным голосом, легкой поступью, светлыми глазами и волосами. Пушкин звал ее в стихах то Еленой, то Эльвиной, то Лейлой и любил с юных лет до самой своей смерти.

Гейченко подсказал имя этой «Беатриче» Пушкина – императрица Елизавета Алексеевна. Это имя вынужденно скрывалось в царское время, т.к. касалось императрицы. Не разрешалось углубляться в эту тему и в советское время по цензурным соображениям: Пушкин – почти «декабрист», и вдруг влюбленность в жену царя.

Елизавете Алексеевне Пушкин посвятил много строк своих стихотворений. В некоторых он не скрывает ее имя: «Елизавету втайне пел...» – пишет он в стихотворении «К Н.Я. Плюсковой». При первой журнальной публикации в 1819 г. в «Современнике» оно называлось иначе – «Ответ на вызов написать стихи в честь Ее императорского величества императрицы Елизаветы Алексеевны». Стихотворение обращено к фрейлине императрицы Наталье Яковлевне Плюсковой. Это означает, что Пушкин был замечен императрицей, которая через свою фрейлину дала понять Пушкину, что хотела бы, чтобы он посвятил ей стихотворение.

Как пишет Л.М. Аринштейн, в книге «Пушкин: «Видел я трех царей...», М., 1999. – С.24, «Был ли причиной тому успех стихотворения “Роза” или какие-то иные мотивы, мы не беремся судить». Но Пушкин в новом стихотворении. «К Н.Я. Плюсковой» прямо и открыто признается в исключительном отношении к императрице:

*...Я, вдохновенный Аполлоном,
Елизавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой*

*Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.*

Императрица поблагодарила поэта и передала ему подарок, – возможно, часы. Однако еще большая благодарность проявилась несколько месяцев спустя. Когда в 1820 г. Александром I решался вопрос о месте ссылки поэта – в Сибирь или на Соловки, заступничество императрицы помогло. В поисках заступничества Пушкин возлагал надежды на Н.М. Карамзина, т.к. знал, что у него были хорошие личные отношения с императрицей. Поэтом и Н.М. Карамзин обратился не к царю, а к царице. Заставить императора укротить свой гнев могла только она (Л.М. Аринштейн, 1999). Пушкин в порядке служебного перевода был направлен в Бесарабию. Поэтому в его отношении к Елизавете Алексеевне возник новый и очень важный импульс.

Другое стихотворение Пушкина «Прощание» написано Болдинской осенью 1830 года, спустя 21 год, когда поэт прощался с юностью. Этим стихотворением он дал обет не возвращаться даже в сердце своем к тем, кого любил прежде. Теперь его небесная любовь переносится на образ невесты (стихотворение «Мадонна»).

Л. Васильева в своей книге «Жена и муза» высказывает четыре версии взаимоотношений Пушкина и Елизаветы Алексеевны. При этом считает самой вероятной версию о том, что Пушкин любил ЕЕ возвышенно, страстно, нежно. Любил в ней Уранию. Она знала об этом и отвечала благодарностью. Не более. Была для него на облаке. Верно оценивая его дар, хотела остаться в истории строками его стихотворений и поэм. Помогала ему не попасть в Сибирь. Материнское в ней отношение к нему заслоняло все остальное. Елизавета Алексеевна стала музой первого поэта России. Не случайно стихотворение Пушкина «Роза» было вскоре пере-

ведено на немецкий язык и опубликовано в Германии в 1821 г., за пять лет до этого, как оно было напечатано в России. Очевидно, что и ранний немецкий перевод, и ранняя публикация стихотворения в Германии не в последнюю очередь объясняются тем, что оно было обращено к немецкой принцессе на русском троне (Л.М. Аринштейн, 1999).

О романе Пушкина с Е.К. Воронцовой написано много. Только список основной литературы состоит из трех десятков источников. Много сказано и о том, что Александр Раевский, дальний его родственник, также влюбленный в нее, настаивал графа Воронцова против Пушкина, будучи с обоими в прекрасных дружеских отношениях.

Не углубляясь в известные легенды относительно любви Пушкина и Воронцовой, в которых их авторы заходят далеко, считаю уместным привести выдержки из статьи Марка Митника (президента международного общества пушкинистов) «Конец одесской легенды»//Арзамас, 2000. – №8. – С. 45–49,

В этой статье М. Митник опровергает многое из того, о чем пишут различные авторы, в том числе известные исследователи жизни и творчества Пушкина. В частности, М. Митник пишет, что стихотворение «Младенцу» написано Пушкиным между 2 и 8 октября 1824 г., а Софья Воронцова родилась 3 апреля 1825 г.

Сам М.С. Воронцов /супруг Е.К. Воронцовой/ в письме П.Д. Киселеву (6 марта 1824 г., Одесса) пишет, что Пушкин «...теперь очень благоразумен и сдержан». Из этого письма нетрудно понять, что Пушкин был под постоянным наблюдением агентов и полиции. Гурьев (градоначальник Одессы) и Казначеев следили за поэтом через своих агентов. Как же Пушкин мог уединяться с Воронцовой для ночных свиданий, о которых упоминает Цявловская? Для этого нужно было бы усыпить всех агентов и полицию.

Последнюю точку в легенде «Воронцова – Пушкин» поставила в 1995 г. профессор Корнельского университета Антония Глассе /США/. Она обнаружила в отделе рукопи-

сей Российской государственной библиотеки письма графини Евдокии Петровны Гурьевой, жены одесского градоначальника за 1822–1824 гг. на французском языке. Адресаты писем: ее мать, графиня М.А. Толстая, и ее сестра, графиня Софья Петровна Апраксина, урожденная Толстая. Письма содержат много важной информации о графине Е.К. Воронцовой. Профессор Глассе перевела письма на русский язык и в 1995 г. издала миниатюрную книжечку «Пушкинская Одесса в письмах графини Е.П. Гурьевой. 1822–1824 гг. Новые материалы.» Санкт-Петербург-Итака-Нью-Йорк. Тираж всего 100 экземпляров.

Гурьева, постоянно вращаясь в кругу Воронцовых и одесской знати, обязательно сообщила бы своей сестре, если бы ей стало известно о каких-либо отношениях Пушкина и Воронцовой. Однако имя Пушкина в переписке упоминается всего один раз. В письме от 12 мая 1824 г. Гурьева пишет: «Гр. Воронцов написал в Петербург, чтобы просить удалить Пушкина, сочинителя, который ведет иногда разговоры совершенно ненужные...».

М. Митник разговаривал с А. Глассе и на его вопрос: «Есть ли что-нибудь о Пушкине в других письмах Гурьевой?» – она ответила, что других записей не обнаружено. Таким образом, сторонникам легенды, выдвигающим только домыслы в ее подтверждение, М. Митник противопоставляет свидетельства современников поэта, которые не могут быть опровергнуты. Все новости и слухи Гурьева узнавала от знакомых, полиции и агентов, которые подчинялись ее мужу, градоначальнику Одессы. Поэтому так ценны ее свидетельства.

«Спутницами» Пушкина в различные периоды было не менее шести Елизавет: кроме Елизаветы Алексеевны и Е.К. Воронцовой, – Е.М. Оленина, Е.Н. Ушакова, Е.М. Фролова – Багреева (урожденная Сперанская), Е.М. Хитрово. Но на протяжении всей его жизни ему сопутствовала Елизавета Михайловна Хитрово (1783–1839) – дочь фельдмаршала Голеннищева-Кутузова. «Она друг Пушкина была!» – скажет о ней графиня Е. Растопчина после кончины поэта. Дом Е.М. Хит-

рово (и ее старшей дочери) был одним из культурных центров столицы. Пушкин стал завсегдатаем ее салона с 1827 года. Очень скоро Е.М. потеряла голову от Пушкина. Однако ее частые письма выводили его из себя.

После женитьбы Пушкин стал более спокойно относиться к любовным излияниям стареющей женщины и поддерживал с ней дружеские отношения. В 1836 г. Е. Хитрово оказалась в числе получивших анонимный пасквиль на Пушкина. Она была взволнована тем, что ее впутали в клеветнические интриги. Хитрово «на коленях просила» Пушкина не говорить никому «об этом глупом происшествии». Видимо, ей показалось, что «диплом» послан только через нее. Между тем, такое же письмо получили не только А.С. Пушкин и Е.М. Хитрово, но и князь П.А. Вяземский, граф М.Ю. Виельгорский, Карамзины, В.А. Жуковский и даже Николай I.В самые горькие дни января 1837 г., когда поэт умирал, она стояла перед ним на коленях, а 1 февраля, когда отпевали Пушкина, она рыдала безудержно. Е.М. Хитрово была самая бескорыстная обожательница поэта.

Какую экономику преподавал нам А.С. Пушкин

А.С. Пушкин в 21 год уже был знаменитым поэтом, но мало кто знал, что он являлся разносторонним ученым. Он работал с литературой на двенадцати языках, превосходно знал древнюю и современную литературу, мифологию, философию, историю, интересовался медициной и другими науками. Он имел ясное представление и о некоторых сложнейших экономических вопросах.

Примеры глубоких экономических мыслей (с художнических позиций) мы находим в целом ряде произведений А.С. Пушкина, в том числе в его замечательных сказках.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» старик мог получать любые блага от золотой рыбки. Однако желаниям его жены-стару-

хи не оказалось предела: сначала корыто, потом изба, далее высокий терем, потом царские палаты и т.д. Непомерная жадность в конечном счете привела старуху к «разбитому корыту». Приведенный А.С. Пушкиным сюжет иллюстрирует экономический закон предельной полезности.

В жизни нельзя иметь все, что хочешь, и человек вынужден ограничивать свои потребности, делать выбор между разными благами. Полезность каждого дополнительно полученного блага, прибавляемая к сумме полезностей ранее приобретенных благ, называется предельной полезностью. С ростом количества ранее потребленного блага предельная полезность этого блага уменьшается – гласит закон убывающей предельной полезности.

Старуха из пушкинской сказки действовала в полном соответствии с данным законом. Чтобы получить от выполнения каждого последующего желания столько же удовольствия, как от предыдущего, она просила от золотой рыбки все больше и больше.

В «Сказке о попе и работнике его Балде» А.С. Пушкин рисует пример «рыночных отношений», предлагаемых Балдой попу, искавшему «служителя не слишком дорогого». Балда составил проект «контракта»:

*Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же давай мне вареную полбу.*

Как известно, исход этих договорных отношений оказался плачевным для попа, гонявшегося «за дешевизной».

В библиотеке А.С. Пушкина наряду с произведениями знаменитых поэтов и писателей имелись труды историков, философов, медиков и даже экономистов. Как и Онегин, Пушкин «читал Адама Смита» – шотландского экономиста и философа (1723–1790), представителя классической политэкономии. Пушкин, как универсальный гений, фундаментально освоил классическую политэкономю. Особенно ярко это

отражено в двух его замечательных поэтических произведениях: «Евгений Онегин» и «Скупой рыцарь». Вспомним строки Пушкина, характеризующие Онегина:

*...бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита,
И был глубокий эконо,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог...*

В этой цитате кратко и ясно заключена экономическая мысль первой трети XIX века. Вместе с тем по научной обоснованности и глубине понятий слова Пушкина могут иметь значение и для наших современников, так или иначе причастных к экономике, государственным делам.

В приведенных словах отражена главная идея школы А. Смита: подлинный источник богатства народов состоит в потоке производимых товаров («простого продукта»). Конечно, «простой продукт» – понятие только пушкинское. Иначе говоря – это товар. Почему же тогда не нужно золота? Причина в том, что золото может лишь обслуживать движение товаров. Теории меркантилизма здесь противопоставлена классическая политэкономия Смита. Если раньше считалось, что истинное богатство есть деньги, которые, по изречению царя Соломона, «все могут», то Смит, как и вся классическая политэкономия, утверждал, что прибыль есть результат труда, что общество, чтобы стать богатым, должно прежде всего производить.

Используя современную терминологию, можно сказать, что общество должно развивать реальный сектор экономики, а не уповать только на финансовую сферу, чрезмерное увлечение которой в наши дни, как известно, привело к немалым потерям национального богатства России.

Гениальность Пушкина заключается в том, что он сумел изложить суть двухтомного сочинения великого экономиста в двух строчках. В них – весь смысл экономической науки Смита: вещественное богатство, которым живет общество, – это простой продукт, и, если он есть, не обязательно иметь золото, потому что этим продуктом золото всегда можно купить на мировом рынке.

Отец же Онегина, старый дворянин, как земельный собственник, живущий на ренте, уплачиваемой ему сельскохозяйственными производителями, никак не мог понять своего сына-буржуа и по-прежнему «земли отдавал в залог». В определенной мере можно понять самого отца Онегина, поскольку товар (земля), чтобы получить свою подлинную ценность, должен быть реализован. При этом разворачивается широкая картина судеб помещичьего хозяйства, проходящего традиционный путь от наложения тяжких повинностей на крестьян до окончательного разорения и заклада имений в банк.

Для самого Пушкина это было далеко не отвлеченным понятием. В своем письме жене из Михайловского, датированном 21 сентября 1835 г., он говорит: «А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставил мне имени; он его уже наполовину промотал; ваше (Гончаровых) имение на волоске от гибели. Царь не позволяет мне записаться ни в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит Бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000...»

Обстоятельства вынудили Пушкина заложить 200 душ крепостных еще в 1831 году за ссуду в 40 тысяч рублей из годовых, а почти через два года перезаложить их за дополнительную ссуду на 10 тысяч рублей. Но Опекунский совет отказал ему в этом.

Концепция меркантилизма отражена Пушкиным в маленькой трагедии «Скупой рыцарь». В ней Пушкин замечательно показал, что бесполезное омертвление золота и серебра в сундуках в виде сокровищ возможно только при фе-

одализме, у земельных собственников, живущих на рентных платежах сельскохозяйственных производителей. Барон-феодал превращает золото и серебро в сокровища, пряча их в подвале своего замка. Он истинно верит, что золото и серебро – настоящее богатство и его единственная задача – беречь его. В этом заключалась ошибочность идеи богатства у собирателей сокровищ. И Пушкин превосходно показал личную трагедию старого барона, чья скупость была дорогой в никуда, она не осчастливила никого, она не привела в движение никакие производительные силы.

«Проклятая жажда денег» в «Скупом рыцаре» доведена Пушкиным до своего логического конца. Старый барон говорит: «Весь день минуты ждал, когда сойду в подвал мой тайный к верным сундукам». Барон отождествил деньги с жизнью, с властью над миром, над музами, над злым гением, над добродетелью, бессонным трудом и т.д. Старый барон не мог понять значение денег как капитала, и не смог найти золоту и серебру достойного применения. Он погиб над сундуками с мыслью о том, что эти деньги после его смерти станут собственностью непутевого сына.

Мысли Пушкина, изложенные в «Скупом рыцаре», были опубликованы за 50–60 лет до выхода в свет первых трех томов «Капитала» К.Маркса, в которых он дает совпадающую оценку денег – золота и серебра.

В этом свидетельство того, что великий русский поэт превосходно знал английскую классическую политэкономия А.Смита и физиократическую теорию французских экономистов – Кенэ и Тюрго.

О масштабах экономических воззрений Пушкина еще раз говорят его критические замечания к книге М.Ф. Орлова «О государственном кредите» (1832). Если Орлов утверждал, что «никто не изобретал кредита», то Пушкин прямо говорит, что «он истекает сам собою как условие, как сношение». Он пропагандировал необходимость и полезность государственного кредита, т.е. займов среди населения, которые, по его мнению, могли обеспечить покрытие государственных

расходов и способствовать развитию торгово-промышленной деятельности.

Пушкин, противопоставляя государственный кредит частному, утверждал, что возвращение капитала не есть господствующая мысль при частном кредите, но умножение одного посредством процентов. С этой точки зрения разницы между государственным и частным кредитом нет – государственные и частные обязательства предполагают возврат не только исходной суммы, но и определенный дополнительный доход.

Трудно сказать, как повел бы себя Пушкин в наши дни в случае с ГКО, но в понимании сущности кредита он проявил удивительную осведомленность и ясность.

Управляя имением, Пушкин вел приходно-расходную тетрадь, или, говоря современным языком, журнал регистрации хозяйственных операций. Например, содержание их за июль-август 1834 г. говорит о строгом учете расходования денег на различные нужды, в том числе за отца и брата Льва Сергеевича. В результате расходы значительно превышали доход. Безусловно, далеко не личные переживания и заботы определяли интересы Пушкина к делам, весьма далеким от литературы.

Будучи человеком своего времени, Пушкин интересовался всем, что происходило в реальной прозе жизни. «Глубокий эконо́м» – с иронией говорит он о своем герое. Думается, что с той же долей иронии он оценил бы и себя в роли экономиста. Нельзя не отметить, что Пушкина занимали вопросы, касающиеся не только конкретного периода и конкретных событий. Его рассуждения имели более широкое значение. Рассуждать так, как рассуждал Пушкин, мог только истинно глубокий эконо́м.

Мысли Пушкина были обращены в будущее и дошли до нас – ясные и простые. Не случайно Пушкин писал:

*Чему немало удивится,
Готовя свой разборный лист*

*Иной глубокий журналист;
Но в свете мало ль что творится,
О чем у нас не помышлял,
Быть может, ни один журнал!*

Разговор о Пушкине-экономисте можно продолжить тем, что он в своих заметках «О дворянстве» исследовал историко-экономические корни этого сословия и социальную значимость его в современном ему феодальном государстве. В набросках предисловия к «Борису Годунову» он пишет о дворянах – «нуворишах». «Аристократию нашу составляет дворянство новое: древнее же пришло в упадок...», «...великие имения давно раздроблены, уничтожены...» Здесь Пушкин намекает на появление нового слоя дворянства – государственных чиновников и военной аристократии, начало которому было положено при Петре I – получившего небывалое развитие при Екатерине II.

Говоря словами Ф.М. Достоевского, нам же остается учиться и удивляться, удивляться и постоянно учиться у гениального Пушкина всему тому, что он оставил нам в наследство.

Александр Црнов

Письма Пушкина к жене. Долгое возвращение в Россию

Письма Пушкина – одно из удивительнейших проявлений его гения.

Л.Н.Майков

История публикации писем А.С.Пушкина – это большая и очень интересная тема. Общество лишь постепенно, по мере появления в печати всё новых и новых писем поэта к различным адресатам осознало их великую ценность как биографического и историко-культурного материала.

Первым, кто опубликовал в 1838 году в «Современнике» несколько писем А.С.Пушкина, был профессор русской словесности П.А.Плетнёв. Он словно запустил процесс розыска и публикации эпистолярного наследия поэта, и этот процесс продолжался в течение более ста лет (и продолжается до сих пор, даря время от времени новые, всё более редкие и тем ещё более ценные находки). Большой вклад в изучение писем внесли первый биограф поэта П.В.Анненков, один из самых глубоких пушкинистов 19-го века В.П.Гаевский, современник и друг поэта С.А.Соболевский и др.

В собрании сочинений А.С.Пушкина, вышедшем в 1903 году в издательстве Суворина (под редакцией П.А.Ефремова) было опубликовано 617 писем, в вышедшем в 1915 году издании Брокгауза-Ефрона («Пушкин» в «Библиотеке великих писателей» под редакцией С.А.Венгерова) содержалось уже 733 письма.

В 1906–1911 гг. Императорская Академия наук предприняла выпуск отдельного трёхтомного издания писем А.С. Пушкина под редакцией В.И.Саитова при участии

Б.Л.Модзалевского. «Переписка» вышла небольшим числом экземпляров и предназначалась исключительно для членов академии и императорской семьи. Интересно, что только в этом издании был полностью сохранён язык автора писем (со всеми словами великого русского языка).

В 1926–1935 гг. в Государственном издательстве (созд. в 1919 г.) было предпринято издание писем А.С. Пушкина в четырёх томах. Составителем и редактором был выдающийся пушкинист, основатель Пушкинского дома Б.Л. Модзалевский. После его смерти в 1928 году работу над изданием продолжал сын – Л.Б. Модзалевский. В этом, ставшем классическим, издании было опубликовано более 780 писем поэта. Находки писем продолжались, и в 1969 году вышло новое издание – «А.С. Пушкин. Письма последних лет» (под редакцией Н.В. Измайлова).

Подведём некоторый арифметический итог. На сегодняшний день опубликовано около 800 писем А.С. Пушкина к родственникам, друзьям, издателям, представителям государственной власти и другим лицам. Эта цифра с первого взгляда кажется весьма большой. Однако Б.Л. Модзалевский в статье, помещённой в 1-м томе переписки А.С. Пушкина (ГИЗ, 1926), справедливо сетовал на то, что: «Объём эпистолярного наследия Пушкина, к нашему великому сожалению, весьма невелик; не подлежит никакому сомнению, что из обширной переписки Пушкина дошла до нас (увы!) лишь ничтожная часть». Путём простого, но убедительного подсчёта возможного числа написанных поэтом писем Б.Л.Модзалевский сделал вывод, что «...нам известно лишь немного более 1/3 всех его писем». Что же, остаётся лишь пожалеть, что многие корреспонденты А.С. Пушкина, включая близких ему людей, плохо понимали всё значение его эпистолярного наследия и не сумели сохранить и передать потомкам адресованные им письма.

А.С.Пушкин со всей серьёзностью относился к написанию писем. Хорошо об этом сказал В.Я. Брюсов при выходе в свет 3-го тома академического издания переписки поэта:

«Всеми признано, что письма Пушкина замечательны не менее его художественных произведений. Свои письма Пушкин писал очень старательно, часто набрасывая их сначала начерно; кроме того, он в поразительной степени обладал способностью применяться к тону своего собеседника-корреспондента, так что к Соболевскому, например, он писал другим языком, чем к Нащокину, и уж совсем иначе, чем к Погодину; ещё по-другому он писал к своим друзьям: к Вяземскому, Дельвигу и т.д. К этому присоединяется удивительная чёткость языка Пушкина, его умение в немногих словах рассказать о самой сущности вопроса, притом сказать живо и ярко, и неистощимость его ума, рассыпавшего даже в случайных беседах блёстки тонких соображений и острых замечаний» («Русская мысль». 1912. Март. Отд. «В России и за границей» – С. 17–18).

Здесь самое место перейти к интересующему нас предмету – письмам А.С. Пушкина к жене. Н.Н. Пушкина была «главным адресатом» поэта. Князю П.А. Вяземскому (второе лицо по количеству полученных писем) за более чем 20 лет близкого знакомства А.С.Пушкиным было написано 72 письма, жене за 17 месяцев разлуки – 78 писем. Первое письмо к жене датируется 20 июлем 1830 года, последнее 18 мая 1836 года. Письма писались из Москвы, Петербурга, Болдино, Михайловского, Нижнего Новгорода, Казани, Оренбурга, Симбирска, сёл Павловское и Языково. Из этих писем мы узнаём о быте семьи Пушкиных, отношениях с родственниками, друзьями и властями, светских событиях.

Письма к жене, конечно же, отличаются от остальных писем А.С.Пушкина. На это обращали внимание все исследователи жизни и творчества поэта. Наиболее откровенную их оценку дал искренний в выражении своих чувств литературный и художественный критик В.В. Стасов. В 1878 году в письме к поэту гр. А.А. Голенищеву-Кутузову он писал: «Читали Вы письма Пушкина к жене в январском «Вестнике Европы»? Талантливо, живо, красиво, сильно, элегантно, но, но... но... совершенно без содержания..... А сколько других писем на-

писал он на своём веку, где говорит (и как говорит!!) про тысячу вещей самых важных, значительных и интересных».

Со сказанным В.В. Стасовым трудно не согласиться, но, но, но ... не будем забывать, что в этих письмах поэту не надо было говорить «умные вещи», что при их написании он отдыхал душой и переносился в милую ему атмосферу своего дома. А.С. Пушкин хотел в этих письмах быть наедине с женой, отвлечься от литературной жизни с присущей ей завистью, корыстью, борьбой за место на Олимпе. При этом он хотел сохранить интимность переписки и в одном из писем говорил: «Смотри, жёнка, надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь». (18 мая 1834 г.).

Раскроем книгу с простым названием «А.С. Пушкин. Письма к жене» (Ленинград. Наука. 1986), вышедшую в знаменитой серии «Литературные памятники». У истоков этой серии стоял И.С.Зильберштейн – искусствовед, знаток музейного дела, выдающийся коллекционер и человек неугасимой энергии. Запомним эту фамилию, она встретится снова в нашем рассказе о письмах А.С. Пушкина. Академическое издание писем поэта было предпринято по инициативе выдающегося пушкиниста-литературоведа, члена-корреспондента АН СССР Д.Д. Благого. В книге приводятся тексты 78 писем поэта к невесте и жене – Н.Н. Гончаровой. Сегодня оригиналы этих писем хранятся в России и доступны для исследования. Какова была их судьба, какими путями они попали из семьи поэта в Институт русской литературы РАН в Петербурге, всем известный как «Пушкинский дом»? Попробуем коротко ответить на эти вопросы.

Сразу после кончины А.С.Пушкина шеф штаба корпуса жандармов Л.В. Дубельт, действуя в соответствии со служебной инструкцией, провёл «посмертный обыск» в квартире поэта на набережной Мойки и сделал опись бумаг покойного, находившихся в его кабинете. Он обнаружил, недостачу писем А.С.Пушкина к жене и обвинил В.А. Жуковского, бывшего душеприказчиком смертельно раненного поэта, в их утаивании. Пришлось Василию Андреевичу оправдываться и объяснять, что «пять пакетов», о которых говорил шеф жан-

дармов, были действительно «оригинальными письмами Пушкина, писанными им к жене, которые она сама вызвалась дать мне прочитать; я их привёл в порядок, сшил в тетради и возвратил ей». Н.Н. Гончарова подтвердила, что письма действительно хранились в её спальне отдельно от остальных бумаг покойного, и инцидент был на том исчерпан..

«Журнал, ведённый при разборе бумаг покойного Александра Сергеевича Пушкина», и письмо Н.Н. Пушкиной к В.А. Жуковскому с просьбой вернуть ей письма мужа попали через наследников В.А. Жуковского в парижскую коллекцию А.Ф. Онегина (Отто). Впоследствии эти документы, как и вся бесценная коллекция Онегина, оказались в Пушкинском доме.

Письма А.С.Пушкина к жене долгие годы хранились у его вдовы Н.Н. Гончаровой-Пушкиной, в 1844 году вышедшей замуж за генерала П.П. Ланского и принявшей его фамилию. Она поместила письма в самодельные конверты, на которых сделала надписи на французском языке о времени написания писем (не забудем, что этот язык был первым языком во многих дворянских семьях того времени), например: «Письма моего мужа, писанные во время его первого путешествия в 1830 году». Все конверты были запечатаны красным сургучом. Пять пустых конвертов попали в коллекцию А.Ф. Онегина и сегодня хранятся в Пушкинском доме.

Рис.1. Конверты, в которых Н.Н.Пушкина хранила письма мужа

В начале 1860-х гг. Н.Н. Пушкина-Ланская передала пакеты с письмами своей младшей дочери Наталии Александровне. В возрасте 17 лет та вышла замуж за М.Л. Дубельта, сына шефа жандармов Л.В. Дубельта, того самого, что делал «посмертный обыск» в квартире её отца (ирония судьбы!). Брак оказался неудачным, муж был отчаянным ревнивцем и игроком, промотавшим как свои деньги, так и приданое Наталии Александровны. Передавая письма своего покойного первого мужа, Н.Н. Ланская рассматривала в том числе и возможность их продажи для поправления тяжёлого материального положения дочери.

Делать этого, однако, не понадобилось, так как Наталия Александровна вскоре развелась (что было очень нелегко, так как М.Л. Дубельт всячески препятствовал разводу) и удачно вышла замуж за немецкого принца Николая-Вильгельма Нассауского. С 1868 года она стала именоваться графиней Меренберг по имени родового имения принца вблизи Висбадена. Счастливый брак так и остался морганатическим, поскольку не мог быть признан двором в силу неравности положения супругов.

В 1877 году графиня Меренберг решила опубликовать письма своего отца к невесте и жене – Н.Н. Гончаровой. Она делала это не из материальных соображений – к тому времени она уже не испытывала нужды в средствах, а исключительно с целью сохранения писем в памяти потомков. Публикацию писем она поручила писателю И.С. Тургеневу. Тот со всей серьёзностью отнёсся к поручению и считал работу над ними, как он сам выразился, «одним из почётнейших фактов моей литературной карьеры». В предисловии к публикации писем И.С. Тургенев особо подчеркнул, что «... каждая строка величайшего русского поэта должна быть дорога всем его соотечественникам», и далее: «...эти письма бросают яркий свет на самый характер Пушкина и дают ключ ко многим последовавшим событиям его жизни, даже и к тому печальному и горестному, которым, как известно, она закончилась».

Письма А.С. Пушкина к Н.Н. Гончаровой были напечатаны с некоторыми пропусками в №№ 1 и 3 «Вестника Евро-

пы» за 1878 год. Их публикация вызвала неоднозначную реакцию в обществе. Многие приветствовали их появление, но некоторые, включая сыновей поэта Александра и Григория Пушкиных, считали публикацию писем недопустимым вторжением в частную жизнь А.С. Пушкина. Как бы то ни было, но благодаря дочери поэта и И.С. Тургеневу, мы имеем сегодня возможность читать написанные необыкновенно русским языком письма первого поэта России к жене, глубже понять его личность и обстоятельства семейной жизни.

В начале 1880 гг. оригиналы писем А.С.Пушкина к Н.Н. Гончаровой за исключением тринадцати писем периода «жениховства» поэта (они были написаны на французском языке и известны как «письма к невесте») были переданы графиней Меренберг (по другим данным, сыном поэта А.А. Пушкиным) в Московский публичный Румянцевский музей. С 1937 года эти письма хранятся в Пушкинском доме.

Письма А.С.Пушкина к жене с 1887 года стали входить в собрания сочинений поэта (с 3-го издания под редакцией П.А. Ефремова), однако во всех дореволюционных изданиях они печатались в том виде, что им придал первый публикатор и редактор И.С. Тургенев. Впервые по оригиналам письма были напечатаны в уже упоминавшемся нами советском издании под редакцией Л.Б. Модзалевского.

Что же произошло с тринадцатью «французскими» письмами А.С.Пушкина к невесте? Их судьба оказалась драматичной и полной приключений. Графиня Меренберг передала их своей дочери от второго брака Софье Николаевне, графине Торби, жизнь которой оказалась во многом похожей на жизнь матери. Софья Николаевна вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича Романова, внука Николая I. Императорский двор не принял этот брак, и он остался, как и в случае дочери А.С. Пушкина – графини Меренберг, марганатическим.

Справедливости ради надо сказать, что следующий император – Николай II всё же признал брак своего дяди, но не предоставил тому каких-либо привилегий как члену импе-

раторской фамилии. Михаил Михайлович остался простым «частным лицом», что его глубоко оскорбило. Обиженные великий князь и внучка Пушкина в Россию никогда больше не приезжали и всю совместную жизнь прожили за границей – сначала на юге Франции, а затем под Лондоном. Графиня Торби (этот титул происходит от искажённого названия одного из грузинских владений Михаила Михайловича) в отместку неоднократно публично заявляла, что Россия никогда не увидит хранившихся у неё пушкинских реликвий.

Тем не менее факт породнения потомков Пушкина с правящей династией Романовых свершился. Помимо брака графини Торби этот союз был укреплён браком её брата Георга-Николая фон Меренберга с Ольгой Александровной Юрьевской, дочерью императора Александра II от фрейлины Е.М. Долгоруковой, получившей от него титул княгини Юрьевской. Потомки А.С. Пушкина породнились также с другой королевской династией – правящим в Англии родом Виндзоров. Заметим, что герцогиня Вестминстерская Натали, крёстная мать нынешнего принца Уэльского, Уильяма, внука царствующей королевы Елизаветы II (вспомним его недавнюю королевскую свадьбу), является ... пра-пра-правнучкой А.С. Пушкина.

Да, прав был А.С.Пушкин, сказав «бывают странные сближения...».

Вернёмся к письмам А.С. Пушкина к невесте. В нашем рассказе появляется новый персонаж – русский театральный и художественный деятель, один из основателей группы «Мир искусства», великий антрепренёр и популяризатор русского искусства С.П. Дягилев. Помимо всего вышеназванного, – это был выдающийся коллекционер, причём он был собирателем, которому отчаянно «везло» (чему во многом способствовала его неуёмная энергия и одержимость).

С.П.Дягилев долго «обхаживал» графиню Торби, прося уступить ему письма, но внучка А.С. Пушкина была непреклонна. Развязка наступила только после её кончины в 1927 году. Вдовец, великий князь Михаил Михайлович, находил-

ся к тому времени в далеко не лучшем физическом состоянии, злоупотреблял алкоголем, да и материальные обстоятельства его жизни заметно пошатнулись. В результате сделка состоялась, и С.П. Дягилев купил письма за 50 000 франков – сумму достойную, но несоизмеримую с их действительной стоимостью.

Судьба сыграла злую шутку с новым обладателем «писем к невесте». С.П. Дягилев получил их из Лондона в день своего очередного отъезда из Парижа – 27 июля 1929 года. В этот раз он отправлялся по делам в Венецию. Он не стал распечатывать посылку, надеясь не спеша насладиться драгоценной покупкой после своего возвращения, но ... через три недели С.П. Дягилев скончался в Венеции и был похоронен на островном кладбище Сан-Микеле, где в разное время обретут вечный покой другие русские – композитор Игорь Стравинский, поэт Иосиф Бродский, литературовед Пётр Вайль.

После кончины С.П. Дягилева пушкинские «письма к невесте», как и другие предметы из его обширной коллекции, обрели нового хозяина. Им стал душеприказчик С.П. Дягилева, его долголетний соратник по искусству и жизни, знаменитый балетный артист и постановщик С.М. Лифарь. Он выкупил коллекцию у французского правительства (С.П. Дягилев не оставил наследников, и его богатейшее собрание было национализировано), заработав деньги, по собственному выражению, «ногами» – выступлениями в Гранд-опера. С.М. Лифарь, как и С.П. Дягилев, был страстным коллекционером, причём главной темой его собирательства стала «Пушкиниана». Письма А.С. Пушкина к невесте явились подлинным украшением его богатой коллекции.

В 1937 году торжественно отмечалась столетняя годовщина со дня гибели А.С. Пушкина. Русская эмиграция придавала этому событию особое значение.

Для неё Пушкин был связующей нитью с покинутой родиной, он воплощал в себе русскую культуру, великий язык, на котором эмигранты продолжали говорить в изгнании.

Серж Лифарь (так его величали на французский лад), ставший к тому времени руководителем балетной труппы ведущего театра страны Гранд-опера, был одним из активных организаторов пушкинских торжеств во Франции. Достаточно вспомнить организованную им выставку «Пушкин и его время» в парижском зале Плейель. Помимо этого он предпринял в канун столетней годовщины гибели первого поэта России издание ряда книг пушкинской тематики. Для нас наибольший интерес представляет издание, содержавшее «французские письма» А.С. Пушкина, поскольку это была их первая публикация.

Не будем описывать все организационные и финансовые сложности, вставшие перед С.М. Лифарём при подготовке к печати писем А.С. Пушкина. Представим вашему вниманию конечный результат большой работы – книгу, на обложке которой значится: «М.А. Гофман, Сергей Лифарь. Письма Пушкина к Н.Н. Гончаровой. Юбилейное издание. 1837–1937» (Париж. Издание Сергея Лифаря).

На самом деле книга вышла в двух изданиях: первое – в 1935 году, второе – в 1936 году. Они существенно отличались друг от друга по составу и внешнему оформлению, поэтому коротко расскажем о каждом издании, тем более, что оба являются в наши дни большой редкостью (особенно первое издание в силу его малого тиража).

К работе над публикацией пушкинских писем к невесте С.М. Лифарь привлёк оказавшегося в эмиграции крупного пушкиниста профессора М.Л. Гофмана. Именно он проводил в своё время переговоры с А.Ф. Онегиным о возвращении в Россию его «пушкинской» коллекции. М.Л. Гофман перевёл письма на русский язык и снабдил их комментариями. В обоих изданиях был также помещён (после писем) очерк М.Л. Гофмана «Невеста и жена Пушкина», раскрывающий характер взаимоотношений супругов Пушкиных и объясняющий печальный конец их семейной жизни. Этот же очерк был выпущен отдельным оттиском (является редкостью).

Первое (1935 г.) издание было отпечатано библиофильским нумерованным тиражом в 210 экземпляров на плотной

бумаге «верже». Десять именных экземпляров – на бумаге «Jaron imperial nasse». Обложка книги, рисованная известной русской художницей Н.С. Гончаровой (кстати, она являлась двоюродной правнучкой Н.Н. Гончаровой), исполнена в строго классическом стиле – великолепная уравновешенность всех надписей, изящный шрифт, цветная виньетка. Книга помещена в футляр, воспроизводящий конверт с адресом Н.Н. Гончаровой, написанным рукой А.С. Пушкина (факсимиле). Конверт запечатан красным сургучом, повторяющим гербовую печатку А.С.Пушкина. Эту печатку С.М. Лифарь купил в 1935 году у младшей внучки поэта Е.А. фондер Розен Мейер. Рисунок печатки воспроизведён в книге.

Рис. 2. Миниатюра
кисти В.А.Тропинина

В книге шесть цветных иллюстраций вне текста, отпечатанных на мелованной бумаге и проложенных муаровой калькой. Это миниатюрный портрет Н.Н. Гончаровой, миниатюрный портрет Н.А. Гончарова, репродукция портрета Н.Н. Гончаровой кисти А. Брюллова (ч\б иллюстрация), этюд художницы Н.С. Гончаровой и миниатюрный портрет Пушкина кисти В.А. Тропинина, по легенде подаренный поэтом своей невесте (на фронтисписе и последней странице). Эту миниатюру С.М. Лифарь приобрёл в 1932 году в Париже у какого-то русского беженца, и она впервые явилась взору широкой публики. На передней и задней сторонах обложки были размещены ещё два рисунка Н.С. Гончаровой. Вместе взятые иллюстрации составляют великолепную сюиту, сопровождающую письма А.С. Пушкина.

Наконец, о самом главном – письмах поэта. Их предваряет небольшое вступление С.М. Лифаря. Далее идут одиннадцать писем А.С. Пушкина к невесте и одно письмо к её матери Н.И. Гончаровой в переводе М.Л. Гофмана. Выдающейся

особенностью издания являются факсимиле всех писем, выполненные на бумаге пушкинского времени с такой точностью, что они практически неотличимы от «настоящих» писем. Факсимиле вложены между страницами и держатся на тонких шёлковых шнурах, соединённых с переплётом.

Рис. 3. Первое издание «Писем Пушкина к Н.Н. Гончаровой». Изд. Лифаря. 1935

Первое издание книги давно считается большой редкостью. Недавно в российской продаже прошёл именной экземпляр «девственной сохранности» княжны Н.П. Палей. Он характеризовался как «Исключительная редкость. Музейный экземпляр».

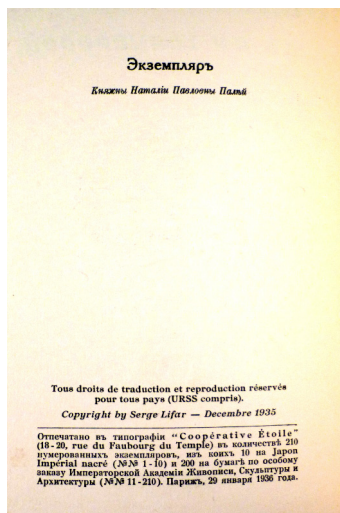

Рис. 4 Экземпляр княжны Н.П.Палей

Княгиня Наталия Павловна Палей была дочерью великого князя Павла Александровича Романова и Ольги Валерьяновны Пистолькорс, получившей в морганатическом браке титул княжны Палей. Их дочь была известной актрисой кино, одной из первых, выражаясь современным языком, топ-моделей Парижа 1920–1930-х гг. Она была в первом браке замужем за знаменитым модельером Люсьеном Лелонгом, создавшим для неё до сих пор широко известные духи «Le N...».

Одно время близко дружила с С.М. Лифарём и Жаном Кокто. Закончила жизнь в США в 1982 году в полном одиночестве и неизвестности.

Недоступность для широкой публики первого издания писем Пушкина подтолкнула С.М. Лифаря на печать более дешёвого варианта. Книга вышла в 1936 году тиражом 1500 экземпляров на более тонкой бумаге и с сильно сокращённым числом фототипий с оригиналов писем (всего два факсимиле вместо одиннадцати). Книга не имела «конверта», что был в первом издании. В силу некоторых организационных неурядиц значительная часть тиража была испорчена при хранении на складе, поэтому второе издание писем также является весьма редким.

С.М.Лифарь всю жизнь мечтал вернуть оригиналы «французских» писем А.С. Пушкина к невесте на родину. Весной 1958 года он должен был прилететь с балетной труппой Гранд-опера на гастроли в СССР, но во въездной визе ему было отказано.

А ведь он уже уведомил министра культуры СССР о том, что собирается передать письма и миниатюру Пушкина в дар советскому народу!

В Москве С.М. Лифарь всё же побывал, когда в 1969 году его пригласили почётным гостем на международный конкурс молодых артистов балета. Он даже полулегально слетал на один день в родной Киев и встретился с мачехой Марией Михайловной Лифарь (его мать Софья Васильевна умерла ещё в 1933 году).

Позднее, в 1970-е годы, снова были переговоры с советскими чиновниками о возвращении «пушкинских предметов» из коллекции С.М. Лифаря. Маэстро просил разрешить ему постановку в Большом театре трёх спектаклей для трёх звёзд советского балета: «Федры» для М.Плисецкой, «Сюиты в белом» для Екатерины Максимовой и «Ромео и Джульетты» для Наталии Бессмертновой. Переговоры долго тянулись и закончились ничем.

С.М. Лифарь умер после тяжёлой болезни в Лозанне в 1986 году. Похоронен по личному распоряжению тогдашне-

Рис. 5 Могила
С.М. Лифаря

го президента Франции Ф. Миттерана с большими государственными почестями в Париже на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа. На могиле простая надпись «Сергей Лифарь из Киева».

После смерти С.М. Лифаря всю его коллекцию унаследовала долголетняя подруга жизни графиня Лириан Алефельд-Лорвиг. У них были очень трогательные и доверительные отношения. Свою последнюю книгу «Мемуары Икара» Лифарь посвятил графине, а она написала ему, уже ушедшему в мир иной: «Мой дорогой Серж, в тени и в свете

Вы всегда были великим властителем, Лириан».

Графиня Алефельд распродала предметы из коллекции С.М. Лифаря в течение многих лет. Эти предметы и до сих пор появляются на аукционах. Последний по времени аукцион провёл известный женевский дом Hftel des Ventes в марте 2012 года.

Письма А.С. Пушкина к Н.Н. Гончаровой были проданы графиней Алефельд через аукционный дом «Сотбис» два года спустя после смерти С.М. Лифаря. Представителем Советского фонда культуры на тех торгах выступал уже упоминавшийся нами профессор И.С. Зильберштейн. По просочившейся информации, письма были возвращены в Россию за один миллион долларов. (А ведь С.М. Лифарь готов был подарить их!) Выкупленные письма присоединились к другим рукописям великого поэта и хранятся теперь в Пушкинском доме в Петербурге.

На этом можно было бы закончить рассказ о письмах А.С. Пушкина к жене. Но встаёт резонный вопрос – если есть письма мужа, то, наверно, должны были быть и ответы на них? Изучение внутренней логики писем А.С. Пушкина,

подтверждает это предположение. Да, Наталья Николаевна отвечала на письма мужа, писала ему о делах семейных и светских новостях (хотя её ответы были, вероятно, гораздо менее часты, чем письма поэта).

В настоящее время известно лишь одно послание Наталии Николаевны к мужу, вернее сказать – приписка на французском языке к письму матери, посланному зятю из Яропольца в 1834 году. Дочь в это время была у неё в гостях. Возможно, краткость приписки объясняется тем, что мать могла её прочитать, чего Наталья Николаевна, вероятно, не слишком желала. Письмо А.С. Пушкину от тёщи с припиской дочери было опубликовано в 1929 году известным пушкинистом П.Е. Щёголевым (он получил его от внука поэта Григория Александровича).

Подтверждением того, что письма Н.Н. Гончаровой к мужу существовали, служат документы из архивов шефа жандармов Л.В. Дубельта. В них говорится о том, что после «посмертного обыска» письма Н.Н. Гончаровой были доставлены графу А.Х. Бенкендорфу, начальнику III отделения собственной Е.И.В. канцелярии. Всесильный граф распорядился вернуть их вдове «без подробного оных прочтения, но только с наблюдением о точности её почерка». В описях и других документах того печального момента сохранились отметки о передаче писем В.А. Жуковскому и о том, что последний вернул их вдове. Дальше след писем обрывается.

Существует несколько версий дальнейшей судьбы писем Н.Н. Гончаровой к мужу, но ни одна из них не выдержала строгой критики и не привела к желанному результату – их обнаружению. Поэтому не будем утомлять читателя разбором всех предположений, выразим лишь надежду, что эти письма всё же сохранились и когда-нибудь будут извлечены из частных либо музейных архивов и присоединятся к письмам поэта, что нашли пристанище в доме, носящем его светлое имя.

Поэтические страницы

Владимир Евдасин

Когда стихи души отрада

*...И пусть с меня за всё и строго спросят
На самом высшем праведном суде, –
Тепло души моей по свету носят
Все те, кому я помогла в беде.*

И в радости, хочу добавить. Мы в Новосибирском Пушкинском обществе знаем автора этих строк Лидию Михайловну Ливневу по участию в наших делах. Её выступления со сцены областной филармонии в ежегодно проводимые Пушкинские дни России или в более камерной обстановке наших ежемесячных встреч в салоне «Под сенью Пушкина» всегда приносят радость, вызывают восторг и от стихов, и от проникновенного, душевного их исполнения, что даёт-ся далеко не каждому автору.

И не каждому автору, как Лидии Михайловне, хватит терпения многие годы работать, что называется, «в стол», чтобы только уже в свои обогащённые опытом и житейской мудростью зрелые годы начать публикацию выдержанных, как доброе вино, отделанных до уровня высокой поэзии стихов.

*Дописано до точки – и время исправлять
Орехи на листочке иль начинать с нуля ...
Не думай, что забота твоя свалилась с плеч:
Теперь-то на работу и надо приналечь!*

*Дописано... и всё же попробуй перечесть:
Перо тебе поможет сберечь лицо и честь.
Ответственность за слово настолько высока,
Что надо быть готовым к сожжению листка.*

Ах, если бы, по совету Лидии Ливневой, этой ответственности научились все те, кто, мня себя поэтом, предлагают

«ПУШКИНСКОМУ (!) альманаху» едва срифмованные строчки с едва уловимыми мыслями и чувствами. И даже – деньги есть, зачем талант – тешат своё «величество» изданием якобы поэтических сборников словесного мусора! Увы, воинствующие графоманы губят нашу поэзию. Защитить её могут лишь настоящие поэты. В том числе и со страниц «Пушкинского альманаха».

У Лидии Ливневой издано пока два сборника: «Островитянка» (2008 г.) и «Подкова» (2010 г.). Из немалого количества в них прекрасных творений для первой публикации в «Пушкинском альманахе» нами отобрана стихов толика малая, в которых поэт выражает своё отношение к Отечеству и тому, что в нём с нами происходит. Просто потому, что в год 1150-летия Руси нет темы актуальнее. Подборку стихов сопровождает текст «От автора «Островитянки», в котором сама Лидия Михайловна рассказывает о себе и своём пути в поэзию.

«С колокольчиком в груди» – так названо предисловие к сборнику «Подкова». Оно принадлежит перу другого новосибирского поэта Александра Денисенко. В оригинальной по форме вступительной статье автор анализирует творчество Лидии Ливневой, говорит о чувствах и мыслях, возникающих при чтении её стихов. Эту работу читатель тоже прочтёт в этом выпуске альманаха и, уверен, получит удовольствие, поскольку талантливый поэт и в прозе, даже в статье поэтичен, да к тому ещё эрудирован и мудр. Будем надеяться на новые встречи с этим автором.

Есть у Лидии Ливневой такие строчки:

*О вдохновение моё,
Мой друг бессонный,
В час колдунов открыта дверь:
В ночной тиши
В моё смиренное жильё
С аллеи тёмной
Входи смелей –
Не кончен труд моей души!*

Значит, будут у нас, читателей, новые встречи с новыми творениями замечательного поэта.

Лидия Ливнева

Поэт

Скрип легкого гусяного пера
У свечки с пламенем подслеповатым
Становится, когда придет пора,
Тревожным, оглушительным набатом.

От многих бед ушел бы белый свет,
Когда б его он вовремя расслышал!
Ведь первым с Богом говорит поэт,
Пока шумите вы... прошу, потише...

Культурное наследье

Полуактеры и полуактрисы,
Эрзацем жизни подменяя жизнь,
Подвержены все чаще компромиссу
С создателями фантазийной лжи.

Почти открыто называют дурой
Сегодня публику и господу,
И жаждущие, чтобы от культуры
Российской не осталось и следа...

Увы, от книг, подмостков, от экранов
Едва ли мы сумеем отлучить
Псевдомессий – что поздно или рано
Намереваются нас отучить

Задумываться, глядя, как сознанье
И психику доверчивых детей
Коверкают, клеймят, жестоко ранят
Видениями чудищ всех мастей.

Об этаким разгуле бы не смела
Помыслить нечисть даже в те века,
Когда Россия, в сущности, умела
Одно – взывать в несчастьях к облакам.

Но за свое духовное здоровье
Она была готова заплатить
Высокородной, праведною кровью –
И выстоять! И силы прирастить

В сражении за будущее втрое
В надежде, что потомки навсегда
Запомнят имена ее героев,
Не доведут Отчизны до стыда...

Надежда и теперь живет на свете:
Размечет Русь несметные полки
Растлителей, что рвутся в души к детям,
Свои обогащая кошельки.

Бессвязные мистические бредни
Не одолеют и не осквернят
Великого культурного наследья
Страны моей – им не сломить меня.

И пусть зрачок мой не отыщет мушки
Под пульс, в висок стучащий горячо, –
Зато со мной навеки рядом Пушкин,
Толстой, Куприн, Есенин, Лихачев...

Влюбляюсь

Как можно чаще следует влюбляться –
Других рецептов не было и нет
Для тех, кто хочет в жизни состояться
Как интересный, искренний поэт.

Но, и к известности не пробиваясь,
Пожалуй, сердца я не сберегу:

Я ежедневно до смерти влюбляюсь.
Меня искусства всюду стерегут.

Влюбляюсь! Безоглядно, безрассудно,
Безудержно, бесстыдно, наповал
В день новый предстоящий многотрудный:
Ведь это он меня к делам призвал.

Влюбляюсь в распахнувшееся небо
Над собственной беспечной головой,
В румяный ломтик жареного хлеба,
В наивность незабудки полевой.

Влюбляюсь в тополиную сережку –
В отместку вечно сетующим вслух:
О, что за прелесть за моим окошком
Метелицы июньской легкий пух!..

И в чью-то отшлифованную строчку,
И в чей-то удивительный сюжет
Влюбляюсь так! – что не усну всю ночь –
И встречу новой песнею рассвет.

А чей моя рука рисует профиль
На краешке листочка, все равно
Не разгадать – в любовной катастрофе
Я защищаю нежности зерно.

Влюбляюсь... но запас любви не в силах
До донышка из сердца расплескать:
Я так люблю тебя, моя Россия!..
Всю – от метелицы до колоска.

Повод для любви

Хоть сто дорог исколеси –
Не все увидишь на Руси:
Не нагладишься на нее
За сотню лет!..

Куда билет ни попроси
На самолет – а неба синь
Над Русью та,
Какой на целом свете нет.

Хоть вдоль иди, хоть поперек,
Хоть вдаль гляди через порог,
Хоть слушай тихий ручеек
Вблизи костра,

Хоть сто забот и сто тревог
В пути узнай, со всех дорог
Кивает Русь тебе! – как мать
Или сестра.

Читай на сотне языков,
Узнай о тайнах ста веков,
Чужую боль,
Поняв, сто раз переживи,

Но отдаленный звон оков
И песни русских ямщиков –
Все это только
Главный повод для любви!

И пусть ковыль родных полей
Сокрыл былых богатырей
Веков минувших,
Никого не пожалев,

А все ж на утренней заре,
Шагая по своей земле,
Ты строки Пушкина
Читаешь нараспев.

Раскол

На «наших» и «чужих», случилось,
Ненастоящая война

Делила нас, но привечала
Всех школа поутру одна.

Латыш тянул ладонь хакасу,
Эстонку обнимала я...
Под сводами родного класса
Сплоченная росла семья.

Грузин, уставясь на татарку,
Краснел – ему через друзей
Свои записки и подарки
Подсовывать случалось ей...

И южною красой сверкала,
Держа указку, словно кий,
Гюльнара, внучка аксакала,
Пытаясь «выплыть» у доски,

Рассчитывая на подсказку
Марчелы, влившейся в наш класс
Весною, но молдовеняской
Уже околдовавшей нас...

Так это, в сущности, недавно
Все было! – что нельзя понять,
Кому на наш раскол державный
Теперь уместнее пенять.

И все же нет от Илзе писем,
И Андрис долго не звонит...
Мы друг от друга не зависим,
Жаль, что свобода не пьянит.

Напротив – не было потери
Прискорбней... но мои друзья
Тоскуют обо мне, я верю!
Ведь и о них тоскую я.

Не отрекусь

Шумит головушка моя
С похмелья тяжкого беды:
Не попаду я в те края,
Где родились мои деды,
Не навещу родных могил –
Границ не просто пересечь...
Что смутный век наш натворил!
Как смог он прошлым пренебречь?
Давно ли! – кажется, вчера
Народов не было родней...
Я верю, вновь придет пора
Для собирания камней,
Для наведения мостов
И для объединения сил...
От этой мысли ни за что
Не отрекусь! – кто б ни просил.
Жаль, много утечет воды:
Об этом знаем вы и я...
С похмелья тяжкого беды
Болит головушка моя.

Взамен культуры

Страна Чайковского и Глинки,
Алябьевских хрустальных нот!
Чей голос с зеркала пластинки
Мне по ушам сегодня бьет?
Боюсь, не выдержать рассудку
Раздумий, что кидают в дрожь:
О Русь, под чью ты пляшешь дудку
И что при этом ты поешь!..

О, как кривляются без юбок,
Таланта, голоса, стыда Те...
Мне не хочется быть грубой,
Но кто их вытащил сюда? –

На эту сцену, где звенели
Такие прежде голоса,
Что, верно б, ангелы хотели
Их в хор включить на небесах.

И – вот она, карикатура
На вокалистов и вокал...
Какая попорана культура
В стране сплошных кривых зеркал!

Какие бешеные средства
Летят в карманы сатаны!
Как растлевают с малолетства
Детей святой моей страны...

Не исподволь – а принародно –
Им предлагают суррогат
Взамен культуры... Мне угодно
Знать, кто готовит этот яд?

Взгляните сами! – их ведь тыщи –
Тех, кто при толстых кошельках
Живут в изысканных жилищах
И спят сегодня на шелках.

Не то мне жаль, что этим душам –
Пресыщенным – спасенья нет,
А то, что вопли режут уши,
И с тем мирится белый свет.

Мне жаль, что, к нашему позору,
Мы раскормили пошляков,
Что Русь моя горланит хором
Дикарских каменных веков,

Что безголосый разевает
С эстрады рот беззубый свой...
Очнись, страна моя живая,
Талантливо – по-русски! – спой.

Русь моя

Русь моя бескрайняя,
Боль моя высокая!..
Реченька зеркальная
Отражает сокола,
Отражает солнышко,
Ивушку ветвистую,
А еще – Аленушку,
Юную и чистую.

Русь моя рублевская! –
Со Святою Троицей,
С башнями кремлевскими,
С песней за околицей...
А еще – плывущая
Без руля с ветрилами,
На врага идущая,
Коли надо – с вилами.

Русь моя – красавица! –
Гордая, свободная:
Никому не справиться
С силушкой народной.
Кровь ее бунтарская
В пламя обращается:
Даже троны царские
На Руси шатаются.

Русь моя радушная,
Вечно хлебосольная:
В небе – солнце Пушкина,
В сердце – песня вольная...

А еще – богатая
Звездными успехами –
Все словцо крылатое
Слышали: «Поехали!..»

Русь моя, крещенная
Роковыми битвами,
К Богу обращенная
Горькими молитвами,
Многое извела...
Но сегодня главное –
Что знамена дедовы
Нам достались славные!

Пусть заря целуется
С благовеста звонами:
Раны зарубцуются
Травами зелеными...
Сколько б ты не мыкала
Горюшка сердечного,
Быть тебе ВЕЛИКОЮ! –
Назначение вечное.

*... имени
А.С. Пушкина*

Эринэ Бабаханян

Учитель словесности –

так называл себя мой школьный учитель русского языка и литературы **Эдгар Суренович Даниелян**

Мы все – его ученики – никогда не забудем его уроков: и в прямом смысле – уроков языка и литературы, и уроков жизни, преподанных нам в течение нашей долгой (как теперь уже кажется, короткой) школьной жизни – с 6-го по 11-й класс. К нам – в ереванскую школу № 8 им. А.С. Пушкина – он пришел из летнего училища, где преподавал русский язык и литературу. Может быть, поэтому строгость, выправка и чёткость отличали его характер и поведение.

Урок на весь день

КАК-ТО НА УРОКЕ Я ПРИЗНАЛАСЬ, что мне не нравится поэзия Маяковского. Реакция Эдгара Суреновича на

это была такова: «Вот как станем проходить, сразу полюбишь». – «Нет, не может быть!» – с присущим мне тогда юношеским максимализмом заявила я. Но позже, когда Эдгар Суменович декламировал нам стихи Маяковского, а надо сказать, что ему была свойственна удивительная артистичность (о чем поведаю, когда речь пойдет о нашем школьном театре), я сразу влюбилась в чеканный строй этих стихов, а потом каждый раз при чтении стихотворений Маяковского они в моих ушах звучали голосом Эдгара Суменова.

Каждый урок Эдгара Суменова был откровением: мы никогда не могли предугадать, что нас ждёт сегодня. Он мог нарисовать на доске схему, графическое изображение которой по сегодняшним меркам было довольно близким к форме блок-схем в программировании: пустые прямоугольники, квадратики, ромбики, кружочки, а между ними линии со стрелками и с условиями задания (для составления сложносочиненного предложения, использования дополнения, обстоятельства места, действия и т.д. и т.п.). И мы должны были придумать фразу с указанными параметрами. Это было невероятно увлекательным занятием и развивало в нас чувство создателя.

ОБЫЧНО ДЕТИ, А ПОРОЙ И УЧИТЕЛЯ с нетерпением ждут окончания урока. Нам же отпущенного от звонка до звонка времени не хватало. И тогда Эдгар Суменович просил учителя очередного предмета уступить ему урок для продолжения своего урока языка или литературы. Иногда не хватало и этого часа. Я помню, как однажды весь наш день – пять уроков – мы провели с нашим Учителем словесности.

Рекомендация – прочесть

МЫ ОЧЕНЬ ЧАСТО ПИСАЛИ СОЧИНЕНИЯ и по заданной теме, и по свободной. К тому же, если удавалось, писали в стихах. Так было со мной в 1961 году, после полёта в космос первого человека – Гагарина. Часто мы предваряли свои опусы эпиграфом, который долго и скрупулёзно отыскивали в разных книгах. С нетерпением ждали разбора своих трудов, Эдгар Суменович проводил их незамедлительно, прямо

на следующий день. Похвала Эдгара Суреновича, как теперь бы сказали, была на вес золота...

После разбора новой темы по литературе Эдгар Суренович обычно давал задания для всех, а порой и индивидуально. Как-то раз он сказал: «Советую выучить наизусть письмо Татьяны к Онегину». А на следующий день вызвал одного ученика к доске и попросил: «Прочитай по памяти письмо Татьяны к Онегину». – «Так вы же просто посоветовали выучить его?!» – «Да, именно посоветовал. Давай декламируй».

Чтение вне школьной программы

Программа, по которой мы изучали литературу, была определена сверху и считалась незыблемой. Однако в дополнение к ней мы с Эдгаром Суреновичем изучали всё интересное, даже не вошедшее в список РОНО, как-то: литературу эпохи Возрождения, кое-что из зарубежной литературы, – словом, то, что расширяло наш кругозор.

Наш Гарик

ЭДГАРА СУРЕНОВИЧА МЫ НЕЖНО (НО ТОЛЬКО ЗА ГЛАЗА!) НАЗЫВАЛИ ГАРИКОМ, как звали его домашние. Эдгара Суреновича мы обожали, но никогда не фамильярничили с ним, да и он внешне держался весьма строго. Не говоря о привычке поднимать брови. А они у него могли принимать самые разные формы: одна бровь – поднятая вверх, другая – чуть ли не перпендикулярно к ней (это означало крайнюю степень недовольства). Зато улыбка – добрая, искренняя, воодушевляющая!

Однажды учительница истории пожаловалась Эдгару Суреновичу, что я смотрю на нее иронически-саркастически, и потребовала, чтобы я вышла из класса. Эдгар Суренович вошёл в наш класс и крайне строгим голосом обратился ко мне: «Эри, выйди из класса». Когда мы с ним уже оказались за дверью, он невероятно ласково попросил меня: «А теперь, пожалуйста, взгляни на меня так же иронически-саркастически». Тут мы оба рассмеялись, и он повёл меня в свой кабинет (надо сказать, что Эдгар Суренович был ещё и заву-

чем нашей школы), предложив: «Давай немного посидим, поговорим о том о сём».

Театр

Эдгар Суменович организовал вместе с нами школьный театр. Три сезона ставились пьесы Гоголя, Чехова.

ВСЕ БЫЛО НАСТОЛЬКО СЕРЬЁЗНО, что даже костюмы нам предоставили из театра им. Сундукяна, а гримировала нас актриса этого театра – Торик Габриелян – настоящий профессиональный мастер грима. Я играла роль дочери Городничего Марья Антоновны. Т. Габриелян принесла свой парик, в котором сама когда-то исполняла эту роль, а когда ушла со сцены, ей подарили этот парик на память, и он стал для неё реликвией. Несмотря на это, она принесла его и с трепетом надела на меня. Марья Антоновна, естественно, была блондинкой, посему парик был светлым, и глаза мне она подвела синим (это теперь можно сделать что угодно, а тогда...). После спектакля многие родители моих одноклассников удивлённые пришли к нам за кулисы (!): «Мы и не предполагали, что у тебя голубые глаза. Разве ты не кареглазая?»

Сцена из «Ревизора»: постановщик Эдгар Суменович Даниелян, Хлестаков – Зурабов Борис, Марья Антоновна – Бабахаян Эринэ, Анна Андреевна – Туманян Мери, на заднем плане Держиморда – Пахлеванян Бабкен

Эдгар Суменович на репетициях сажал меня рядом с собой и говорил: «Будешь помощником режиссера». Я очень гордилась этим. Но когда во время репетиций приходила моя очередь подниматься на сцену, в школьной форме я никак не могла войти в роль. Слова-то я произносила, но то ли бубнила, то ли говорила будничным тоном... Зато на спектакле (а надо отметить, что мы, как настоящие артисты, давали представления по два-три раза в день, для разных классов – всё это происходило во внешкольные часы), как только надела театральный костюм, парик, была загримирована, я выпорхнула на сцену такой легкомысленной дочкой Городничего, что после этой сцены Эдгар Суменович прибежал ко мне за кулисы, обнял, расцеловал и признался, что собирался заменить меня (у нас ведь были и дублирующие составы – как в настоящем театре!).

Эдгар Суменович подготовил издание программ для спектаклей – они были совсем как настоящие, напечатаны в типографии. Были и билеты, хотя и пригласительные, но на входе стояли контролеры с повязками на руках, на которых красовалась чайка (символ МХАТа) и надпись «Школьный пушкинский театр», и важно отрывали контрольные купоны.

НАШ ШКОЛЬНЫЙ ЗАЛ БЫЛ НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫМ. Он занимал самый центр второго этажа, но не был отграничен, стен не было – только столбы обозначали территорию так называемого зала. Во время подготовки спектакля «Ревизор» по Гоголю как-то раз Эдгар Суменович, не говоря ни слова, поднялся на сцену и принялся изображать всех персонажей по очереди, показывая только, как они смеются, без текста, подряд, без передышки. Мы умирали с хохоту. Громкий смех раздавался по всему этажу. Распахнулись двери классных комнат, которые выходили прямо в «зал», сначала выбежали учителя, посмотреть, что творится, а за ними, естественно, высыпали все ученики. Смех усилился во стократ. Это была виртуозная демонстрация сценического мастерства!

В третьем сезоне мы играли «Свадьбу» А.П.Чехова. Мне досталась роль старушки Настасьи Тимофеевны. Соответ-

Дружили мы и с другими школами нашего города: проводили совместные вечера с учениками школы им. Дзержинского и в нашей школе, и у них. До сих пор дружим со многими дзержинцами.

Производственная практика

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ ПЕРВЫМ СТАЛО УЧИТЬСЯ В 11-ЛЕТКЕ. Мы были очень рады, так как это дало возможность продлить нашу прекрасную школьную жизнь ещё на один год!

А было это сделано в духе того времени – как бы для приобщения нас к производственной практике. Она началась для нас радиоделом. Позже Эдгар Суменович организовал курсы вождения автомобиля – на огромных грузовиках ГАЗ-51. Какой школьник не мечтал бы сесть за руль машины, пусть даже грузовика! И вместе с аттестатом зрелости нам были торжественно вручены права водителей 3-го класса (не путать с любительскими!).

Физики и лирики

ПРОЯВЛЕНИЕ НАШЕЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ в школе вылилось в создание двух стенных газет: «Пушкинец» и «Новости за неделю». Самое удивительное, как только вывешивался новый номер (а размером он был примерно в четыре листа ватмана), образовывались толпы желающих посмотреть и прочитать, что на самом деле появилось нового. Гордились мы невероятно... У нас были свои (из нашего же класса) художники (Левон Паповян и Артавазд Захарян) и фотографы (Эдуард Вртанесян и Виктор Мусаханян). Левон стал математиком, Эдик – инженером, Арто и Витя – физиками.

ПОИСТИНЕ, НЕИСПОВЕДИМЫ ПУТИ ГОСПОДНИ. Весь наш класс прекрасно знал и любил литературу и язык. Из выпускников нашего класса выросли люди разных профессий: врачи, физики, математики, инженеры, архитекторы, биологи, но – ни одного филолога (?!). При всей нашей всеобщей любви к предмету Эдгара Суменова и к нему самому, как ни странно, профессиональным филологом (по

образованию) стал только Борис Зурабов, да и тот потом переквалифицировался в искусствоведа. Теперь он доктор искусствоведения, профессор МГУ.

Я же поступала на физический факультет университета. И опять новшество, касающееся того, что золотые медалисты должны были сдавать все экзамены (просто оценки по профилирующим предметам из аттестата суммировались с экзаменационными), в том числе и по русскому языку. И по случайному совпадению его у меня принимал... Эдгар Суменович. До экзамена он подошёл ко мне и прошептал: «Вот поставлю тебе сейчас двойку, чтобы ты поступала на филфак» (и ещё одно новое правило выпало на долю нашего выпуска: впервые вступительные экзамены на физфак проводились в июле. Так что, получив «достойную» двойку, я тем не менее могла бы попытаться поступить в августе на филфак. Но то, конечно, было шуткой моего любимого Учителя словесности).

Гимн пушкинцев

В 1962 году Эдгар Суменович предложил мне написать слова для гимна пушкинцев. Я выполнила его задание. Музыку написал наш учитель пения и руководитель нашего хора – Константин Исаакович Бароян.

МЫ УЧИЛИСЬ В ПЕРВУЮ СМЕНУ, а младшие классы – во вторую. Столбы в фойе школы обнимали большие листы ватмана, на которых крупными буквами были выведены слова гимна пушкинцев. Как-то я зашла в школу после нашей смены, слышу, раздаются звуки школьного гимна – на уроке пения его разучивало младое поколение пушкинцев – наша смена. Обуреваемый гордостью автор постарался спешно ретироваться, чтобы не выдать своего волнения. А по дороге в мыслях звучало:

*Душа с любовью замечает
В листву одетую страну.
А школа Пушкина встречает
Уж двадцать пятую весну...*

*Родная школа – наша сила,
В сердцах останешься навек!
Науке, дружбе нас учила –
В стенах твоих рос Человек!*

*...И каждый год в твой день рожденья
Мы все приходим в школьный зал.
Из поколенья в поколенья
Сей день души порывом стал.*

*И нашей школе во все даты
Желаем счастья, долгих лет.
Всем бывшим пушкинцам-ребятам –
Сердечный, искренний привет!*

...Наша школа и наша школьная жизнь запечатлелись в нашей памяти на всё отпущенное нам на этой земле время.

Добрая память и вечная слава Эдгару Суменовичу Даниеляну – Учителю словесности по призванию души и зову сердца!

Обман

Сомкну лишь я веки – и ты предо мною,
Открою глаза – но не вижу тебя.
А я не хочу расставаться с тобою,
Закрою глаза – обману хоть себя.

Потустороннее

К твоим ногам сложить хочу я жизнь мою,
Вернее, то, что от неё осталось...
А в молодости так мечталось
С твоей навек связать свою.

И если есть потусторонний мир,
Свершиться это может там, в раю.
И я готова на последний пир
С тобой – в любое время и в любом краю...

Мечта

Раскрыла глаза – и ты предо мною,
Зажмурилась – снова я вижу тебя.
Не значит ли это: мы вместе с тобою
Сегодня... Что если и завтра? А там – навсегда...

В ритме М.Ю. Лермонтова («Мцыри»)

Я не вернусь, ты так и знай.
Но даже если невзначай
Мы повстречаемся в пути,
Тому причины не ищи,
И объяснения не жди.

За перст судьбы не принимай,
Возврата чувств не ожидай.

А я пройду, не улыбнусь,
И за тобой не обернусь:
Ведь я сказала: не вернусь,
И ни за что и никогда! –
Запомни это навсегда.

Как странно: казалось мне, что ты на свете есть.
А оказалось – я тебя придумала.
Нет, ты, конечно, есть, хвала тебе и честь,
Но ты иной, не тот, о ком всё это время думала.

Считала я, что мы – две половинки целого,
Цветного даже, а не просто чёрно-белого.

Сойтись бы нам – и снова стали б целым,
И сразу – жёлто-сине-красно-белым.

Тогда – не разомкнуться нам уже вовек,
Мой дорогой любимый человек!
Пусть это только моего ума фантазия –
Взрывающая жизнь и мир однообразия.

Пока тобой дышу – жива я,
И память о тебе – живая –
Мне помогает жить,
Остаток дней своих прожить.

Я привыкла к этой боли –
Думать вечно о тебе.
Но прекрасней этой доли
Не представить мне себе.
Ведь могла б заставить силой
Я – тебя совсем забыть.
Но тогда, скажи на милость,
Для чего на свете жить.

Я себя от тебя отучаю –
Без тебя жить себя приучаю.
Привыкать быть одной заставляю...
Но безумно при этом скучаю.
Скуча-а-ю!..

И сама про себя отмечаю,
Что души в тебе, милый, не чаю.
Всё, что дышит тобой, привечаю.
Быть с тобой, тебя видеть – мечтаю.
Мечта-а-ю!..

И вот я дождалась твоей любви!
Она меня сразила и опутала.

Мне кажется, что нравится.
Прости за прямоту.

Ведь не всегда случается,
Чтоб встретить прямо ту,
О ком тебе мечтается...
Но важно не отчаяться.
Всю жизнь искать,

мечтать —
и ждать,

А как найдешь — понять,
принять —
и от себя не отпускать

Единственную ту.
Прими совет. Пардон за простоту.

Ты уснёшь в моих объятьях
Как младенец — сладко-сладко.
Прикоснусь к щеке опять я,
Прошепчу тебе украдкой
нежные слова.

Отключись хотя бы кратко,
отдохнёт пусть голова.

А теплом своей ладони
В ласковом и нежном тоне
Я разглажу гладко-гладко
Все твои морщинки-складки,
И для полного порядка
Изведу их без остатка.
Отведу я прочь усталость.
Ты поспи спокойно малость,
моё горе, моя радость...

Я не буду тебе звонить,
Перестану тебе писать,

И тогда разорвётся та нить,
Что, казалось, смогла нас связать.

Может, станешь скучать,
И захочется даже кричать....
Но слова свои твёрдо сдержу, вот – печать:
Я не буду тебе ни звонить, ни писать!

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ГИМНА

Душа с любовью замечает
 В листву одетую страну.
 А школа Пушкина встречает
 Уж двадцать пятую весну.

Средь нас есть многие, кто помнит
Рожденья школы первый день,
И запах краски классных комнат,
На месте памятника – пень.

Прошли года... Мы снова в школе.
Не вспомнить детство здесь нельзя.
И на глазах тут против воли
Блеснула радости слеза.

Давно уж нет в живых поэта...
Зима сменяется весной,
На смену ей приходит лето,
Сентябрь вновь не за горой.

А он стоит неколебимо,
Всегда живой и молодой,
Как школа наша, и любимый
Ребятами – навек родной!

«Души прекрасные порывы»... –
Читаем надпись, и, как друг,

Стоит наш Пушкин, рядом – ивы,
Что посадили мы вокруг.
Когда бы не пришёл сюда ты,
Встречают ивы у ворот.
Для сердца лучше нет прохлады,
Чем та, что школьный сад несёт.

Родная школа – наша сила,
В сердцах останешься навек!
Науке, дружбе нас учила –
В стенах твоих рос Человек!

Забыл ли кто звонки с уроков,
Как радовались мы тогда,
Ну а теперь мы дали б столько...
Чтоб он звенел для нас всегда.

Звонок последний!.. Бал вечерний...
Мы помним школьные года,
Но чтоб запомнить юность, верно,
Мы с ней простились навсегда.

И каждый год в твой день рожденья
Мы все приходим в школьный зал.
Из поколения в поколение
Сей день души порывом стал.

И нашей школе во все даты
Желаем счастья, долгих лет.
Всем бывшим пушкинцам-ребятам –
Сердечный, искренний привет!

Заведующий лабораторией – Майданик Юрий Фольевич, доктор технических наук, лауреат Государственной премии РФ 1999 г., автор более 130 научных работ и 55 авторских свидетельств и патентов на изобретения.

В 1979 году в отделе Физико-технических проблем энергетики Уральского филиала АН СССР была создана группа теплопередающих устройств, которой руководил к.т.н. Ю.Ф. Майданик. В 1988 году одновременно с организацией Института теплофизики группа была преобразована в лабораторию теплопередающих устройств.

Эдгар Суренович! Я думаю, что в жизни многих из нас есть люди, оставившие глубокий след в наших душах, оказавшие сильное позитивное влияние на формирование наших личностных и профессиональных качеств. Одним из немногих таких людей стал для меня Эдгар Суренович.

Хотя в школе я не блистал особыми успехами в области русского языка и литературы, больше налегая на физику и математику, но тем не менее однажды удостоился похвалы своего Учителя, написав по его заданию сочинение-рецензию на только что опубликованную повесть Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича». Эдгар Суренович иногда практиковал такие задания.

Не участвовал я и в школьных спектаклях, хотя хорошо их помню. Несколько моих одноклассников были задействованы в них и играли как настоящие актеры. Я много времени отдавал спорту, был даже чемпионом Армении по легкой атлетике среди юношей, играл за школу в баскетбольной команде. Именно на этой почве у меня с Эдгаром Суреновичем сложились хорошие отношения. Он часто приходил на ста-

дион во время соревнований и болел за нас. Всегда был в курсе наших достижений. Гордился тем, что в школе есть хорошие спортсмены и всячески нас поддерживал.

О том, что нашего любимого Учителя не стало, я услышал от одного из армянских ученых, с которым встретился на научной конференции в Германии несколько лет назад. Я был глубоко потрясен и опечален. От нас ушел Человек с большой буквы. Эдгара Суменовича мы будем помнить всегда.

Теперь мы живем в разных государствах. Но я думаю, что Армения и Россия будут и дальше сохранять дружеские связи благодаря, в частности, таким замечательным людям, каким был наш Эдгар Суменович, а также таким, как ты и я.

С благодарностью,

Юрий Майданик,

выпускник 1964 г. школы им. А.С. Пушкина г. Еревана

*Гость
Пушкинского
альманаха*

Марианна Майская

Лик луны

Взгляд девицы с поволокой
Из-за облака волос.
И, любясь светлоокой –
Тебе слышится вопрос:
«Что хорошего, землянин,
За день сделать довелось?
Тяготит ли сердце камень?
Иль избыточная злость?
Помогу тебе советом –
Не копи напрасно злость,
Камень сбрось с себя при этом,
Не жалея, что не сбылось.
Знай, пока сияет солнце,
Всё плохое станет сном,
Только лучшее вернется
Тебе в памяти потом».
И, плывя в успокоенье,
Вслед за облаком она
За какое-то мгновенье
Погружает в царство сна.

Дорога жизни

Бегут года,
А с ними жизнь,
Колёсики тик-так.
Течёт вода,
Слагая песнь,
И сердце бьётся в такт.

Ища вдали
Нетленный свет,
Блуждаем мы впотьмах.
А у земли
Готов ответ,
Но он незрел в умах.

Бесценно время,
И его
Не выразить в деньгах.
И тяжело бремя
Для того
Кто грезит о торгах.

И нам порою
Невдомёк,
Как важен жизни миг.
Хвала герою,
Что увлёк
Дорогой напрямик.

Уйми тревогу,
Кутерьму,
Попав в большой овраг.
Ведь только Богу
Одному
Известен каждый шаг.

Солнце

О, ты – небесное светило,
Палящее издалека,
И мчится через облака
Лучей живительная сила.

Совсем как любящая мать,
Делясь теплом с планетным миром,
Ты побуждаешь к светлым лирам.
О солнце! Мне ль тебя не знать?

Ты позаботилось о главном,
Ведь, обогретые тобой,
Мы легче справимся с бедой,
Тая мечты о чём-то славном.

Желаю, чтобы ты светило
И согревало свысока,
Хранило Землю на века
И благоденствие дарило.

Лилии Устиновне Гагай

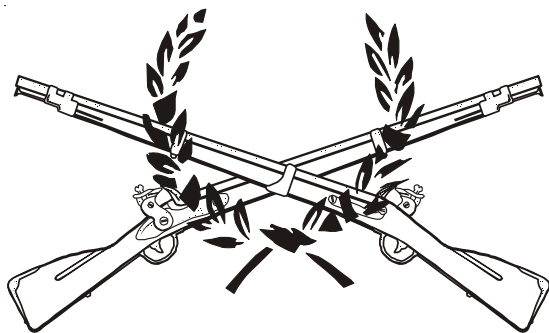
Рябиновая осень – это вкус
поэзии с изысканной горчинкой,
здесь мудрость вырывается из уст,
сражая изумительной искринкой.

Здесь автора певучая душа
пронзительную музыку слагает:
одна – земной любовью хороша;
другая – о войне напоминает.

И в том поэта избранная роль –
доставить слово верными путями,
чтоб каждый, кто прочёл, услышал боль
и не спешил рябину рвать горстями.

Календарь памятных дат

Юрий Фабрика

...Храбрость, русским свойственная

(Сибиряки на поле Бородинском)

*Из приказа М.И. Кутузова 28 августа 1812 г.
№12 по армиям с объявлением благодарности
войскам, участвовавшим в Бородинском
сражении.*

Победоносная для России Отечественная война 1812 года продолжает волновать умы и сердца наших современников, тем более, что наступил юбилейный 2012-й год – год двухсотлетия со времени этого поистине эпохального события для нашей Родины, да и для всей мировой истории.

Отечественная война – один из самых драматических и вместе с тем самых значительных по своим последствиям моментов русской истории. В ней всё захватывает и всё заставляет работать научную мысль. В ней и в тех событиях, которые из неё развернулись, найдут неисчерпаемый кладезь и художник, и социолог, и политик, и дипломат [2]. Спустя два века мы находим неопровержимые подтверждения сказанному.

Война 1812 года не являлась войною только Франции или Наполеона с Россией. Это была по существу европейская война, в которую были втянуты почти все государства Европы, но в которой главная роль принадлежала Франции и России.

Наполеон, держа под пятой 72 миллиона населения Западной и Центральной Европы, двинул против России «Великую армию» – более полумиллиона солдат,* 1372 орудий.

* «Великая армия» насчитывала не менее 140 тыс. солдат, говоривших по-французски, 110 тыс. немцев, 30 тыс. австрийцев, 30 тыс. пруссаков, 12 тыс. швейцарцев, в ней также были бельгийцы, итальянцы, датчане, поляки и др., говорившие на пяти языках и множестве диалектов. Русский народ назвал это нашествием «дванадесяти языков» [3].

Вторжение в наше Отечество полчищ Наполеона, угроза самой независимости России вызвали у россиян, у сибиряков чувство величайшего патриотизма, готовность к самопожертвованию в борьбе за Родину. Сибирские полки участвовали во всех сражениях Отечественной войны, в числе первых они встретили неприятеля у Немана, героически сражались у стен горящего Смоленска, насмерть стояли они на Бородинском поле, в составе победоносной русской армии вошли в Париж.

Эпицентром, главным событием Отечественной войны 1812 г., несомненно, является знаменитое сражение 26 августа (7 сентября) неподалеку от Можайска, у села Бородина, вошедшее с тех пор в историю как немеркнущий символ мужества, патриотизма и героизма русского народа.

Армия наша 22-го августа подошла к Бородину. Бородинскую позицию в 10 верстах от Можайска и 108 верстах от Москвы [4], протяженностью около 7 верст заняли русские войска численностью до 103 тыс. регулярных войск (в том числе – 72 тыс. пехоты и 17 тыс. кавалерии) при 640 орудиях и кроме того – 7 тыс. казаков и 10 тыс. ратников. Общее же число войск Наполеона доходило до 130 тыс. при 587 орудиях. На пространстве квадратной мили находилось двести пятьдесят тысяч человек, более шестидесяти тысяч лошадей и более 1 200 орудий. С одной стороны, были воины, пришедшие с крайних пределов запада и юга Европы, большей частью опытные, участвовавшие во многих битвах, и во главе их – величайший полководец того времени; с другой – стояли воины со всех областей России, прибывшие от Ледовитого океана, Урала и Каспия, из отдаленной Сибири и с Кавказа, уступавшие в боевой опытности противникам, но закаленные в трудах и лишениях и предводимые полководцем, на которого возлагала надежду вся Россия [5].

В соответствии с «Диспозицией для 1-й и 2-й Западных армий, при селе Бородине расположенных августа 24 дня 1812 г.» среди войск правого крыла находились Тобольский и Селенгинский пехотные полки.

На Курганной высоте, являвшейся важнейшим опорным пунктом русской позиции, было возведено сильное укрепление, имевшее прекрасный обстрел по направлению новосмоленской дороги, левого берега Колочи и подступов к Шевардинской передовой позиции. Это укрепление, игравшее огромную роль во время сражения, известно под названием батареи Раевского или Курганной.

Оборона батареи Раевского поручалась войскам, расположенным в центре. В центре стояли 6-й пехотный и находившийся позади него 3-й кавалерийский корпуса, оба под командованием генерала от инфантерии Дохтурова. В состав 6-го корпуса входила 24-я пехотная дивизия генерал-майора Лихачёва (Уфимский, Ширванский, Бутырский, Томский пехотные полки, 19-й и 40-й егерские полки, а также диви-

зион 24-й артиллерийской бригады).^{*} Всего в 6-м пехотном корпусе было 28 батальонов с двумя артиллерийскими ротами, в числе 9 900 человек с 24 орудиями. В 3-м кавалерийском корпусе генерал-адъютанта Корфа наряду с драгунскими полками Курляндским, Оренбургским находились полки Сибирский и Иркутский драгунские (генерал-майор Крейц). Всего в центре войск имелось в количестве 13 600 человек.

В числе войск левого крыла находился Сибирский гренадерский полк [7].

25 августа обе стороны готовились к бою. Наполеон почти весь день провёл на коне, обзоревав русские позиции и делая распоряжения на следующий день для их атаки.

Кутузов также объезжал наши войска, беседуя с ними простым русским языком, воодушевлял их к предстоящей битве и, глубокий знаток сердца русского народа, приказал пронести вдоль всей линии войск чудотворную икону Смоленской Божией Матери, вывезенную из горящего Смоленска, и с тех пор сопровождавшую наши войска. «Духовенство шло в богатых ризах, по временам останавливаясь и совершая молебствия. Медленно подвигалась Святая икона, и тысячи благочестивых воинов падали на колени, принося теплые молитвы за спасение родины. Сам главнокомандующий со всем своим штабом встретил икону и поклонился ей до земли» [8].

Наступила холодная ночь перед сражением. «То была роковая, грозная, священная ночь для русских, – пишет участник сражения. – За той ночью решится судьба сражения... Тогда не об одной славе, не об одной жизни русских, но о свободе Руси шло дело... Никто не боялся тогда умереть – боялись, что трупы наши не загородят Наполеону дороги к порабощению милой родины... Никто не спал. Солдаты за-

^{*} Названные полки 24-й дивизии, а также все другие находившиеся в Сибири полевые, драгунские и пехотные полки с их артиллерией – Тобольский, Сибирский, Иркутский, Селенгинский и другие, вследствие войн с Наполеоном, потребовавших напряжения всех русских сил, в 1808 г. были вытребованы из Сибири и передвинуты к западной границе Российской империи. Охрана же азиатских границ России была всецело возложена на Сибирское линейное казачье войско [6].

ботливо чистили ружья, точили штыки и, готовясь к смерти, надевали чистые рубахи. Шёпотом завещали они землякам отнести поклон кто к жене, кто к брату, кто благословение детям... Они знали, что завтра будут драться на пороге Москвы, а Москву каждый считал воротами в дом свой».

Утром 26-го августа началось знаменитое Бородинское сражение. «15 часов длился отчаянный с обеих сторон бой; 700 неприятельских пушек не умолкали и ни на минуту; на пространстве 8–9 квадратных миль падает и устилает собою поле битвы до 75 000 людей. Крики, стоны, вопли наполняли воздух – то был *ад* со всеми его ужасами ...» [9].

Основные бои на Бородинском поле развернулись за главные пункты русской армии – Багратионовы флеши, батарею Раевского, с. Бородино, героическая оборона которых решала исход великой битвы. В результате успешной их защиты войска Наполеона не смогли осуществить прорыв русской позиции, а исключительно тяжёлые потери в боях за эти укрепления привели французов, в конечном счёте, к поражению.

Во время сражения батарея Раевского была трижды атакована противником: раз за разом он всё время пытался закрепиться в центре позиции русской армии. К середине дня французы начали последнюю атаку батареи Раевского. Заняв утром Бородино, а затем Семёновские флеши, они получили возможность вести перекрёстный огонь по Центральной высоте: 70 орудий вели фланкирующий огонь, 60 орудий обстреливали батарею с фронта. Для защитников высоты огонь артиллерии был особенно губителен.

По словам очевидца: «Самое пылкое воображение не в состоянии представить сокрушительного действия происходившей здесь канонады. Гранаты лопались в воздухе и на земле, ядра гудели, сыпались со всех сторон, бороздили землю рикошетами, ломали в щепы и вдребезги всё, что встречали в своём полёте. Выстрелы были так часты, что не оставалось промежутка между ударами; они продолжались беспрерывно, подобно неумолкаемому раскату грома» [10].

Только в четвёртом часу дня, во время третьей атаки французов, кавалерии Коленкура и пехоте вице-короля удалось

занять батарею Раевского, однако сражение уже было на исходе; враг с наступлением темноты вынужден был оставить батарею Раевского и ряд других пунктов русской армии, временно захваченных в ходе сражения.

Курганная батарея к 15 часам, когда её заняли французы, представляла собой «зрелище, превосходившее по ужасу всё, что только можно вообразить. Подходы, рвы, внутренняя часть укреплений – всё это исчезло под искусственным холмом из мёртвых и умирающих, средняя высота которого равнялась 6–8 человекам, наваленным друг на друга». «...Погибшая тут почти целиком дивизия Лихачёва, казалось, и мёртвая охраняла свой редут»[11].

Бои за артиллерийские пункты – батарею Раевского и Семеновские флеши – стоили противнику около 75 процентов всего количества убитых и раненных в Бородинском сражении.

Бородино дорого обошлось Наполеону. Его армия потеряла убитыми и ранеными более 50 тыс. человек, или 43,3% своего состава. Огромные потери понесла конница – около 16 тыс. человек, или 57% её состава. Велики были потери французов и в начальствующем составе: из строя выбыло 263 человека, в том числе 47 генералов. Потери русской армии убитыми и ранеными тоже были значительными, они достигли почти 44 тыс. человек, т.е. 36% состава армии. Так завершилось это кровопролитное сражение, не давшее наступавшему никакого результата. После 12-часового непрерывного боя оно закончилось на том же месте, где и началось [12].

...Война 1812 года столь богата славными делами наших соотечественников, что мы едва ли будем когда в состоянии воздать должную дань хвалы всем деяниям этой великой эпохи.

В Бородинском сражении сибирские полки стяжали неувядаемую славу. Доблестная 24-я пехотная дивизия сибиряков героически обороняла Смоленск; смертью храбрых пала она на Бородинском поле, защищая батарею генерала Раевского [13]. Тобольский пехотный полк в Бородинском сражении,

построившись в каре, выдержал и отбил шесть атак неприятельской кавалерии, задержав на фланге до ночи продвижение французской конницы. Сибирский и Иркутский драгунские полки принимали участие в кавалерийской схватке, развернувшейся за ключевую позицию Бородинского поля – Курганную батарею. То была, по словам Барклая де Толли, «кавалерийская битва из числа упорнейших, когда-либо случавшихся». В Сибирском драгунском полку осталось лишь 125 рядовых и три офицера. Томский пехотный полк выдержал наиболее ожесточённые атаки противника, так как был расположен на самой батарее Раевского. В итоге в бою 26 августа 1812 года Томский и Тобольский полки потеряли более половины личного состава. 95-й Красноярский полк, отбивая атаки Морана и Брусье, потерял 20 офицеров и 712 нижних чинов. Совсем немного осталось людей в Бутырском, Ширванском, Уфимском, 19-м и 40-м егерских полках... [14].

За мужество и героизм, проявленные сибирскими полками, ряд из них был удостоен высоких наград. 9-й гренадерский Сибирский полк получил Георгиевские трубы за 1812 г. и знаки на шапки за 1812-1814 гг.; 38-й Тобольский пехотный полк – Георгиевское знамя за 1812 г. и серебряные трубы за взятие Монмартра; 41-й Селенгинский пехотный полк – *поход* (особый барабанный бой, при отдании чести, жалуемый за военное отличие – **Ю.Ф.**) за отличие 1812 г.; 43-й Охотский пехотный полк – Георгиевское знамя за 1812–1814 гг.; 44-й Камчатский пехотный полк – Георгиевское знамя за 1812–1814 гг. и Георгиевское знамя за Ла-Ротьер 1814 г.

Ряду полков русской армии были присвоены имена героев войн с Наполеоном как «вечных шефов» в память 1812 года. Так, в 1912 году, в связи со столетием Отечественной войны 1812 года, 26-го августа, в годовщину Бородинского сражения, пехотный Бутырский полк стал полком генерала Дохтурова, Тобольский – генерала Милорадовича [15].

Главное, что определило успешный исход сражения для русских войск, было беспримерное мужество солдат и офи-

церов, всех, кто сражался в те далёкие дни на Шевардинском редуте, Багратионовых флешах, батарее Раевского, Утицком кургане, у деревни Семёновское, на берегах Колочи.

Многие подвиги, совершённые простыми русскими людьми – солдатами, казаками, крестьянами, мещанами, были отмечены знаками отличия Военного ордена (солдатский Георгиевский крест), учреждённого для награждения нижних чинов за боевые подвиги. В правилах о награждении знаками отличия говорилось: «Им награждаются только те из нижних воинских чинов, которые, служа в сухопутных и морских русских войсках, действительно выкажут свою отменную храбрость в борьбе с неприятелем». Среди них немало сибиряков.

В Уфимском полку, потерявшем убитыми 10 унтер-офицеров и 208 рядовых, ранеными 10 унтер-офицеров и 179 рядовых, пропавшими без вести 12 унтер-офицеров и 179 рядовых, за подвиги, совершённые во время сражения, многие офицеры были представлены к наградам, а рядовые Павел Жуков, Яков Иванов, Ислам Бакиров, Ахсан Сулейманов и другие получили знаки отличия Военного ордена [16]. При построении батарей, «под сильными неприятельскими выстрелами с усердием и мужеством исполняли своё дело» унтер-офицеры Пётр Панов, Фёдор Миллер, Герасим Алексеев, рядовые Яков Фёдоров, Филипп Григорьев, Василий Иванов, Фёдор Бекрутов, Фаддей Тиханов, Филимон Андреев, за что были награждены знаками отличия Военного ордена [17].

Командиры сибирских частей показали в день Бородина примеры исключительной стойкости и героизма.

Доблестной 24-й дивизией сибиряков, насмерть стоявшей на Бородинском поле, защищавшей батарею Раевского, командовал генерал-майор Пётр Гаврилович Лихачёв, кавалер ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. В Бородинском сражении, будучи больным (из-за сильных болей в ногах он не мог ходить), он руководил сибиряками, сидя на походном стуле в переднем углу редута под градом пуль, ядер и гранат. Вокруг него беспрестанно пада-

ли убитые и раненые, но он мужественно ободрял своих молодцов: «Смелей, ребята! – говорил он. – Помните, мы дерёмся за Москву!»

В критическую минуту он во главе солдат с обнажённой шпагой бросился в атаку. Раненый, исколотый штыками и повергнутый на землю прикладами, еле живой, он был взят в плен и представлен Наполеону. Прославленный полководец пожелал вернуть генералу шпагу, но П.Г. Лихачёв отказался принять её...

Командир 3-го кавалерийского корпуса генерал-майор Крейц получил в бою шесть ран, дважды под ним убивали коня...

Генерал-майор Понсет, искалеченный в предыдущих боях, стоял перед своей бригадой (Бутырским и Ширванским полками) на костылях. Он говорил, что умрёт, но не отойдёт ни на шаг. Генерал Лаптев лично повёл Ширванский полк в атаку на французскую батарею. Три раза сибиряки при барабанном бое пробивали штыками и прикладами дорогу себе сквозь многочисленную французскую конницу [18].

Начальник штаба 6-го корпуса, командир Московского полка полковник Фёдор Фёдорович Монахтин получил две раны штыком и успел ещё раз крикнуть солдатам перед третьим натиском французов, указывая на батарею: «Ребята, представьте себе, что это Россия, и отстаивайте её грудью!». В этот момент пуля попала ему в живот, и Монахтина унесли с поля битвы. Полковник, тяжело раненный, прожил несколько дней. Узнав, что Москва оставлена неприятелю, Монахтин сорвал со своих ран все повязки и вскоре скончался [19]. Это ему посвящены строки М.Ю. Лермонтова в стихотворении «Бородино»:

*Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.*

Шеф Уфимского полка генерал-майор Цибульский бросился со своими солдатами врукопашную в тот момент, когда французы тремя колоннами ринулись на Центральный редут, чтобы овладеть им. Картечь пронзила ему руку, и он был вынужден оставить строй.

О командире Егерской бригады (19-й и 40-й егерские полки) полковнике Вуиче так сообщает наградной документ: «Он находился близ кургана, на который была поставлена батарея наша, где во время штурма оной с полками своими благоразумными распоряжениями и отличною храбростию атаковал наступающего неприятеля и подавал собою пример подчинённым, опрокинул одного с большою неприятельскою потерей».

За мужество и героизм, проявленные в Бородинском бою, были удостоены высоких наград многие офицеры 24-й дивизии: командир Ширванского пехотного полка майор Теплов – ордена Св. Анны 2-й степени, шеф Уфимского пехотного полка генерал-майор Цибульский – ордена Св. Владимира 3-й степени, шеф 19-го егерского полка полковник Вуич повышен в чине, шеф 40-го егерского полка полковник Сазонов – Св. Анны 2-й степени, командир Томского пехотного полка подполковник Иван Попов – Св. Анны 2-й степени, шеф Бутырского пехотного полка полковник Денисьев – Св. Анны 2-й степени с алмазами – и другие герои [20].

Многие сибиряки, помимо собственно сибирских частей, служили в других гвардейских и армейских подразделениях, участвуя в многочисленных боях 1812 г. и заграничной кампании.

Коренной сибиряк – тоболяк подполковник В.М. Шухов в походах против Наполеона прошёл путь от Москвы до Парижа, В сражениях с неприятелем он участвовал с июня 1812 года по март 1814 года. Он был под Варшавой, в Силезии, Богемии, Саксонии, сражался под городами Дрезденом, Лейпцигом, Магдебургом, Гамбургом, брал Париж. За боевые заслуги перед Отечеством подполковник В.М. Шухов был награждён двумя боевыми орденами и двумя медалями [21].

В канун 100-летия Отечественной войны 1812 года, в ноябре 1908 г. Св. Синод определил: «предложить епархиальным начальствам и Ставропогиальным монастырям, а также Протопресвитеру военного и морского духовенства сделать распоряжение о составлении списков лиц, погребённых в церквях и на кладбищах, с точным обозначением надгробных надписей, сохранившихся на могилах духовных лиц, дворян, наиболее крупных местных общественных деятелей купеческого и других сословий и о доставлении сих сведений непосредственно Его Императорскому Величеству» [22].

Выполняя определение Св. Синода, Томская епархия вскоре ответила: «Около храма в г. Кузнецке похоронен отставной майор Иркутского гусарского полка Александр Григорьевич Меретеев, родившийся в 1764 году. В военную службу вступил в 1780 году, 1 января. В течение службы в походах и делах против неприятеля во время войны 1812 года сражался против неприятеля под Смоленском, Дорогобужем, Вязьмой, Гжатском. На Бородинском поле был ранен и за отличие в этом был награждён орденом Св. Анны 4-й степени. Участвовал в походах 1813 и 1814 гг. Умер 3 апреля 1846 года» [23].

В битвах Отечественной войны мужество и храбрость проявили будущие генерал-губернаторы Западной Сибири Г.И. Глазенап, П.М. Капцевич, И.А. Вельяминов, Н.С. Сулима, П.Д. Горчаков, Г.Х. Гасфорд [24].

Многие документальные источники свидетельствуют о высоком личном мужестве военных священников русских полков, в том числе и сибирских.

Военный священник 19-го егерского полка, сформированного в Омске, о. Василий Васильковский, оказавший в войне 1812 г. особые отличия, получивший в боях ранения и тяжёлую контузию, стал первым из духовных наставников в русской армии, удостоенным высшей военной награды России – ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

В списке священников, награждённых медалями в память 1812 года (медаль учреждена именным указом от 22 декабря 1812 г. – **Ю.Ф.**) за участие в сражениях Отечественной вой-

ны, 12 имён, и в их числе: священник Бутырского полка Василий Галченко, Томского – Никифор Дмитровский, Тобольского – Фёдор Сперанский, Селенгинского – Иоанн Еланский [25].

Это лишь отдельные эпизоды блестящей эпопеи Бородинской битвы, в которой русские войска, и в их числе сибирские полки, проявили столько подвигов беспредельной отваги и стойкости и которой справедливо гордились наши предки, и гордимся мы, их потомки...

В редчайшем издании, в первом историческом исследовании, посвящённом Отечественной войне 1812 г., опубликованном спустя год после описываемых событий, мы читаем:

«Гробы спасителей России будут драгоценны народу и по смерти. В военных действиях один прах ваш, вынесенный пред ряды воинов, оживит их жаром мужества и подаст вновь силы к совершенному врагов истреблению. Дух ваш и тогда на крыльях победы будет парить пред полками российскими. А молодые воины в одних примерах подвигов ваших станут отныне снискивать себе честь и славу» [26].

Справедливость этих пророческих слов подтвердили бессмертные подвиги советских воинов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Одно лишь священное «Москва за нами!», как невидимое знамя, окрыляло наших воинов – внуков и правнуков героев Бородина, тех, кто спустя 129 лет, в 1941-м, сражался с гитлеровскими ордами под Москвой. И в военном успехе наших войск, беззаветном мужестве сибирских дивизий, проявленных на подмосковных рубежах, несомненно, есть и нравственная заслуга их неуступчивых предков.

Приближается 200-я годовщина победы русского народа в Отечественной войне 1812 года. Годовщины, отмечаемые нами, – это напоминание о нашем долге пред Отечеством, о том, что жили на земле нашей люди, достойнее, чем мы, исполнившие этот долг. И славные годовщины – нам и в назидаение и, быть может, в укор. А им, свершившим и ушедшим, – в знак благодарности нашей памяти.

Отечественная война 1812 года и Бородинское сражение относятся к тем событиям всемирной и отечественной истории, которые не меркнут в веках и будут всегда служить для потомков высоким примером патриотизма, беспредельной стойкости и богатырской силы русского народа и его армии в борьбе за национальную честь и независимость Родины.

Воздадим же сегодня вновь нашу память и честь бесстрашному русскому воинству, навеки связавшему на бородинских холмах свои собственные смертные судьбы с бессмертной судьбой России!

Список литературы

1. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. – М., 1987. – С.270.

2. Отечественная война и русское общество. 1812–1912. – М., 1912. – С.III.

3. Валлоттон А. Александр I. – М.: Прогресс, 1991. – С.153.

4. Военный сборник. 1912 . №3. – С.9.

5.История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Составлена по Высочайшему повелению. Сочинение генерал-майора М. Богдановича. Том II. – СПб, 1859. – С. 172.

6.Столетие Военного Министерства. 1802–1902. Главный Штаб. Выпуск I. Приложение №1. СПб, – С. 12–14; Военный сборник. 1903. №8. – С. 49–50; 1905. №11. – С. 417. Дополнение за 1912 год к Справочнику К. Патина, полному и подробнейшему указателю приказов по военному ведомству, циркуляров, предписаний, отзывов Главного Штаба и прочих Главных Управлений и приказов, приказаний и циркуляров по всем военным округам. – СПб, 1913. – С. 185–186.

7. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Составлена по Высочайшему повелению. Сочинение генерал-майора М. Богдановича. – СПб, Т.II. 1859. – С. 145, 153–158, 160; Столетие Военного Министерства. 1802–1902. Главное Инженерное Управление. Исторический очерк. Часть I. – СПб, 1902 . – С. 762; Бескровный.Л.Г. Оте-

чественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. – М., 1951. – С. 54; Бородино. Документы, письма, воспоминания. – М., 1962. – С. 80–81.

8. Военный сборник. 1860. – Т. 12. – С. 468; 1875. №7. – С. 11; 1900. №5. – С. 99-100; 1912. №3. – С.115-116; Бородино. 1812 г. М. 1987. – С. 109; *Валлоттон А.* Александр I. М., 1991. – С.168; *Глинка Ф.Н* Письма русского офицера. М. 1987. – С. 302.

9. Военный сборник. 1900. – №5. – С. 100; 1912. – №3. – С. 91.

10. Военный сборник.1875. – №7. – С.12.

11. *Ложье Ц.* Дневник офицера «Великой армии» в 1812 г. – М., 1912. – С. 151.

12. *Жилин П.А.* Контрнаступление Русской Армии в 1812 году. – М.,1953. – С.162, 168.

13. ГАОО (Государственный архив Омской области). Ф. 2 200. Оп. 1. Д. 146. Л. 8; *Стрельский В.И.* Сибирь в Великой Отечественной войне. – ОГИЗ-ОМГИЗ, 1943. – С. 7–8.

14. «Красноармейская Звезда». – 1943, 22 декабря.

15. См. Герои 1812 года. – М., 1987. – С.578–606.

16. Военно-исторический журнал. 2009. – №9. – С.71.

17.Столетие Военного Министерства. Главное Инженерное Управление. Исторический очерк. Часть I. – СПб, 1902. – С. 763–764. Приложение СXXXII. – С. 316.

18. *Мисюрев А.* Томское знамя. «Красноармейская Звезда». 1944, 17 сентября.

19. *Тарле Е.* Нашествие Наполеона на Россию. – М., 1938. – С. 133; *Тарле Е.* Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона. – М., 1941. – С. 32; «Бомбардир», 1998. – №7. – С. 62–63.

20. Бородино. Документы, письма, воспоминания. – М., 1962. – С.269–281; *Федотьев Л.* Непрístupный редут. «Советская Сибирь», – 1987. – 6 сентября.

21. «Красноармейская Звезда». – 1943. – 22 декабря.

22. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 549. Оп.2. Д.1. Л.1.

23. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 549. Оп. 2. Д.38. Л. 30–30 об. 19.

24. *Фабрика Ю.А.* Сибирский щит. Новосибирск, 2001. – С. 43.

25. Столетие Военного Министерства. 1802-1902. Управление церквами и православным духовенством Военного ведомства. Исторический очерк. – М., 1912. – С. 69–71; *Шавельский Г.И.* Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. – М., 1912. – С. 14; «Родина». – 1992. – № 6–7. – С. 83; *Фабрика Ю.А.* Церковь и армия в России. Новосибирск. 1997. – С. 56–57.

26. Историческое описание войны 1812-го года. Печатано по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению. В Санкт-Петербурге, в ИМПЕРАТОРСКОЙ типографии, 1813 года. – С. 132, 133–134.

Забутые страницы Пушкинианы

Модест Гофман

Невеста и жена Пушкина*

В декабре 1828 года на одном из московских балов Пушкин впервые увидел шестнадцатилетнюю красавицу Наталью Николаевну Гончарову. Какими словами передать то впечатление, какое произвела на Пушкина эта скорее еще предчувствуемая, но уже ослепительная и пленительная красота милой шестнадцатилетней девушки? Таких слов вообще нет ни в одном языке, как нет и других слов, описывающих красоту. Наталья Николаевна Гончарова была не просто красивой и даже не ослепительно красивой, поражающей глаз совершенством линий, – больше еще чем прекрасной, она была трепетно прелестной, и это чувствуешь даже теперь, через сто лет, когда смотришь на ее портреты, сохранившие свою силу и живую красоту. И теперь, через сто лет, «живо чувствуешь влияние красоты» и проникаешься насквозь гончаровской прелестью, чудесно мягким, непорочно чистым, девственным, бесконечно добрым, красиво добрым и нежным, теплым выражением ее глаз при спокойной, чуть-чуть строгой, почти торжественной (но не торжествующей, а милой и скромной) улыбке губ.

В Олениной Пушкин видел рафаэлевского ангела, в Гончаровой он проникся более совершенной и прекрасной, высокой красотой Мадонны – недаром с именем Н.Н. Гончаровой связан его сонет:

*Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.*

* М.Л. Гофман. Невеста и жена Пушкина. – М.: Наш дом, 2001.

*В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —*

*Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.
Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.*

Что эта Мадонна — образ Н.Н. Гончаровой, свидетельствует письмо Пушкина к ней, в котором он говорит: «Я утешаюсь тем, что провожу целые часы перед белокурой Мадонной, которая похожа на Вас, как две капли воды...». Мы подчеркнули в сонете слова, говорящие о том, что увидел Пушкин в большой и живой красоте Гончаровой: величие, кротость и чистейший образец чистейшей прелести (так и в послании к вельможе: «Влиянье красоты ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты и блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой»). Не блеск, не ослепительность, а прелесть, кротость и величие:

*С какою гордостью небесной
Земли касается она!*

Быть может, не меньшее еще впечатление, чем живая прелесть и божественность красоты Мадонны — Гончаровой, произвела на Пушкина ее манера держать себя, ее строгий и спокойный аристократизм, отсутствие пошлости, вульгарности и вульгарного кокетства:

*... с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется vulgar...*

Уже женатый на Н.Н., Пушкин писал ей: «Ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнею, все, что не *comme il faut*? Все, что *vulgar*... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя». Забегая еще вперед, напомним одну фразу, которую Пушкин написал своей жене: «Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою люблю я еще более твоего лица». И такое точно впечатление произвела на Пушкина юная шестнадцатилетняя красавица при первой встрече: в ее прекрасном лице – хороша, хороша! – он, как в зеркале, увидел ее душу и испытал – былой Дон-Жуан и Мефистофель – трепетную робость перед девушкой, почти ребенком. И не раз и после этого испытывал он робость перед Натальей Николаевной (так и о встрече в 1829 году Пушкин писал Н.И. Гончаровой: «Я был робким в первый раз в жизни, между тем не робость в мужчине моих лет может нравиться юной особе в возрасте вашей дочери»).

Через несколько дней после московского бала, на котором Гончарова явилась Пушкину как гений чистейшей красоты и чистейшей прелести, он уехал в Петербург, сохраняя в душе своей это прекрасное видение – не самое ли прекрасное в его жизни? Но в Петербурге Пушкин не долго оставался: в марте 1829 года он взял подорожную в Тифлис и отправился через Москву на Кавказ. В Москве он застрял до мая – в плену своей мечты о прекрасной Гончаровой.

В последних числах апреля поэт сделал решительный шаг, не кажущийся нам неожиданным, несмотря на свою молниеносность – мы привыкли к такой молниеносности Пушкина за годы 1826–1829, когда не раз у Пушкина точно так же кружилась голова и порабощалось сердце, когда он не в силах был бороться со своим порывным, вихревым находом-наваждением и становился одержимым (недаром он в свое время писал, что С.Ф. Пушкина должна думать, что он сумасшедший): через своего бывшего врага, графа Ф.И. Толсто-

го (Американца), он сделал предложение Н.Н. Гончаровой (не в первый раз обратился он и к посредничеству свата – не робость ли, не страх ли в большей мере, чем следование свадебным традициям, парализовали его личное обращение, не страх ли перед личными объяснениями и отказом?). Мать Н.Н. Гончаровой ответила уклончиво, не сказав ни да, ни нет. Ответ ее был скорее отрицательный, но и самая неопределенность его – то, что он не был определенно отрицательным, бесповоротно отрицательным (может быть, ответ Н.И. Гончаровой был еще смягчен графом Толстым?), – наполнила в первую минуту Пушкина восторгом: так мало он надеялся на согласие, на возможность невозможного счастья.

1 мая Пушкин писал своей будущей *belle-mère*¹, Н.И. Гончаровой: «На коленях, проливая слезы признательности, должен был бы я писать Вам в настоящее время, когда граф Толстой передал мне Ваш ответ: этот ответ – не отказ, Вы позволяете мне надеяться. Между тем, если я еще ропщу, если печаль и горечь примешиваются к чувству счастья, не обвиняйте меня в неблагодарности; я понимаю осторожность и нежность матери! – Но простите нетерпению сердца больного и опьяненного счастьем. Я сейчас еду, унося в глубине души образ небесного существа, которое Вам обязано своим появлением на свет. – Если у Вас будут какие-нибудь приказания мне, соблаговолите направить их графу Толстому, который мне перешлет их».

Отправив это письмо и с нетерпением ожидая на него ответа – хоть и мало надеясь на то, что будет ответ, – Пушкин уехал в тот же день – 1 мая – на Кавказ: весь апрель, и особенно его последние дни, он находился в лихорадочном, беспокойном состоянии, мучаясь любовью к прекрасной, но холодной, гордой и неприступной деве, не находил себе места и после полуотказа не мог уже «выносить» присутствия в том же городе Натальи Николаевны. Путешествие на Кавказ и в Закавказье продолжалось долго – уехав из Москвы 1 мая, Пушкин вернулся только в сентябре – и было богато

¹ Тёще (*фр.*).

разнообразными впечатлениями. Путешествие, как всегда, взбудрило Пушкина, дало ему силы, гончаровская лихорадка его успокоилась, «гордая дева» перестала его мучить на Кавказе так, как мучила в Москве; но и на Кавказе образ ее – видение Красоты – не покидал Пушкина и внушил ему одно из самых музыкально совершенных стихотворений:

*На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.*

Кавказская твердыня, крепость Карс, легко была взята русскими войсками. Так же ли может взять Пушкин свой «неприступный Каре», завоевать сердце – еще никогда не любившее – семнадцатилетней красавицы? Можно ли его вообще завоевать и не лучше ли оставить мучительные мечты о гордой деве, не лучше ли вернуться к своей прежней, привычной, действительно «неотъемлемой» Е.Н. Ушаковой? Чем неприступнее Карс, тем кажется он желаннее, более манящим, волнующим (Ушакова в это время мало волнует Пушкина), с одной стороны, и тем более каждое препятствие не только подстегивает волю и воображение, но, с другой стороны, и тем более охлаждает горячее сердце поэта (явление, слишком знакомое нам в жизни сердца Пушкина 1826–1828 годов, когда он так легко воспламенялся, но и остывал, уставая от своего горения и от своих размышлений на тему, должен ли он связывать свою печальную судьбу с «*kster si doux, si beau*»²). Уже охлажденный Пушкин по возвращении в Москву немедленно отправляется к Гончаровым и встречается там не холодный, а ледяной прием. «*Que de tourments m'attendaient a mon retour!* – писал Пушкин впоследствии (в

² «Существом таким нежным, таким прекрасным» (фр.).

апреле 1830 года) своей будущей belle-mire. – Votre air froid, l'accueil de Mademoiselle Natalie si léger, si inattentive... je n'eus pas le courage de m'expliquer, j'allais à Pïtersbourg la mort dans l'vme.»³

Так Пушкин писал в 1830 году – в действительности холодный прием Гончаровых не убил души его, и поэт не уехал тотчас же в Петербург «la mort dans l'vme», а так же точно, как и после неудачи с С.Ф. Пушкиной и с А.А. Олениной, вернулся к «своей» Ушаковой и к донжуанизму. В течение трех недель Пушкин изо дня в день, каждый день, ездит на Пресню к Ушаковым, возвращается в ушаковский плен, и ничто не свидетельствует о том, что душа его убита очевидным отказом Гончаровых: он добродушно-весело подсмеивается над своей страстью к «неприступному Карсу» и снова готов связать свою судьбу не с Натальей Гончаровой, а с «Катериной IV» – с Ушаковой. И когда смотришь альбом Ушаковой, который поэт так усердно заполнял эти три недели, первое впечатление таково, что визит к Гончаровым действовал на него так же, как в свое время известие о помолвке его «невесты» С.Ф. Пушкиной с Паниным. И это первое впечатление еще усиливается при чтении «мефистофелевского» письма Пушкина (16 октября) к «Фаусту» – А.Н. Вульфу, которое он написал из Малинников, куда своротил по дороге в Петербург «для сбора некоторых недоимок» с тверских красавиц, трепетавших перед неотразимым Дон-Жуаном. «...В Бернове я не застал уже [] Минерву. Она с своим ревнивцем отправилась в Саратов. Зато Netty, нежная, томная, истерическая, потолстевшая Netty, здесь. Вы знаете, что Меллер из отчаяния кинулся к ее ногам, но она сим не тронулась. Вот уже третий день, как я в нее влюблен...»

Создается такое впечатление, будто Дон-Жуан – Мефистофель одержал окончательную победу над женихом. Но...

³ «Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... У меня не хватило мужества объясниться – я уехал в Петербург в полном отчаянии» (*фр.*) (т. X, с. 808).

Пушкин никогда не мог (и не сможет) заковать себя в одном чувстве: так будет впоследствии, когда он не будет позволять своему сердцу «пылать и забываться», так было и в прошлом, когда он, молясь своему рафаэлевскому ангелу, «сгорал пламенем любви» к графине А.Ф. Закревской... Это во-первых, а во-вторых: прекрасное видение Мадонны – чистейшей прелести чистейшего образца – все время в душе его – не так, как после свадьбы С.Ф. Пушкиной. Е.Н. Ушакова на Пресне могла прогонять это видение:

«Аминь, аминь, рассыпся» говорю, – но вдали от Ушаковой, не ее образ, а образ юной мучительной девы вставал перед ним настойчиво и неотвязно. И стоило Пушкину уехать от Ушаковых и оказаться в Петербурге, как образ Н.Н. Гончаровой стал его снова мучить. Прием Гончаровых ясно показал поэту, что он должен был отказаться от мысли о Гончаровой как о невесте и что надо забыть ее. Путешествие на Кавказ успокоило гончаровскую лихорадку, – надо снова уехать куда-нибудь и в странствиях похоронить свою страсть и свою мечту.

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи.
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?*

Автобиографическая точность этой элегии, точность каждого слова засвидетельствованы письмом Пушкина к графу А.Х. Бенкендорфу (7 января 1830 года): «Между тем как я

еще не женат и не связан службой, я бы хотел совершить путешествие или во Францию, или в Италию. Если же это не будет мне разрешено, я просил бы как о милости посетить Китай с миссией, которая туда отправляется». Пушкин не получил разрешения на поездку за границу, о которой он всю жизнь мечтал; не взяли его и в китайскую миссию, и ему пришлось оставаться в тоскливом Петербурге. Вскоре до него дошли слухи, что «надменная дева» (Н.Н. Гончарова стала «надменной девой», конечно, после ледяного приема осенью 1829 года), его «неприступный Карс» сдался перед князем Мещерским, и он пишет князю П.А. Вяземскому, шуткой прикрывая свою ревнивую боль: «Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского? Что делает Ушакова, моя же?» А может быть, и лучше, что «его» Гончарова выходит за другого, – так легче забыть ее и похоронить свою страсть, тем сильнее, чем безнадежнее вспыхивающую – недоступен Карс! и чем недоступнее, тем прекраснее и желаннее!.. К тому же ему в утешение остается «его же», «неотъемлемая» Ушакова... Забыть, забыть надменную, гордую мучительную деву! И в творческой работе Пушкин старается забыть ее, и чем ярче возникают и горят творческие образы, чем больше «дрянь» – творческое вдохновение – овладевает им, тем более меркнет, бледнеет мучительный, дразнящий образ, и проходит гончаровская лихорадка.

Пушкин получает милое письмо от Ушаковой – она зовет его в Москву. Может быть, ехать туда и жениться на своем «оракуле»?

*Пора! в Москву! в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи – лед, сердца – гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.*

Приезд из Москвы в феврале 1830 года одного из петербургских приятелей Пушкина, И.Д. Лужина, перемешал все карты. И.Д. Лужин был 30 декабря 1829 года на балу, кото-

рый давал московский генерал-губернатор князь Д.В. Голицын и на котором особенно блистала принимавшая участие в живых картинах Н.Н. Гончарова, и рассказал поэту об этом бале. По внушению князя П.А. Вяземского Лужин во время танцев заговорил с Гончаровыми – и с «маменькой Карса», и с Натальей Николаевной – о Пушкине: и мать и дочь отозвались о нем очень благосклонно и просили ему кланяться... Значит?!

И, не испросив даже предварительного разрешения графа Бенкендорфа на поездку, Пушкин тотчас же сломя голову полетел в Москву. 14 марта поэт писал князю П.А. Вяземскому: «Третьего дня приехал я в Москву и прямо из кибитки попал в концерт, где находилась вся Москва. Первые лица, попавшие мне навстречу, были Н. Гончарова и княгиня Вера...»

Пушкин стал бывать в доме Гончаровых на положении жениха и 4 или 5 апреля сделал неофициальное предложение. Предложение его было принято благожелательно, но его будущая *belle-mère* поставила ему три вопроса, которые Пушкин должен был обдумать и на которые должен был ответить: считает ли он себя, со своим легкомысленным прошлым, о котором московская молва распускала небывлицы (они старательно доводились до сведения Гончаровых), способным сделать счастье ее дочери? таково ли его материальное состояние, что ее дочь, «не привыкшая к лишениям», не будет ни в чем нуждаться и может занимать достойное положение в том обществе, в котором она родилась и к которому привыкла? не является ли его положение сомнительным и двусмысленным в отношении правительства, не находится ли он под полицейским надзором? Пушкин просил разрешения подумать и ответить письменно на эти вопросы. В том, что касается до чувства Натальи Николаевны к своему жениху, письмо это нуждается в комментарии, но оно до такой степени ясно и исчерпывающе говорит о размышлениях Пушкина накануне его официального жениховства, что достаточно внимательно и медленно прочесть это письмо и вдуматься в каждое его слово.

Пушкин писал Н.И. Гончаровой:

«После того, милостивая государыня, как вы дали мне разрешение писать к вам, я, взявшись за перо, столь же взволнован, как если бы был в вашем присутствии. Мне так много надо высказать, и чем больше я об этом думаю, тем более грустные и безнадежные мысли приходят мне в голову. Я изложу их вам – вполне чистосердечно и подробно, умоляя вас проявить терпение и особенно снисходительность.

Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня – зачем? клянусь вам, не знаю, но какая-то произвольная тоска гнала меня из Москвы; я бы не мог там вынести ни вашего, ни ее присутствия. Я вам писал; надеялся, ждал ответа – он не приходил. Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась. Вы могли ей поверить; я не смел жаловаться на это, но приходил в отчаяние.

Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... У меня не хватило мужества объясниться, – я уехал в Петербург в полном отчаянии. Я чувствовал, что сыграл очень смешную роль, первый раз в жизни я был робок, а робость в человеке моих лет никак не может понравиться молодой девушке в возрасте вашей дочери. Один из моих друзей едет в Москву, привозит мне оттуда одно благосклонное слово, которое возвращает меня к жизни, – а теперь, когда несколько милостивых слов, с которыми вы сооблаговостили обратиться ко мне, должны были бы исполнить меня радостью, я чувствую себя более несчастным, чем когда-либо. Постараюсь объясниться.

Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеять-

ся возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но, будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный, более блестящий, более достойный ее союз; – может быть, эти мнения и будут искренни, но уж ей они безусловно покажутся таковыми. Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения? Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, – эта мысль для меня – ад.

Перейдем к вопросу о денежных средствах; я придаю этому мало значения. До сих пор мне хватало моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не была там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, все, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование. И все же не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она заслуживает и как я того хотел бы?

Вот в чем отчасти заключаются мои опасения. Трепещу при мысли, что вы найдете их слишком справедливыми. Есть у меня еще одна тревога, которую я не могу решиться доверить бумаге...»

В этом письме особенно следует запомнить несколько фраз: последнюю фразу о том поводе к беспокойству, который он не решаетя доверить бумаге, а также о спокойном безразличии, с каким Н.Н. Гончарова может согласиться дать ему свою руку... (к этим фразам нам еще придется вернуться). Любопытно также отметить, насколько в этом письме сказывается ревнивый характер Пушкина: он уже из-за гро-

ба ревнует «блестящую вдову», «вольную на другой день выбирать себе нового мужа»... Но что особенно бросается в глаза при чтении письма, это то, что накануне предложения у него если и кружится голова, то не от опьянения возможным близким счастьем, не от страсти, как у него кружилась голова весною 1829 года, а от холодных, горестных, ревнивых и беспокойных размышлений. Размышления – строгие, безжалостные – снова, как уже было не раз, берут верх над кружащим голову чувством, и у Пушкина вырываются восклицания вроде *«je suis plus malheureux que jamais»*⁴ и слова о существовании *«toute libre et toute aventureuse»*⁵ (этим словам суждено будет стать лейтмотивом). Не такое бы письмо написал Пушкин год тому назад...

6 апреля было Светлое Воскресение. Пушкин думал (может быть, в тайниках своей души отчасти и хотел так думать?), что на его письмо последует отказ, и составлял план путешествия. «В эту минуту, – пишет он в явно автобиографическом наброске, озаглавленном «С французского», – подали мне записку: ответ на мое письмо. <...> Нет сомнения, предложение мое принято. Наденька, мой ангел, – она моя!.. Все печальные сомнения исчезли перед этой райской мыслию. Бросаюсь в карету, скачу; вот их дом; вхожу в переднюю; уже по торопливому приему слуг вижу, что я жених. Я смутился: эти люди знают мое сердце; говорят о моей любви на своем холопском языке!.. <...> У матери глаза были красны. Позвали Наденьку; она вошла бледная, неловкая. <...> Нас благословили. Наденька подала мне холодную, безответную руку. Мать заговорила о приданом. <...> Итак, уж это не тайна двух сердец. Это сегодня новость домашняя, завтра – площадьная». Через месяц по всем родным и знакомым было разослано извещение, гласившее о том, что «Николай Афанасьевич и Наталья Ивановна Гончаровы имеют честь объявить о помолвке дочери своей Натальи Николаевны с Александром Сергеевичем Пушкиным сего мая 6 дня

⁴ «Я чувствую себя более несчастным, чем когда-либо» (фр.).

⁵ «Вольном, полном случайностей» (фр.).

1830 года». «Молодые люди начинают со мной чиниться: уважают во мне уже неприятеля, – писал Пушкин. – Дамы в глаза хвалят мне мой выбор, а заочно жалеют о моей невесте: «Бедная! Она так молода, так невинна, а он такой ветреный, такой безнравственный...» Признаюсь, это начинает мне надоедать. Мне нравится обычай какого-то древнего народа: жених тайно похищал свою невесту. На другой день представлял уже он ее городским сплетницам как свою супругу. У нас приуготовляют к семейственному счастью печатными объявлениями, подарками, известными всему городу, форменными письмами, визитами, словом сказать, соблазном всякого рода...»

Пушкин стал женихом – счастливым женихом? Через неделю после помолвки (12 мая) он писал в цитированном уже автобиографическом наброске «С французского»: «Участь моя решена. Я женюсь... Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством, – боже мой – она... почти моя. Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей. Ожидание последней заматавшейся карты, угрызение совести, сон перед поединком – все это в сравнении с ним ничего не значит.

Дело в том, что я боялся не одного отказа. Один из моих приятелей говаривал: «Не понимаю, каким образом можно свататься, если знаешь наверное, что не будет отказа». (Не потому ли Пушкин не женился на Е.Н. Ушаковой? – *М. Г.*). Жениться! Легко сказать – большая часть людей видят в женитьбе шали, взятые в долг, новую карету и розовый шлафрок. Другие – приданое и степенную жизнь... Третьи женятся так, потому что все женятся – потому что им 30 лет. Спросите их, что такое брак, в ответ они скажут вам пошлую эпиграмму.

Я женюсь, т.е. я жертвую независимостию, моею беспечной, прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством. Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никог-

да не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?»

Пушкин мог восклицать в письме к П.А. Плетневу: «Ах, душа моя, какую женку я себе завел!» – и действительно быть в благоговейном умилении и восторге перед своей «женкой», но сердце его не было счастливо, и за четыре дня до официальной помолвки, 2 мая, у него вырываются такие слова (в письме к князю П.А. Вяземскому): «Сказывал ты Катерине Андреевне о моей помолвке? я уверен в ее участии, но передай мне ее слова – они нужны моему сердцу, и теперь не совсем счастливому».

18 февраля состоялась свадьба Пушкина. Через неделю (24 февраля) он писал П.А. Плетневу: «Я женат – и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дожусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился. <...> память Дельвига⁶ есть единственная тень моего светлого существования». Началось «светлое существование» Пушкина с «женкою-прелестью не по одной наружности» (как он писал тому же Плетневу), и Пушкин проклял – у ног своей небесной донны Анны – свой донжуанизм.

*Клянуповарные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Клянупречей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковых дев,
И слезы их, и поздний ропот.*

И тем более «клял» поэт «коварные старанья» своей «преступной юности», что Наталья Николаевна ревновала его к его прошлому и мучилась им.

*Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю*

⁶ Дельвиг умер 14 января 1831 г.

*И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкий,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...*

Несмотря на свой любовный трепет перед своей «смирницей», своей Мадонной, Пушкин сразу поставил свои отношения с Натальей Николаевной так, что он стал настоящим главой семьи – «долг моей жены подчиняться тому, что я себе позволяю. Не женщине в 18 лет управлять мужчиною 32-х лет», – и Наталья Николаевна покорно подчинилась своему мужу.

Началось «светлое существование» счастливого – как неожиданно! – Пушкина-семьянина. Поэт говорил, что память Дельвига – единственная тень этого существования. Но если память Дельвига была тенью в его духовно-душевном мире, то в московской жизни Пушкиных появились и разрастались такие большие пятна, которые грозили совсем затемнить светлое существование. Не любившая своего зятя, похитителя ее дочери, Наталья Ивановна продолжала устраивать ему сцены, которым Пушкин надеялся положить предел свадьбой, и всеми силами стремилась восстановить против него его юную жену. «Меня рисовали моей жене как человека ненавистного, жадного, как низкого ростовщика; ей говорили: Вы дурочка, что позволяете Вашему мужу, и т.д. Признайтесь, что это значило проповедовать развод. Женщина не может, сохраняя приличие, позволять говорить, что ее муж презренный человек, и долг моей жены подчиняться тому, что я себе позволяю». Само собой разумеется, что «проповедь развода» не имела никакого успеха, и Наталья Николаевна горячо брала сторону своего мужа, что еще больше вы-

зывало раздражение ее матери и усиливало злобные нападки Натальи Ивановны, но постоянные сцены и ссоры матери и мужа заставляли ее плакать и отравляли ее душевный мир и спокойствие. Несомненно, от всех этих дрызг больше всех страдала Наталья Николаевна, принимавшая их близко к сердцу, и Пушкин должен был поторопиться уехать из Москвы «pour éviter des tracasseries⁷, – как он писал своей теще, – qui a la longue pouvaient compromettre plus que mon repos⁸».

Сперва предполагалось, что Пушкины останутся в Москве полгода после свадьбы, но уже через месяц (26 марта) поэт писал П.А. Плетневу: «В Москве остаться я никак не намерен, причины тому тебе известны – и каждый день новые прибывают. После Святой отправляюсь в Петербург». И Пушкин начинает мечтать о том, как он будет жить «en bourgeois»⁹: «Знаешь ли что? мне мочи нет хотелось бы к вам не доехать, а остановиться в Царском Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей. А дома, вероятно, ныне там недорого: гусаров нет, двора нет – квартал пустых много. С тобою, душа моя, виделся бы я всякую неделю, с Жуковским также – Петербург под боком – жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше?» В конце мая Пушкины поселились в Царском Селе, и началась их недолгая безоблачная царскосельская идиллия жизни потихоньку – без тещи, без экипажа, следственно, без больших расходов.

⁷ «Во избежание неприятностей» (фр.) (т. X, с.836).

⁸ «Которые под конец могли лишить меня не только покоя» (фр.) (там же).

⁹ «По-мещански» (фр.) (там же, с. 832).

Геннадий Шеховцов

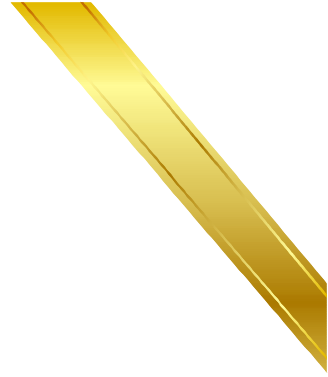
У портрета Пушкина*

...Я так устал от сплетен, слухов,
Балов, интриг и лживых слов.
Когда засыплет тополь пухом,
Давай махнем с тобой в Тамбов...

...Там церковь, где тебя крестили,
И парк, что помнит голос твой,
Там липы снова загрустили,
Не видясь столько лет с тобой...

...И если б пуля не прервала
Полет в метельном феврале,
Нога бы Пушкина ступала
По нашей знаменской земле...

* Печатается с сокращениями

Наши юбиляры

Светить всегда, светить везде...

Жизнь человеческая измеряется не только и не столько количеством прожитых лет, сколько добрыми делами во имя людей.

Творческая встреча поэта-юбиляра Виктора Липчанского 21 апреля 2012 года (ему исполнилось 60 лет) – наглядное тому подтверждение. В салоне «Под сенью Пушкина» члены Новосибирского регионального Пушкинского общества, друзья и гости поэта тепло поздравили Виктора Егоровича, пожелали ему всех благ и долгой творческой жизни. Среди гостей были его ученики из школы творчества «Муза»: Настя Громова и Слава Норьев. Более 10 лет обучает начальник отдела «Гидрометслужбы», победитель многочисленных конкурсов чтецов поэт Липчанский ребятишек из поселка «Восход» Новосибирского сельского района мастерству художественного чтения. Они приходят к нему третьеклассниками, много и усердно занимаются, постигая тайны художественного слова, музыку стиха, красоту русского языка. Став взрослыми, его ученики по-прежнему сохраняют любовь к поэзии Пушкина, любимого их учителем поэта, несут по жизни идеалы добра и справедливости и любовь к настоящему искусству.

В исполнении Насти и Славы, воспитанников юбиляра, прозвучали письмо Татьяны Онегину и ответ Онегина Татьяне и, конечно же, стихи их наставника. Смотришь на юных друзей поэта и на него самого, и возникает мысль: «Учитель! Сколько нужно любви и тепла, чтоб любили и помнили, чтобы верили дети в тебя?!» И стоит перед нами поэт-наставник с душою и лучистыми глазами юноши, и хочется думать, что время будет не властно над ним очень долго и лучшие творения еще впереди. Ведь за 10 лет, начиная с 2002 г., вышли в свет его поэтические сборники: «Свет любви», «Паруса души», «Преподобный Сергей Радонежский», «Преподобный

Андрей Рублев», «Озеро любви», «Высоцкий. Взятые вершины», а впереди еще не опубликованная, но уже готовая поэма «Ермак». В «Пушкинском альманахе» печатается постоянно. Поэта и человека Липчанского хорошо знают в городе: он постоянно выступает на радио, в библиотеках перед школьниками и взрослыми читателями, в студенческих аудиториях, на сценических площадках, в Центре истории новосибирской книги и в «Пушкинском обществе», членом правления которого он является и активно работает. Поэт – частый и желанный гость в Новосибирском педагогическом лицее имени Пушкина. Далеко не полный перечень добрых дел Виктора Егоровича Липчанского как бы напоминает людям, особенно молодому поколению: нынче миру так необходимы вера и надежда, любовь и доброта. Люди, спешите делать добро!

Председатель правления Новосибирского регионального
«Пушкинского общества»

Трухина Нэля Петровна

Виктор Линганский

Я счастлив тем, что вырос на селе

Я счастлив тем, что вырос на селе,
Что у меня крестьянка мать по духу,
Что знаю жизнь деревни не по слухам,
Что есть о чём сегодня вспомнить мне!

Я помню звон сохи и храп коня...
И снова я по борозде шагаю,
Сырой земли вновь запах ощущаю,
И вдохновляет вновь меня земля

Какой-то преспокойной тишиной
И непомерной щедростью земною,
И нежностью невиданно большою,
И светлую открытою душой!

Я помню, как меня водила мать
По всем лугам во время сенокоса,
И как мне ноги омывали росы,
И как учился я косу держать!

Я помню – лес рос прямо у крыльца,
Где я играл с восхода до заката!
С тех пор берёзы для меня – отрада
И лес меня чарует без конца

Какой-то несравненной красотой
И свежестью, и ласкою лесною,
И ароматной шёлковой травой,
И дивной повседневной новизной!

Я знаю – хлеб всему здесь голова,
И что живут здесь жители простые,

Которые при мне хлеба растили,
Работая с утра и до утра!

Я помню над деревней небосвод
Открытый, многозвёздный, бесконечный!
И мне понятно, почему здесь вечно
Живёт такой отзывчивый народ!

Да! Счастлив я, что вырос на селе,
Что ширь земли, небес я представляю,
Что, необъятное душою обнимая
И с радостью бывшее вспоминая,
Я чувствую прилив добра в себе!

* * *

Любовь, Добро и Свет
И вечную Природу
Приветствую и радуюсь тому,
Что я в душе поэт,
А значит мне от рода
Назначено быть чутким ко всему,
Строкою отражать...
Красот и тьмы так много,
И надо бы успеть всё осветить.
Йог может и не спать!

Вникаю, сплю недолго
И вижу я спасительную нить –
«Кто к Богу, к тем и Бог!» –
Твержу, как заклинанье,
Одно тая желанье:
Работа будет впрок!

К юбилею собрата по перу

Общеизвестно, что русский поэт – не только и не столько человек, пишущий стихи, но прежде всего и главным образом – хранитель национального самосознания, того, что мы называем русским духом. Я не боюсь столь высоких слов применительно к Вячеславу Небольсину.

Стихи он пишет с юных лет. Постоянно публикуется с 1995 года (Литературный альманах Новосибирского университета, «Пушкинский альманах» Новосибирского регионального Пушкинского общества, альманах Новосибирского дворянского собрания). Выступает на заседаниях Новосибирского Русского клуба и регионального Пушкинского общества, на радио (редакции Радио – слово и Микрофорум).

В 2003 году он дебютировал в литературе первой солидной по объему (одиннадцать печатных листов) книгой «Лебяжий луг». Но не объемом красна она, а тем, что автору удалось в ней сказать.

Именно в «Лебяжем луге» есть все, что позволяет поэту называться данным именем: и хорошие стихи, и родина, и судьба. В раннем детстве заброшенный войной из Воронежа в Сибирь (в «столыпинское» воронежское землячество), да так и оставшийся в ней, Небольсин воспел свою новую малую родину во многих стихах и поэмах, воспел искренне, по-сыновьи.

В прозаическом очерке «На той заре, что чуть видна» он пишет: «...Только после окончания института в Одессе я снова, как впервые, побывал в гостях у родственников на родной воронежской земле.

Собирательный, живописный по воспоминаниям моих земляков-переселенцев образ моей малой «исторической» родины оказался именно таким, каким и представлялся мне с детства. И, странное дело, – все было словно знакомым: люди, их добрые лица, привычные по голосам родственни-

ков и сибирских земляков-переселенцев, манера общения, язык, напевный воронежско-тамбовский говорок, привычный быт. Даже природа, птичьи голоса, в особенности соловьи, которых я в Сибири и не слышал, вороньи свадьбы, реки с ласковой живописностью берегов, всхолмленные дали с видами полей, сёл и деревень, с вливающими в душу щемящую сердце отраду колоколенками чудом уцелевших православных церквей, – словом, вся эта тихая сказочная прелесть юга Центральной России.....И всё это дохнуло на меня, наконец-то, живым, настоящим, а не литературно-книжным дымом Отечества.

Край мой тихий задумчив и светел.

Не богат, но хватает с него...

Я не блудный: искал да приметил –

Он мне с Богом – начало всего.

Все это буквально всколыхнуло мою душу. Всем существом своим я принял увиденную воочию свою фактическую и почуял историческую родину. Принял её как истинно родной и близкий ей человек, словно кровью и нервами почувствовав это. Родство душ и некое незримое кровообращение, духовное единство с новыми земляками установились сразу и безоговорочно».

Сказанное подтверждено биографией и творчеством самого Вячеслава Небольсина, а также рода Небольсиных. Его отец был учителем, директором школы, а в Великую Отечественную – фронтовиком, комбатом ударно-штурмового, потерявшим ногу в боях под Берлином.

Вячеслав Яковлевич имеет профессию, как принято считать, далёкую от литературы. После окончания Одесского политехнического и работы на заводах Минска и Новосибирска он, что называется «технарь»: кандидат технических наук, доцент того самого Новосибирского технического университета (НГТУ–НЭТИ), где некогда кипели во славу Дни поэзии с участием многих известных советских поэтов, где ломали копья физики и лирики.

И любопытно, что у истоков нынешних учебных гуманитарных специальностей этого крупнейшего в Сибири техни-

ческого вуза (факультет гуманитарного образования и др.) деканом самообразовательного «гумфака» был именно «технар» Небольсин В.Я. Он назначен лично профессором Г.П. Лыщинским – ректором, архитектором-создателем НЭТИ (НГТУ), а «гумфак» был его детищем.

Декан «гумфака» В.Я. Небольсин и стал соавтором программы гуманитаризации технического образования НЭТИ, принятой за основу всероссийской программы на республиканской конференции, проведенной по инициативе профессора Г.П. Лыщинского именно в Новосибирске, в НЭТИ. Но это, так сказать, «к слову».

Ежегодная в апреле Неделя искусства и День поэзии в ней остались традиционными. НГТУ имеет прекрасный редакционно-издательский отдел, типографию, оснащенную новейшей аппаратурой, и право на издание методической литературы, в том числе с грифом «Учебник НГТУ», свой Дворец культуры. С 1995 года вуз издает свой литературный ежегодник, выходящий ко Дню поэзии, – литературный альманах НГТУ. В нем печатаются произведения студентов, преподавателей, сотрудников и выпускников НГТУ. Но почему же при всем этом Вячеслав Небольсин никогда ранее 2003 года не делал попыток опубликовать свои стихи отдельным сборником?

И вот «Лебяжий луг»... В предисловии к книге известная новосибирская поэтесса Нинель Созинова пишет: «Первый сборник. Первое издание. Но ведь и теперь у него задача скромная: собрать, привести в порядок, сохранить. А предполагаемый адрес – не узкий, но все-таки круг – круг друзей, знакомых и близких. Во всем этом сквозит, может быть и похвальная, самокритичность, но явно заниженная самооценка, ибо в книге оказываются налицо бесспорные признаки писательства настоящего, стоящего внимания... Многим строфам и тропам книжки могут позавидовать и далеко не новички поэтического цеха». Кстати сказать, книга «Лебяжий луг» представлена в фондах ГПНТБ, областной библиотеки и библиотеки Академгородка.

В этом году Вячеслав Небольсин издал вторую книгу – сборник избранных и новых стихов и прозы «Вечернее озарение». Главное – в ней присутствует ощущение Родины и горячая любовь к ней – черта, которая свойственна каждому русскому поэту поверх всех степеней мастерства. Стихи о родине воронежской, где поэт родился, об Одессе, где жил какой-то период, о Минске, где работал после окончания Одесского политехнического института, наконец, об Алтае и Сибири, где провел основную часть жизни, составляют лучшие страницы этой книги.

В феврале 2012 года Вячеслав Яковлевич Небольсин принят в Союз писателей России. Это тем более приятно, что вступление совпало с его юбилейным годом. Вот с этим мы его и поздравляем.

Юрий Ключников

Вячеслав Небольсин

Полистайте альбомы свои

*Два чувства дивно близки нам, —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

А.С. Пушкин

Полистайте альбомы свои —
Лет прошедших снимите слои...
Посетите домашний музей —
Всех ушедших родных и друзей.

Навестите в родительский день
Над плитой шелестящую сень,
Где, как в «красном углу» образа,
Смотрят вечно живые глаза.

Сердцу станет спокойно, светло:
Это ж Родины свет и тепло.
Из духовных ее родников
Пейте дозу целебных глотков.

Говорила мне мама: «Сынок,
После суетных дней и дорог
Навещай мой приют, поделись,
Под рябинкой моей помолись.

Помяни. А в родительский день
Об отце память к Богу воздень.
В храме свечки к молебну зажги,
Только к нам не спеши — подожди.

Навещайте в тот благостный день,
Не как раньше, – избенку, плетень,
А как нынче, – оградку меж плит,
Где бабуля под холмиком спит.

Делай это, сынок, не спеша,
Чтоб прониклась живая душа.
Вот сама-то схожу к ним и то...
Сердцу станет покойно, светло.

Я тебе не могу объяснить
Мыслей предков заветную нить:
Пред дорогой наведавших мать,
Ждет в пути и в делах благодать.

Чтобы чувствовал каждый и знал –
Никакой это не ритуал:
Наши души хранит отродясь,
С отчим домом духовная связь.

Если будет писаться, пиши:
Все от Бога... Строкой не греши.
Только всеу за стих не садись,
Прежде в «красном углу» помолись.

Живи и помни, живи и помни –
Как голос предков – звон колокольной...
И ты исполни – завет исполни:
Живи и помни, живи и помни!

Эстафета жизни

Сыну Игорю

Устав вращать ногами шар земной,
Смотрю вперед: «Да где ты там,
Наследник?!
Я, кажется, на финишной прямой,
И мне остались эти сто последних...»

И я шепчу: «Мотор, не подведи!
Давай, родной, покрутим,
Здесь – немного...
Я знаю, тебе тесно там, в груди,
И за плечами – дальняя дорога».

А был неукротим и легок старт,
Словно в игре веселой мчались годы,
И в них хватало нам козырных карт:
Везло! Плохих не брали из колоды...

Так нам казалось. Но какой обман
В коварном времени
Судьбой был скрыт, однако!
Рассеялся надежд моих туман,
И вот уже последний козырь на кон.

Но мы уже на финишной, и нас
Вот-вот легко заменит наш наследник –
Его этап! И пусть покажет класс.
Давай, родной, покрутим из последних».

Чтобы достойно к финишу прийти
По совести и по завету предков,
Я эстафету передам как древко,
Как талисман счастливого пути.

Сынок, ты слышишь этот мой сигнал?
Мы – в «коридоре», начинай движение,
А я, как мог, свое почти сыграл.
В тебе – мое земное продолжение.

***Страницы
школьного
учителя***

Нина Хоменко

Избранница поэта

(Литературно-художественная композиция для учащихся 9–11 классов)

Чистейшей прелести чистейший образец.

А.Пушкин

Н.Н.Пушкина. Художник Гау

Учитель:

*Мне дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру любя.*

А. Пушкин

Трудно найти не только в русской, но и во всей мировой истории женщину, которая оставила бы такой неизгладимый след в людской памяти, которая вызывала бы столь противоречивые толки, яростные споры.

Слишком много у неё было обвинителей и почти не было защитников.

С этой женщиной связана жизнь и гибель величайшего гения России – А.С. Пушкина.

И чтобы понять, что произошло, надо любить. Любить большой человеческой любовью не только самого Пушкина, но и его многострадальную жену.

Думала ли она, знала ли она, какая судьба её ожидает, когда молоденькой барышней вышла замуж за бессмертие, на которое с этой минуты венчания была обречена.

Простая русская женщина, жена гения, за честь которой он дрался на дуэли, после этого величайшего по своему трагизму события волею судеб стала личностью исторической, хотя до сих пор, как это ни парадоксально, подавляющее большинство людей личности-то как раз в ней и не видели.

«Было в ней одно: красавица. Только – красавица, просто – красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, как меч. И – сразила».

Эти слова принадлежат Марине Цветаевой, которая так самозабвенно любила Пушкина, что не могла его отдать ни одной женщине на свете, даже его законной жене.

Но не только Марина Цветаева была к ней несправедлива.

Зависть светских красавиц, которых затмила своей красотой Наталья Пушкина, ненависть врагов поэта, желавших очернить личную жизнь гения, любовь к Пушкину его почитателей, считавших, подобно Марине Цветаевой, что у Пушкина должна быть какая-то другая, только им (а не ему) ведомая жена.

Зависть к ней, ненависть к ней, обожание его – эти порой самые противоположные людские чувства приводили к одному – несправедливости к ней.

Именно браку с великим поэтом Наталья Николаевна обязана тем, что имя этой хорошей, но ничем не выдающейся, кроме своей замечательной красоты, женщины повторяется на все лады вот уже третье столетие.

Нас продолжает волновать вопрос о том, каков был подлинный духовный облик этой женщины, так горячо любимой Пушкиным.

Сведений о детстве и юности Натальи Николаевны очень мало. Сохранился лишь единственный портрет 8-летней Таши Гончаровой, на вид умной, задумчивой и несколько грустной девочки.

Ведущий 1. (Звучит музыка Листа «Грёзы любви»)

Давайте перелистаем самые прекрасные и самые трагические страницы из жизни А. С. Пушкина.

Те увлечения, те порывы страстей, которые волновали его раньше, не были ещё той любовью, тем всеобъемлющим чувством, которое захватило его теперь.

Бурно прожитая молодость прошла, настала пора зрелости. Жажда семейного счастья, стремление любить и быть любимым владели им в эти годы.

«Когда я увидел её в первый раз, я полюбил её, голова у меня кружилась», – писал поэт.

Уже в конце апреля 1829 года Пушкин сделал предложение. Ответ матери неопределенный: дочь ещё слишком молода. Но Пушкин не впал в отчаяние. 1 мая 1829 года он писал матери Натали – Наталье Ивановне Гончаровой:

«На коленях, проливая слезы благодарности, должен был бы писать вам теперь... Это ответ – не отказ, вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности. если я всё ещё ропису. Но извините нетерпение сердца больного и опыненного счастьем. Я сейчас уезжаю и в глубине души увожу образ небесного существа, обязанного вам жизнью».

Мучаясь ожиданием ответа, Пушкин уехал на Кавказ. И только в конце сентября возвратился в Москву, затем в Петербург.

Вдруг он неожиданно получил через знакомых привет от Гончаровых. Увидев в этом скрытое приглашение вернуться, поэт, как на крыльях, полетел в Москву.

6 апреля 1830 он сделал предложение вторично, и на этот раз оно было принято.

«Участь моя решена. Я женюсь... Та, которую любил целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством – боже мой – она... почти моя. Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей...».

Чтец (Звучит музыка Г.Свиридова «Вальс»)

Бал

*Загадочно свечи мерцали,
Скользил под ногами паркет.
Был бал. И они танцевали
Любимый её менуэт.
Воздушное белое платье
Касалось его сюртука,
Влюблённым и рукопожатья
Достаточно было пока.
Фамильная брошь золотая
Да тонкий алмазный браслет
Летала невинность святая
За гением пылким вослед.
Была она так грациозна,
Так прелести юной полна,
Что дам, пожилых и серьёзных,
И тех покорила она.
Кружилась она и не знала,
Что будет с ним рядом века,
Богиня столичного бала
В изящных своих башмаках.*

Весёлая музыка снова
Пьянила её, как вино,
Она лишь пока Гончарова,
Ей Пушкиной стать суждено.
Качались у вееров перья.
Звон шпор, мишура эполет.
И девушки в платьях вечерних
Ревниво смотрели в лорнет.

Л. Федотов

Чтец

Она была редкостной красавицей. В юности застенчивость и даже робость придавали ей особое очарование. Знакомая Гончаровых Н.М. Еропкина вспоминает:

«Сильная, ловкая, она необыкновенно сложена, отчего и каждое ее движение было преисполнено грации... Глаза добрые, веселые, с подзадоривающим огоньком из-под длинных бархатистых ресниц... Очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении помимо ее воли покоряли всех».

Мадонна

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков

.....

«Пушкин был обвенчан с Гончаровой в церкви Большого Вознесения. День его рождения был тоже в самый праздник Вознесения Господня. Обстоятельство это он не приписывал одной случайности. Важнейшие события его жизни, по собственному его признанию, все совпадали с днём Вознесения».

П.В. Анненков

Ведущий 2

18 февраля 1831 года – свадьба. Венчались Пушкин и Гончарова в церкви Старого Вознесения у Никитских ворот.

В ту пору известная всему свету Долли Фикельмон, внучка Кутузова и жена австрийского посланника, имела славу предсказательницы. И после первого приёма, сделанного семьёй Пушкиных, записала в своём дневнике:

«Жена его, Пушкина, прекрасное создание, но это меланхоличное и тихое выражение лица похоже на предчувствие несчастья. Лица мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем.. У Пушкина видны все порывы страстей, у жены – вся меланхолия отречения от себя...Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всём её облике. Эта женщина не будет счастлива. Но какую же трудную ей предстоит нести судьбу – быть женой поэта, и такого поэта, как Пушкин».

Наталья Николаевна поняла, что муж её совсем не такой, как другие. Приготовилась к своей трудной судьбе: «быть женой поэта, и такого поэта, как Пушкин». Сердцем поняла она его большую любовь к ней, которая проявлялась не всегда так, как у других.

С утра Александр Сергеевич писал, закрывшись в кабинете, и с первых дней Наталья Николаевна поняла, что в эти священные для него минуты тревожить его нельзя. Она создавала в доме полную тишину, привыкала вести хозяйство, вышивала, читала книги и потихоньку от мужа писала стихи, которые потом, когда он уезжал, посылала ему в письмах. Пушкин не оценил её стихов и в одном из своих писем с присущим ему юмором попросил свою жену писать не стихами, а прозою.

Ведущий 1

Деятнадцатилетняя Наталья Пушкина после вчерашней свадьбы проснулась, и глаза ее встретились с его восторженными глазами. Он стоял на коленях возле кровати все в том же костюме, что был в церкви.

«Очевидно, так он простоял всю ночь», – подумала она, и ее охватило волнующее недоумение.

Художник Е. Устинов

— Моя мадонна! — шепотом сказал он, складывая руки, как перед иконой.

Родные и друзья чувствовали, что брак этот счастливый.

«Четвертого дни воспользовался снятием карантина в Царском Селе, чтобы повидаться с Ташей, — писал 24 сентября 1831 года Дмитрий Николаевич Гончаров деду Афанасию Николаевичу. — Я видел также Александра Сергеевича; между ними царствует большая дружба и согласие; Таша обожает своего мужа, который также любит ее; дай бог, чтоб

их блаженство впрямь не нарушалось».

«А женка Пушкина очень милое творение. Лучшие не скажешь, — писал Жуковский князю Вяземскому и А.И. Тургеневу, — и он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше».

«... Я уверен, что ты, несмотря на все ужасные перевороты, которые тебя окружают, еще никогда не был так счастлив и покоен, как теперь», — писал Пушкину Нащокин 15 июля 1831 года.

«... Моя невестка совершенно очаровательна, мила, красива, умна и вместе с тем очень добродушна», — пишет сестра Пушкина Ольга Сергеевна Павлицева.

Ведущий 2

Тихим октябрьским вечером Пушкин попросил художника Александра Павловича Брюллова нарисовать портрет своей молодой жены Натальи Николаевны.

Кто же она, эта женщина, которой выпало счастье и одновременно испытание быть любимой такого человека?

О ней говорили разное в веке прошедшем и в веке нынешнем. Кто-то завидовал, кто-то славословил, кто-то пытался очернить её. А Пушкин как будто чувствовал, что его счастье не может быть длительным, поэтому Брюллов и рисовал этот портрет, запечатлевая образ прекрасной женщины для потомков.

Спокойное лицо с тонкими чертами, кроткий взгляд, нежность в каждом движении. А платье Натали надела то, в котором Александр Сергеевич её впервые увидел и полюбил. Это был самый счастливый день в их жизни.

С тех пор, как Пушкин шагнул навстречу Натали, для него не было ничего прекрасней и дороже её. Он понял, что это прелестное создание составит его счастье.

*Я думал: сердце позабыло
Способность лёгкую страдать.
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! Уж не бывать!
Прошли восторги и печали,
И легковерные мечты...
Но сердце вновь затрепетало
Пред мощной властью красоты.*

В середине мая 1832 года молодожёны поселились на даче в Царском Селе, где Пушкин рассчитывал жить потихоньку, «без тёщи, без экипажа; следственно – без больших расходов и сплетен».

Однако вскоре в Царское Село прибыл двор. Мать Пушкина писала о последствиях этого события:

«Император и императрица встретили Наташу с Александром, они остановились поговорить с ними, и императрица сказала Наташе, что она очень рада с нею познакомиться и тысячу других милых и любезных вещей. И вот она теперь принуждена, совсем того не желая, появляться при дворе».

Ведущий 1

*«Я женат – и счастлив, одно желание мое,
чтобы в жизни моей не изменилось –
лучшего не дождусь. Это состояние для меня
так ново, что, кажется, я переродился», –*

писал поэт Плетнёву.

Первое время жизнь Александра Сергеевича и Натальи казалась безоблачной. Брюллов рисовал портрет счастливой жены. И всё это происходило в Царском Селе, куда переехала молодая семья после свадьбы.

Там же находился и императорский двор. Пушкин считал, что его жена-прелесть, любил душу её больше красиво-го лица.

Шел уже четвёртый год с тех пор, как поэт женился. И годы эти его все более убеждали, что он сделал счастливый шаг к перемене своего положения, превратившись из холостяка в любящего мужа.

«Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание».

Несмотря на долги, вынужденные разлуки, непризнание в обществе Пушкин был счастлив.

«Я ни за что на свете не допущу, чтобы жена моя терпела лишения, чтобы она не являлась там, где ей предназначено блистать, веселиться».

Она вправе требовать этого. Чтобы сделать ей угодное, я готов пожертвовать всеми моими вкусами, страстями, всею моею жизнью, вполне свободною и прихотливою».

(Из дневниковой записи А. С. Пушкина.)

Наталье Николаевне посвящено несколько пушкинских стихотворений: «Когда в объятия мои...», «Мадонна», «Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит».

Счастье поэта приросло детьми. За 6 лет жена принесла четырех детей.

Эта семья была счастлива и после 6 лет брака.

Ближайшему человеку П. В. Нащокину он пишет через 5 лет:

«Моё семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать и старости нечего бояться.

Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на жизнь, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились».

Ведущий 2

Наталя Николаевна была красивейшей женщиной в императорской столице, Санкт-Петербурге, это бесспорно. Она все умела: была первоклассной шахматисткой, писала стихи, рисовала, владела искусством литографии, хорошо вышивала и вязала кружева, была прекрасной наездницей.... Все в ней было «грация и диво». Но, помимо этого, она была человек глубоководный, человек домашнего склада.

Молодую девушку, еще вчера ребенка, – Наташу Гончарову – Пушкин сделал своей женой. И пути её жизни складывал Пушкин, взвалив на неё быт дома своего. С детьми занималась только Наталья Николаевна – поэт был все время в разъездах. Дети часто болели и чем только не болели! А традиционной бабушки в семье Пушкиных не было. Были прислуги – няньки, да и те пьяницы, которых Александр Сергеевич не раз требовал гнать в три шеи. Она сама учила детей речи, молитвам, обрядам... Пушкину всегда хотелось, чтобы жена оставалась мадонной – и все. Но ведь у мадонны всего-навсего одно дитё, а у пушкинской – целый детский сад! Чтобы прожить с таким мужем пять лет, родить и растить четырех детей, нужно быть женщиной-героем!

По натуре Наталья Николаевна была домоседкой. Пушкин сам добивался того, чтобы её чаще видели в свете, завидовали ее красоте. Он воспевал ее в стихах, требовал, чтобы художники ее запечатлевали в своих шедеврах. Он гордился ею. Он добивался ее дворцового явления и сам вверх в великосветскую суету, поселившись вместе с красавицей женой рядом с царским дворцом в Царском Селе, хоть это было не по карману. Все это нельзя ставить в вину Пушкину. Но нельзя и забывать об этом.

Ведущий 1

Пушкин был очень привязан к жене. Письма его к ней полны заботливости, сдержанной нежности, восхищения:

«Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете – а душу твою люблю еще более твоего лица».

В письмах к Наталье Николаевне Пушкин все время подчеркивал ее здравый смысл, доброту, милый, простой, аристократический тон.

Из штрихов, разбросанных им в письмах к жене, можно составить точные контуры ее характера: деловую сметку и энергию Натальи Николаевны поэт приметил чуть не сразу:

«Ты, мне кажется, воюешь без меня дома, сменяешь людей, ломаешь кареты, сверяешь счета...

Ай-да хват-баба! Что хорошо, то хорошо», – писал поэт жене из Москвы в октябре 1832 года.

Обычный тон его писем жене – задушевный, трогательно-заботливый, нежный.

Несомненно, что она была ему самым близким человеком, другом, которому он мог поверять все заботы, сомнения, опасения.

«Ты сердишься на меня то за краткость моих писем, то за холодный слог, то за то, что я к тебе не еду... письмо твое меня огорчило, а между тем и порадовало; если ты поплакала, не получив от меня письма, стало быть, ты меня еще любишь, жёнка».

В сравнительно короткий период совместной жизни (6 лет) Пушкин несколько раз покидал Петербург и наибольшее количество писем (64) было написано жене.

«Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив».

«Пушкина называли ревнивым мужем. Я этого не замечала. Знаю, что любовь его к жене была безгранична. Наталья Николаевна была его богом, которому он поклонялся, которому верил всем сердцем, и я убеждена, что он никогда даже мыслью, даже намеком на какое-либо подозрение не

допускал оскорбить ее. Надо было видеть радость и счастье поэта, когда он получал письма от жены. Он весь сиял и осыпал их поцелуями. В одном ее письме каким-то образом оказалась булавка, присутствие её удивило Пушкина, и он воткнул эту булавку в отворот своего сюртука. В последние годы клевета и стесненность в средствах омрачили семейную жизнь поэта, однако мы в Москве видели его всегда неизменно веселым, как в прежние годы, никогда не допускавшим никакой дурной мысли о своей жене. Он боготворил ее по-прежнему».

В.А. Нащокина

Чтец

«Красивой наружности, ловкий, весёлый и забавный, болтливый, как все французы, Дантес был везде принят дружески, понравился даже Пушкину...

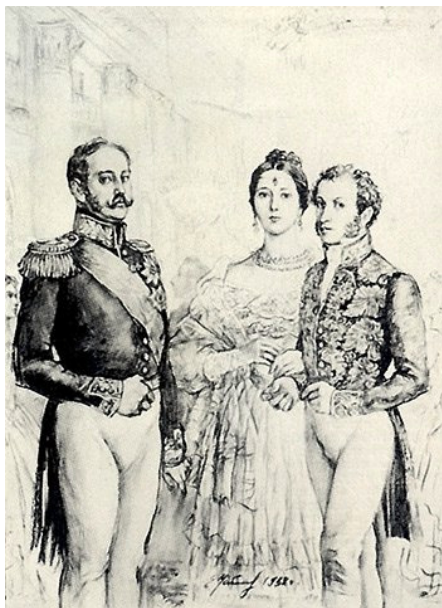
Скоро он страстно влюбился в госпожу Пушкину. Наталья Николаевна, быть может, немного тронутая новым обожанием, невзирая на то, что искренне любила своего мужа, до такой степени, что даже была очень ревнива, или из неосторожного кокетства, казалось, принимала флюрт Дантеса с удовольствием. Муж это заметил, было домашнее объяснение; но дамы легко забывают на балах данное обещание супругам, и Наталья Николаевна снова принимала приглашения Дантеса на долгие танцы, что заставляло её мужа хмурить брови».

Н.М. Смирнов. «Из памятных записок»

Ведущий 2

Александр Сергеевич чувствовал себя счастливым, но вскоре жизнь осложнилась. Все сильнее сжималось кольцо светской вражды, все более ужесточался контроль со стороны царя и Третьего отделения.

А тогда ещё... Прекрасная Натали дарила нежные и добрые улыбки. А вместе с тем уже близка была развязка. Все оборачивалось против Пушкина, все толкало его к гибели: ненависть светского общества, чрезмерное внимание царя

Художник Е. Устинов

Николая к красоте Натали, наглые ухаживания Дантеса, подлость и грязь...

«Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам.) Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове», – записывал Пушкин в своем дневнике 1 января 1834 года.

Дело было не только в возрасте, Пушкин был прославленным русским поэтом. Но царю и светской «черни» было это не важно.

В свете Наталья Николаевна имела большой успех. Пушкин поневоле должен был вести рассеянную жизнь светского человека, сопровождать жену на балы. Это раздражало поэта, отнимало время.

...Жизнь моя в Петербурге ни то ни сё. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга вольной холостой жизни, необходимой для писателя. «Кружусь в свете, жена моя в большой моде – все это требует денег, деньги даются мне через труды, а труды требуют уединения».

Пушкин – Нащокину

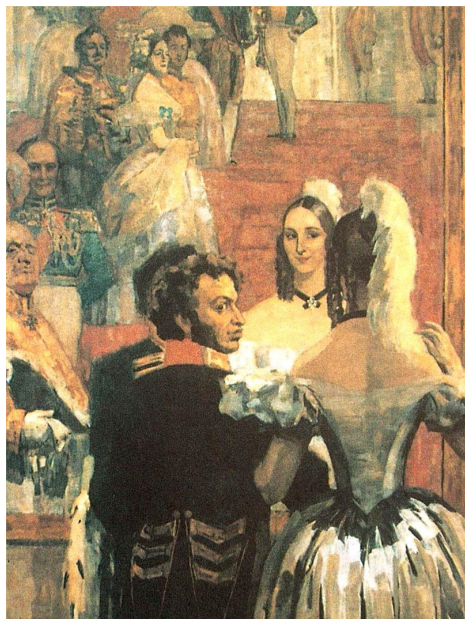
«Жена Пушкина, безвинная вполне, имела неосторожность обо всем сообщать мужу и только бесила его.

Раз они возвращались из театра. Старик Геккерен, идя позади, шепнул ей, когда же она склонится на мольбы его сына? Наталья Николаевна побледнела, задрожала. Пушкин смутился, на его вопрос она ему передала слова, её по-

развишие. На другой же день он написал к Геккерену свое резкое и дерзкое письмо».

А.И. Васильчикова по записи Бартеньева.

Ведущий 1

Художник Н. Ульянов «Пушкин с женой на придворном балу»

Художник Н. Ульянов показывает одиночество Пушкина в светском обществе. Он делит всех изображенных на две неравных группы. Пушкин дан как живое лицо, остальные – как отражение в зеркале. Все, что в зеркале, – это «свет». Наталья Николаевна, по мысли художника, тоже принадлежит к свету.

В изображенной сцене мы видим, как, остановившись у зеркала, Наталья Николаевна поправляет прическу. Зеркало отражает недоброжелательные любопытные взгляды за спиной поэта. Светскую знать занимает эта пара.

«Вулкан и Венера» – говорили о них, сравнивая его с безобразным богом подземного царства, её – с богиней красоты.

Тягостна, невыносима для поэта обязанность посещать Аничков дворец, художник нарочно заостряет контраст между Пушкиным и красавицей-женой, увеличивает разницу в росте, усиливает желтизну его лица, углубляет складки в уголках рта.

Интересно, что Ульянова не занимает задача дать портретное сходство: исключение – Пушкин. Остальное все –

приблизительно. Одно лицо похоже на Бенкендорфа, другое – на Дантеса.

Образ Натальи Николаевны не соответствует ни её портретам, ни описаниям современников.

Биографический факт – Пушкин на придворном балу – превращается в образ большой обобщенной силы – Пушкин и высший свет.

В письме к брату Дмитрию Гончарову видна вовсе не легкомысленная красавица, озабоченная лишь развлечениями, а заботливая, сердечная, участливая и обеспокоенная положением мужа верная жена – настоящий и преданный друг.

«Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию; для того чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна... Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение...»

Это было написано в июле 1836 года на шестом году их брака, когда у них было четверо детей, а жить Пушкину оставалось полгода...

Ведущий 2

Блистание на балах, полонезы с царем, живые картины, в которых особенно выделялась поразительная красота «поэтши Пушкиной», заставляли говорить о ней весь великосветский Петербург – русский и иностранный. Всё это бывало – бывало, многочасовое порой увлечение танцами совсем молодой прекрасной женщины, бывало желание блеснуть своей отличной кавалерийской посадкой смелой наездницы и ловкостью в преодолении нелегких барьеров – все это было и осталось в воспоминаниях многих свидетелей. Но бывало и другое, постепенно исчезающее из памяти совре-

менников, – несомненная доброта, заботливость к людям, и близким, и чужим, страстная любовь к детям, привязанность к мужу и постоянное внимание к его литературным делам, её неизменная скромность и прямотуше – словом, совокупность качеств, которые делают трогательно привлекательным образ жены и вдовы поэта.

Но не следует чересчур идеализировать жену Пушкина, делать из неё чуть ли не ангела. А она таковой не была, она была, как и её великий муж, живым человеком, были у неё свои недостатки и свои достоинства.

Эта житейски умная, добрая и привлекательная женщина, к несчастью её самой, несчастью России и всего любящего литературу мира, совершила трагическую ошибку. Увлёкшись кавалергардом Дантесом и согласившись на роковое свидание, она не имела права не понимать, к каким последствиям оно может привести при столь крайне напряженных и непримиримых отношениях её мужа и её поклонника.

В письме к своей воспитательнице Наталья Николаевна позднее напишет:

«Я не перестала строго допытывать свою совесть, и единственный поступок, в котором она меня уличает, это согласие на роковое свидание, свидание за которое муж заплатил своей кровью, а я – счастьем и покоем всей моей жизни. Бог свидетель, что оно было столько же кратко, сколько невинно».

Н.Раевский. «Портреты заговорили»

Чтец

Сломить дух Пушкина, согнуть его волю. перестроить непреклонную лиру враги не смогли. И тогда они нанесли смертельный удар «по душе поэта» – его домашнему очагу, его семейному счастью.

Всё при дворе заранее готово –
Дворцовый карнавал и хоровод.
На талию Натальи Гончаровой
Царь длань свою державную кладёт.

Она в перчатку белую одета,
Рука её спокойна и ловка.
И вспыхивают быстрые лорнеты,
За Пушкиным следя издалека.
И тают где-то мысленно улыбки,
Подкручены посольские усы,
Лишь там, на хорах, вздрагивают скрипки
И охают встревоженно басы.
А царь, танцуя, шепчет что-то в ушко.
Ловящее монарший каламбур,
И, оживившись, шелестят старушки:
«Как, вы не слышали? Бонжур!
Каков Дантес!
Ну, что ж, отменный выбор,
Да, юноше, признаться, вкус знаком!
Хорош игрок, да, кажется, он выбыл?
Напротив, козырным тузом!
Что Пушкин?
Что ответил?
Как он смеет!
Как может сей предерзостный язык!
Стихи писать изрядно он умеет,
Да почитать монархов не привык.
А во дворце музыка до рассвета,
И до утра шлифует царь паркет.
Державные мерцают эполеты
Свет крови ждёт.
Вполне доволен свет.

Чтец

Белый задумчивый снег,
Снег января, не торопясь,
Падает на Петербург
Город красив во сне.
Сани летят вдоль Невы.
Мимо дворцов, вдоль площадей,
Черной крылаткой покрыт,

Пушкин спешит на дуэль...
Натали, Натали,
Как вас любил поэт,
Тысячи строк посвятил
Вашей любви, Натали.
Стали вы песней любви,
Как же других простить,
Вас не простив, Натали...
Вышел к барьеру поэт.
И защитил честь и любовь.
Черной крылаткой покрыт,
Двигается он вдоль берегов.
Натали, Натали.
Как вы могли тогда,
Не отвести от него
Руку врага, Натали,
Натали, Натали,
Что вам Дантес или царь,
Пушкин упал на снег
Падает год, падает век,
Звуки волнующих строк.
В сердце моем не замолчат.
Натали, Натали.
Как вас любил поэт,
Тысячи строк посвятил,
Вашей любви, Натали,
Натали, Натали.
Стали вы песней любви,
Чистой звездой любви,
Музой его, Натали...

Чтец

Наталья Пушкина

Как девочка,
 тонка,
 бледна,
Едва достигнув совершеннолетия,

В день свадьбы
 знала ли она,
Что вышла замуж
 за бессмертие?
Что сохранится на века
Там,
 за супружеским порогом,
Всё то,
 к чему её рука
В быту
Коснётся
 ненароком.
И даже строки письмаца,
Что он писал,
 о ней вздыхая,
Похитит
 из её ларца
Вдова другая.
Одна
 на все его слова
Теперь имеющая право.
И перед этою вдовой
Ей,
 Натали,
 Наташе,
 Таше,
Нет оправдания
 живой,
Нет оправданья
 мертвой даже.
За то,
 что рок смертельный был,
Был рок
 родиться ей красивой...
А он
 такой
 её любил,

Домашней,
 доброй,
 нешумливой.
Поэзия и красота –
Естественней союза нету,
Но как ты ненавистна свету,
Гармония живая та!
Одно мерило всех мерил,
Что
 он
 ей верил,
Верил свято
И перед смертью говорил, –
Она ни в чем не виновата.
 Н. Доризо.

Ведущий 1

Данзас, секундант Пушкина на дуэли с Дантесом вспоминал:

«Пушкин стрелялся с Дантесом. Рана поэта оказалась смертельной. Умирая, Александр Сергеевич испытывал величайшие муки. Но, несмотря на это, думал о других и прежде всего – о семье. Он отдал мне последние распоряжения. Простился с ближайшими и нашел в себе силы сказать слова утешенья Наталье Николаевне».

29 января 1837 года поэта не стало.

Смерть Пушкина потрясла Наталью Николаевну.

Вот что писала С. Н. Карамзина:

«В субботу вечером я видела несчастную Наталью, не могу передать, какое раздирающее душу впечатление она на меня произвела: настоящий призрак... она плохо спит по ночам, пронзительными криками зовет Пушкина...»

Через 10 дней после похорон она уехала в родовое имение Гончаровых Полотняный Завод, где прожила безвыездно 2 года. В год гибели поэта ей было 24 года, она была матерью 4-х детей.

Через 7 лет после гибели Пушкина Наталья Николаевна вышла замуж за генерала Петра Петровича Ланского.

Наталья Николаевна любила Ланского, но это уже была другая любовь, чем её любовь к Пушкину, – прежде всего основанная на благодарности к человеку, хорошо относившемуся к её детям от первого брака и давшему ей душевный покой, в котором она так нуждалась.

«Благодарю тебя за заботы и любовь, – пишет она. – Целой жизни, полной преданности и любви, не хватило бы, чтобы их оплатить. В самом деле, когда я иногда подумаю о том тяжёлом бремени, что я принесла тебе в приданое и что я никогда не слышала от тебя не только жалобы, но что ты хочешь в этом найти ещё и счастье, – моя благодарность за такое самоотвержение ещё больше возрастает, я могу только тобой восхищаться и тебя благословлять».

Ланской любил Наталью Николаевну глубоко и преданно. Он гордился и восхищался красотой своей жены и, по словам Натальи Николаевны, «окружал себя её портретами». Наталья Николаевна считала, что красота «от бога» и никакой её заслуги в этом нет.

В своих письмах она почти не упоминает о Пушкине. Не будем упрекать её в этом. Ланской, по-видимому, ревновал её к первому мужу, и, как женщина в высшей степени деликатная, она щадит его чувства и даже старается убедить его, что ничто прошлое не может повлиять на её отношение к нему. Но Наталья Николаевна не скрывала от Ланского, что память о Пушкине ей дорога, и он в свою очередь лояльно относился к её постам по пятницам (день смерти Пушкина) и к уединению и молитвам в горестные траурные дни. Страстная, необыкновенная любовь Натальи Николаевны к детям Пушкина, каждый из которых был чем-то похож на отца, также говорит нам о многом...

У нее было 7 детей: четверо Пушкиных и три дочери Ланского.

В последние годы жизни она всегда была грустна, одета в черное с белыми воротничками и манжетами платье, на голове – чёрная косынка.

Пушкин, образы первой молодости остались в памяти Натальи Николаевны навсегда. 4 августа 1849 года она писала второму мужу:

«Я слишком много страдала и вполне искупила ошибки, которые могла совершить в молодости».

Скончалась Наталья Николаевна 26 ноября 1863 года, прожив 51 год. Дети похоронили ее на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

На ее могиле – памятник со скромной надписью: «Наталья Николаевна Ланская».

На кладбище могильная плита:

«Наталья Николаевна Ланская»

Нет, Пушкина.

Она навек с ним юной обвенчалась.

Не важно, чьей женой была потом,

Она женою Пушкина осталась.

Его детей заботливая мать,

Она о нем хранила вечно память.

Заключение

Учитель

Несмотря на то, что о Наталье Николаевне говорили разное: кто восхищался, кто злословил и ненавидел, кто пытался её очернить, кто возвысить, нужно помнить одно: для Александра Сергеевича она была «ангел», «мадонна», «чистейшей прелести чистейший образец». И это главное. Об этом забывать нельзя.

В данной работе использованы иллюстрации с картин Е. Устинова.

Евгений Алексеевич Устинов – заслуженный художник России. Его вполне можно назвать художником одной темы. Но какой! «А.С.Пушкин – жизнь поэта» – так назвал он огромный цикл своих работ, созданных за несколько десятилетий. Конца ему не предвидится, ибо Пушкин – «наше всё».

Родился Е. Устинов в Москве в 1928 году, в годы войны окончил художественно-промышленное училище имени Каплицина, потом Суриковский институт.

А. Пушкиным увлечён с раннего детства, с того самого дня, как услышал волшебные сказки поэта.

А. Пушкин у художника разный: светлый и гневный, романтический и уязвлённый, ребячливый и мудрый... Но в каждой работе есть то, что сам поэт ценил превыше всего: отсвет бессмертной человеческой души.

Список литературы

1. *Г. Волков*. Мир Пушкина. (Личность, мировоззрение, окружение). – М.: Молодая гвардия, 1989.

2. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников.

3. Письма А.С. Пушкина. Собрание сочинений в 10 томах. – М.: Художественная литература, 1976.

4. Стихи поэтов 19–20 вв. об А.С.Пушкине.

5. Журналы «Литература в школе».

6. *Н.А. Раевский*. Портреты заговорили. – Алма-Ата, 1976.

7. Сборник «Очей очарованье». Горький: Волго-Вятское издательство, 1987.

8. *Н. Доризо*. России первая любовь. Мой Пушкин. – М.: Современник, 1986.

9. *И. Ободовская И. Дементьев*. Наталья Николаевна Пушкина. – М.: Издательство «Советская Россия», 1985.

Галина Лазарчук

Музей А. С. Пушкина в городе Новосибирске

«...Любовью к вам несусь из тёмной дали...»

А. С. Пушкин

В 2006 году в музее Новосибирского городского педагогического лицея был открыт Пушкинский зал и развёрнута экспозиция: «Он победил и время, и пространство».

Сегодня нам известен едва ли не каждый день пушкинской жизни, а иные дни наши литературоведы «помнят» даже по часам. При всём том, что все мы одинаково любим и чтим Пушкина, он воспринимается каждым из нас в отдельности по-разному. Фраза «Мой Пушкин», известная своей традиционностью во времени, поистине глубока, индивидуальна и личностна для каждого лицеиста и педагога, вложившего труд в создание нашего музея. В этом зале – **Любовь – Память** к великому русскому поэту, стремление прикоснуться к теме слишком дорогой и заветной...

Основателем Пушкинского музея и автором уникальной музейной экспозиции была Тамара Ивановна Малкова, учитель русского языка и литературы НГПЛ. Большую помощь в организации этого поистине святого дела оказали Новосибирское региональное Пушкинское общество (О.П. Кузьменков и В.Е. Крыжановский) и сотрудники Музея А.С. Пушкина на Мойке в Санкт-Петербурге.

Собраны редкие экспонаты: рисунки, выполненные старейшим художником-иллюстратором произведений А.С. Пушкина Е.А. Устиновым; предметы обихода 19 века; театральные программки с автографами артистов Москвы и Санкт-Петербурга, исполнявших роли персонажей произведений поэта; подарки праправнучки Александра Сергееви-

ча, Ю. Пушкиной; пушкинские автографы и рисунки, копии рукописей, редкие портреты, гобелены с видами Санкт-Петербурга; коллекция значков, монет, несколько бюстов Пушкина, переданных в дар музею; портреты его друзей и недругов, земля с могилы поэта, копия посмертной маски, дульные пистолеты и многое другое. Они повествуют о жизни А.С. Пушкина, яркой, праздничной, драматичной и трагичной одновременно.

Небольшое, но уютное помещение, стилизованное под светскую гостиную 19 века. Камин, окошко, мраморный уют, перчатки бальные и платье, хрустальная люстра, старинное кружево, старинные картины – всё это настраивает внимание посетителей, оказывающихся во власти всемогущего времени, способного хранить самое ценное в жизни человеческой, а значит, нетленное...

Мир нашего Пушкинского зала наполнен добром и любовью, каждая оформленная витрина согрета теплом человеческих рук и сердец. Здесь в предметном мире, в фотографиях и документах представлены все периоды жизни А.С. Пушкина: годы детства, лицейской и петербургской юности, романтический юг и опальное Михайловское, некоторые материалы, обогащающие сложную, во многом загадочную тему: «Пушкин и декабристы», последнее десятилетие жизни и творчества, история преддуэльных дней и гибели поэта.

Силами совета музея ведётся большая просветительская работа, обогащающая, развивающая, воспитывающая. Создана и подготовлена группа экскурсоводов, способная работать мобильно и творчески. Проводятся обзорные, тематические и театрализованные экскурсии, поэтические и музыкальные гостиные, конкурсы чтецов, готовится к выпуску сборник творческих работ лицеистов: **«Звук лиры скромной, благородной...»**

Изобразительная Пушкиниана

Александр Далин Маргарита Иванова

Образ незабвенный

В буквально безграничной Пушкиниане, представленной несколькими тысячами иллюстрированных открыток, особое место занимают издания, сюжеты которых связаны с семейной жизнью поэта (с 18 февраля 1831 до 29 января 1837) – с Натальей Николаевной, с их детьми. Это иконографические материалы и виды мемориальных мест, жилые интерьеры, изображения предметов быта, различного рода памятники. Данная публикация представляет краткий обзор лишь одной стороны этой обширной темы – портретные изображения Н.Н. Пушкиной, воспроизведенные на иллюстрированных открытках.

Первые такие открытки были изданы в Москве в связи с подготовкой к празднованию 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина (1899). Кстати, филокартическая Пушкиниана 1899 года – феноменальное явление в истории отечественной культуры, которое заслуживает отдельного предметного изучения.

Фототипия «Шерер, Набгольц и К^о», работавшая в Москве, известна как издатель иллюстрированных открыток. Именно это издательство выпустило в 1899 году пушкинскую юбилейную серию из 12 почтовых миниатюр, на двух из которых изображены парные портреты четы Пушкиных. На одной из них в овалах показаны портреты – поэта (с акварели П.Ф. Соколова, 1836) и Н.Н. Пушкиной (с акварели А.П. Брюллова, 1831–1832; центральный фрагмент), на другой в прямоугольных рамках – поэта (с гравюры Т. Райта, 1837) и Н.Н. Пушкиной (с акварели В.И. Гау, 1842–1843; фрагмент). Открытки (обе горизонтальные) оформлены в сувенирном

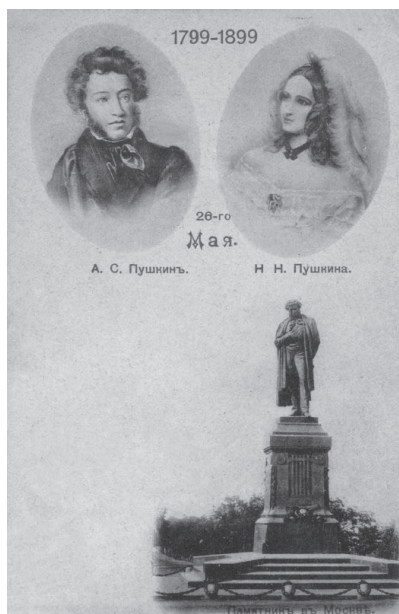
стиле с использованием юбилейной символики и различных декоративных элементов (ил. 1 и 2). Известна еще одна открытка, выпущенная этим же издательством, но вне указанной серии. Она повторяет первый сюжет, но выстроена вертикально. Возможно, это была проба.

Ил.1

Ил.2

Ил.3

В том же 1899 г. юбилейную открытку с изображением парного портрета поэта и его жены, а также московского памятника А.С. Пушкину выпустило московское издательство «Т.Д. Яррес и Шмерлинг» (ил. 3). Для изображения Натальи Николаевны был избран тот же портрет работы В.И. Гау, что и для предыдущей открытки (фрагмент несколько больший), но перерисовка для клише выполнена грубо, с искажением черт лица и деталей туалета. Встретившаяся открытка прошла почти из Москвы в Ригу в декабре 1899 г. Других открыток доре-

Ил.4

Ил.5

волюционных изданий с изображением Н.Н. Пушкиной нам встретить пока не удалось.

Издание пушкинских открыток в советское время началось лишь с 1937 г., когда широко отмечалась памятная, возведенная политическим руководством страны в ранг «юбилея», столетняя годовщина со дня гибели поэта. В тематическом наборе Гослитмузея «Пушкин и его друзья» [1] впервые на открытках появилось полноцветное изображение акварели В.И. Гау, ранее воспроизводившееся лишь фрагментами (ил. 4), и, также впервые, портрет Н.Н. Пушкиной с акварели Т. Райта (1844, ил. 5).

Большой интерес новизной включенных сюжетов представляет пушкинский набор из 18 открыток, выпущенный в 1937 г. Ростовским отделением «Союзфото». В его составе имеется изображение Н.Н. Пушкиной (крупный фрагмент) с другой акварели В.И. Гау (1842–1843) – ил. 6. Последняя из известных нам открыток, изданных до войны, входит в набор из 29 фото «А.С. Пушкин» Госкиноиздата (М., 1940), на ней полностью

изображен портрет с акварели В.И. Гау, фрагментом показанный на ил. 2 и 3.

Ил.6

С 1949 года государственные издательства («Искусство», «Советский художник», «Ленфотохудожник», «Изобразительное искусство» и др.) осуществляли массовый выпуск репродукционных и документальных открыток Пушкинианы, продолжавшийся до 1990 г. Но изображения Н.Н. Пушкиной появлялись на них не часто: в основном переиздавался портрет работы А.П. Брюллова (нам, к примеру, известны такие выпуски 1959, 1963, 1968, 1969 и 1990 гг.), повторено было и издание портрета с акварели В.И. Гау в 1990 г. С 1970-х гг. на открытках начали появляться

новые сюжеты (репродукции) – картина Н.П. Ульянова «А.С. Пушкин и Н.Н. Пушкина на придворном балу» – ил. 7, портрет Н.Н. Пушкиной – картина художника И.К. Макарова (1982) – ил. 8, жанровая композиция работы художника Ю.В. Иванова (комплект издательства «Изобразительное искусство», 1984) и др.

С развалом СССР традиционные издательства, специализировавшиеся на выпуске открыток «для массового покупателя», перестали функционировать или изменили свой профиль, посчитав издание открыток делом нерентабельным. Тем временем прилавки магазинов заполнились массой поздравительных карточек сомни-

Ил.7

И. К. Макаров (1822-1897). Н.Н. Пушкина-Ланская. 1849 г.

Ил.8

сюжеты, ранее не помещавшиеся на открытках. Уже выпущено несколько сот тематических наборов (комплектов), заметное место среди которых занимают открытки Пушкинианы. Рассматриваемая

В.И. Гау (1816-1895) Н.Н. Пушкина (Ланская) 1844
Бристольский к. акв., аля, белая 20,9х17,1 (овал)
Галерея русского искусства «Пониз и К», Париж

Ил.10

тельного качества. Но постепенно к выпуску открыток обратились музеи, различные учреждения культуры и отдельные предприниматели.

В Москве таким издательством стало ООО «Свет-инфо» (с 2006 – ООО «Живопись-инфо»), его возглавил В.Ф. Карпов. Ориентированное в первую очередь на коллекционеров, оно, как правило, выпускает

В.И. Гау (1816-1895)
Наталия Николаевна Пушкина 1841 Б., акв. ГРМ

Ил.9

«Пушкин и Натали», «Н. Гончарова», «Музы Пушкина» (некоторые открытки из них – см. ил. 9–12).

В Санкт-Петербурге в 2005–2008 гг. Всероссийским музеем А.С. Пушкина выпущены четыре набора открыток (автор-составитель зав. Музеем-квартирой А.С. Пушки-

Н.Н. Пушкина-Ланская (1812-1863) Фотография. Начало 1860 г.

И.К. Макаров (1822-1897) Портрет Н.Н. Пушкиной-Ланской.
1860-е. Государственный музей А.С. Пушкина, Москва

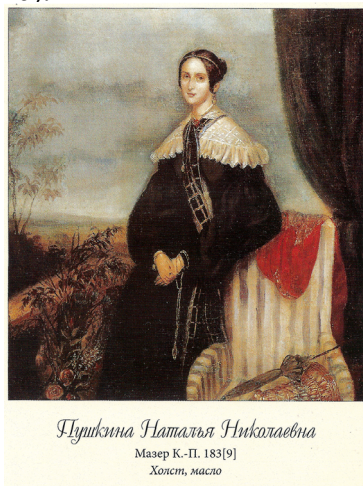
Ил.11

Ил.12

на Г.М. Седова), один из которых, изданный издательством «Абрис» в 2008 г., озаглавлен словами поэта «Женка моя прелесть...» (отдельные ил. см. 13–16).

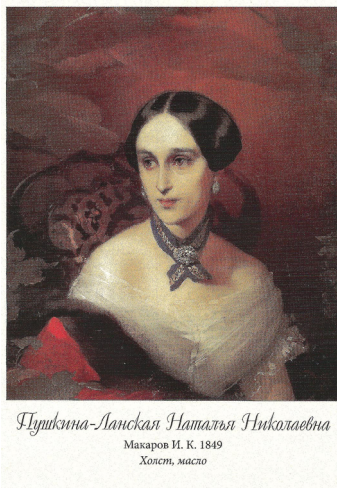
Ил.13

Ил.14

Ил.15

Ил.16

Таким образом, на сегодняшний день с учетом ряда открыток других издателей, поименно не названных нами, выстраивается весьма обширная иконография Н.Н. Пушкиной, основу которой составляют её прижизненные портреты.

Краткая библиография

1. Пушкин и его друзья: Портреты и рисунки. Набор из 16 открыток. Комментарий И.С. Зильберштейна. М.: Гослитмузей, 1937. № 9; 10. – С. 34–41 (брошюра).

2. Беляев М.Д. Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников. СПб.: «Библиополис», 1993. – 112 с. Ил.

3. Пантюхин В. «Себя как в зеркале я вижу» // Правда-5. 1997. № 22. 20–27 июня.

4. Шмит-Фогелевич Н.П. Издатели не остались в стороне // С.-Петербургские ведомости. 1999. 5–10 июня.

5. Розанов С.С. Обзор новых репродукционных открыток // Жук. М. 2004. № 1. – С. 9 – 11.

6. «Женка моя прелесть...». Составитель и автор текстов Г.М. Седова. Набор из 12 открыток. ВМП. СПб.: «Абрис», 2008.

*Хроники
Пушкинского
общества*

Наш анонс

Новое издание «Пушкинианы в миниатюрных изданиях»

Вышел в свет каталог «Пушкиниана в миниатюрных изданиях. Библиографический указатель миниатюрных изданий. 1836–2009. М. КармА+Т. 2011». В каталоге содержатся описания 2650 миниатюрных книг пушкинской тематики.

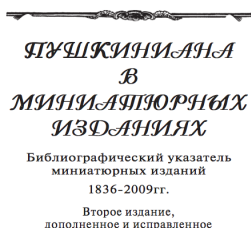
Напомним, что первое издание каталога вышло десять лет назад, и в нём было описано 1396 изданий. Как видим, число «пушкинских» миниатюрных книг за десять последних лет практически удвоилось.

Составителем нового библиографического указателя стал московский коллекционер и издатель миниатюрных книг А.И. Кармишин, много внимания уделяющий

вопросу каталогизации миниатюрных изданий, в частности мини-книг «пушкинской тематики».

Второе издание «Пушкинианы в миниатюрных изданиях» А.И. Кармишин посвятил светлой памяти Марии Петровны Нестеровой (1917–2002), крупного исследователя и коллекционера миниатюрных книг, обаятельного человека. Именно она стояла у истоков идеи создания каталога миниатюрных пушкинских изданий. Хорошо, что ей довелось увидеть плоды своего труда – первое издание каталога, вышедшего незадолго до её кончины.

При подготовке второго издания были сохранены критерии отбора материала и структура прежнего каталога. Он открывается статьёй «От составителя», в которой изложены

Москва – 2011
КармА+Т

принципы расположения материала по двенадцати тематическим разделам. Новинкой является включение в каталог миниатюрных книг, изготовленных фотомеханическим способом, календарей-ежемесячников и приложений к журналу «Круглый год». Это позволило расширить круг «пушкинских» миниатюрных изданий, обратить внимание собирателей на редкие виды миниатюр.

Отметим удачное визуальное представление материала в новом каталоге, что особенно важно в издании миниатюрного формата (его размеры 72х99 мм). Помещённые в каталоге рисунки Н.И. Калиты делают работу с ним особенно приятной. Большим достоинством нового библиографического справочника является наличие нескольких именных указателей и системы перекрёстных ссылок.

«Пушкиниана в миниатюрных изданиях» станет хорошим подарком для коллекционеров миниатюрных книг и всех ценителей творчества А.С. Пушкина.

*А. Громов,
член совета Национального союза библиофилов*

Сезон 2011–2012 гг. в салоне «Под сенью Пушкина»

17.09.11 – открытие сезона «К привычкам бытия вновь чувствую любовь» (о гастрономических пристрастиях Пушкина с дегустацией блюд).

10.10.11 – высажена липовая аллея у педагогического лицея им. А.Пушкина – подарок от «Пушкинского общества» к 20-летию НГПЛ им. Пушкина.

15.10.11 – Пушкинский бал в салоне в честь 200-летия царскосельского лицея с участием танцевального клуба «Отражение».

19.10.11 – участие в лицейском празднике, посвященном 20-летию Новосибирского городского педагогического лицея имени А.С. Пушкина и 200-летию Царскосельского лицея Пушкинский бал.

19.11.11 – презентация «Пушкинского альманаха» №11 (юбилейного). Информация о творчестве русского поэта Николая Рубцова.

12.12.11 – «Круглый стол» О новостях российской культуры в столице и провинции» (глазами очевидца, предс. НРПО)

Поэт В.Липчанский о своей поэме «Ермак».

19.01.12 – презентация книги «Каменотес» о судьбе сибирского скульптора, Почетного члена «Пушкинского общества» Парамонова в гимназии №11.

21.01.12 – презентация книги «Каменотес» (авторы-соавтатели, члены НРПО Трухина Н.П. и Соколова Л.И.

Презентация книги члена правления НРПО Липчанского «Высоцкий. Взятые вершины». Выступление ансамбля скрипачей ДШИ №6 под руководством Игоря и Татьяны Пашиевых.

06.02 – 18.02.2012 – памяти А.С. Пушкина. 175-я годовщина гибели поэта (мероприятия в лицее и в НРПО).

1. Молебен по Пушкину.

2. Поэтическая гостиная в музее Пушкина в лицее с участием членов НРПО:

Крыжановский В.Е. – редактор «Пушкинского альманаха», Зайцев И.С., Небольсин В.Я., Липчанский В.Е. – поэты, Трухина Н.П. – председатель правления НРПО.

3. Литературно-музыкальная композиция в салоне.

4. Выступления членов НРПО в библиотеках, в торгово-экономическом колледже, в ЦИНКе и др. (Иванова Р.Е., Трофимова Т.Я., Липчанский В.Е.).

5. Презентация «Пушкинского альманаха» №12.

17.03.12 – встреча в салоне с фотохудожником, членом НРПО, Изразцовым В.Н. Презентация в/ф «Удивительная страна Алтай».

27.03.12 – участие во всенародном дне поэзии в библиотеке С.-Щедрина, в с. Криводановка и др.

30.03 и **04.04.12** – предс. НРПО на приеме у министра образования Никонова В.А. и зам. министра культуры Решетникова И.Н. правительства НСО проинформировала о работе организации, о целях и задачах, о распространении альманаха в библиотеках, школах города и области, о взаимодействии министерств образования и культуры с НРПО (памятник Пушкину, бюст И.А. Зака, распространение альманаха, объединение организаций культуры города и области). Разговор получился позитивным.

21.04.12 – творческая встреча с поэтом-юбиларом В.Е. Липчанским.

Выход в свет книги А. Чернышёва «Библия от изгоя».

19.05.12 – С именем Пушкина на полях сражений (поэты-сибиряки). Театр Победы (из истории Новосибирского государственного академического театра оперы и балета).

06.06.12 – Пушкинский день в России.

16.06.12 – Закрытие сезона. Пушкин и судьба России в 21 веке.

Перечень иллюстраций на обложке и вклейках

1-я стр. обложки:

Ханты-Мансийск памятник А.С. Пушкину, 2007 г.
Скульптор А. Ковальчук.

4-я стр. обложки:

Могила Н.Н. Пушкиной-Ланской на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Авантитул:

Н. Пушкина, художник Е. Устинов.

к стр. 10:

Серия марок.

стр. 82:

В. Бердаков. Мадонна 2012 Б., театральный грим.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУШКИН И МЫ

Александр Пушкин

Мадонна 4

Вадим Старк

Н.Н. Пушкина 5

Владимир Евдасин

Я вам поведаю приватно 12

Иван Зайцев

Пушкинская аллея 38

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий Чернышёв

Современник вечности 40

Ямбы 50

Владимир Ястребов

Женщины по имени Елизавета в жизни и творчестве

А.С. Пушкина 55

Какую экономику преподал нам А.С. Пушкин 60

Александр Громов

Письма Пушкина к жене. Долгое возвращение в Россию 67

ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

Владимир Евдасин

Когда стихи души отрада 84

Лидия Ливнева 86

Поэт 86

Культурное наследье 86

Влюбляюсь 87

Повод для любви 88

Раскол 89

Не отрекусь 91

Взамен культуры 91

Русь моя 93

...ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

Эринэ Бабаханян

Учитель словесности 96

Обман	104
Потустороннее	104
Мечта	105
«В ритме М.Ю. Лермонтова»	105
<i>Юрий Майданик</i>	111

ГОСТЬ ПУШКИНСКОГО АЛЬМАНАХА

Марианна Майская

Лик луны	114
Дорога жизни	114
Солнце	115
Лилии Устиновне Гагай	116

КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

Юрий Фабрика

... Храбрость, русским свойственная	118
---	-----

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ПУШКИНИАНЫ

Модест Гофман

Невеста и жена Пушкина	134
------------------------------	-----

Геннадий Шеховцов

У портрета Пушкина	150
--------------------------	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Нэля Трухина

Светить всегда, светить везде... ..	152
-------------------------------------	-----

Виктор Липчанский

Я счастлив тем, что вырос на селе	154
---	-----

Юрий Ключников

К юбилею собрата по перу	156
--------------------------------	-----

Вячеслав Небольсин

Полистайте альбомы свои	160
-------------------------------	-----

Эстафета жизни	161
----------------------	-----

СТРАНИЦЫ ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ

Нина Хоменко

Избранница поэта	164
------------------------	-----

Галина Лазарчук

Музей А. С. Пушкина в городе Новосибирске	187
---	-----

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПУШКИНИАНА

Александр Гдалин, Маргарита Иванова

Образ незабвенный 190

ХРОНИКИ ПУШКИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Александр Громов

Наш анонс 198

Сезон 2011–2012 гг. в салоне «Под сенью Пушкина» 200

Перечень иллюстраций на обложке и вклейках 202

Литературно-художественное издание

Пушкинский альманах, выпуск 13

**Составители: Владимир Михайлович Евдасин,
Владимир Ефимович Крыжановский,
Нэля Петровна Трухина**

Редактор – Крыжановский В.Е., email: vek-nsk@mail.ru

Корректор – Бондаренко В.В.

Компьютерная верстка – Логуновой Н.Н.

Подписано в печать 25.06.2012 с оригинал-макета

Бумага офсетная № 1, формат 60 × 84 1/16, печать

Усл. печ. л. 12,0, тираж 300 экз., заказ №